

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга вторая

ЭРЗОЛ

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Роман в четырех книгах

Книга вторая

ЭРЗОЛ

Москва

2014

Дорогой Папа!

Как сказал один умный человек, снисходительные отцы делают своих детей несчастными, и один отец значит больше, чем сто учителей.

Вспоминая свое детство и отрочество, я понимаю, что отец — это что-то большее, и, вне зависимости от своих качеств, самое авторитетное с чем мы сталкиваемся в детстве. Эту книгу я написал в знак благодарности за тот хлеб насущный и духовный, которым ты нас кормил. Вспоминая твои уроки, я, как и все мои братья и сестра, испытываю к тебе только одно чувство, обязывающее любить.

I

Мой отец принадлежит той редкой породе людей, которые привыкли менять мир под себя. Он из тех, кто получает удовольствие от того, что создает благоприятные условия для движения к поставленной цели. Ему и в голову не придет сидеть и ждать у моря погоды, пока все образуется само собой.

Что там говорить, любой переезд, даже с квартиры на квартиру, из дома в дом, требует напряжения сил. Сложности увеличиваются в разы, если речь заходит о переезде в другой город. Тяжело, хлопотно, затратно в конце концов. Решиться на переезд не так уж просто даже в наши дни, а что говорить о тех временах, которые я описываю. И как ни удивительно, отец легко принял решение о переезде в Кисловодск.

По задумке отца, переезд из Дагестана должен был стать еще одним способом построить жизнь Бабаевых по-другому — наладить ее, сделать лучше, довести до идеа-

ла. Именно это решение определило судьбу нашей семьи на долгие годы. В нем с лихвой хватало надежды на счастливый случай и удачу. По крайней мере, так это выглядит в рассказах отца. Хотя не исключено, что именно он своей волей и интуицией предопределил положительный исход всего дела.

Счастливый случай привел Эрзола в кисловодский Дом быта. Двух-трех слов, которыми посетитель перебросился с секретаршей в приемной директора, да широкой приветливой улыбки оказалось достаточно, чтобы девушка без утайки выложила новому знакомому все проблемы кисловодской артели имени Карла Маркса. А проблемы были нешуточными. Позарез требовался классный закройщик. И сколько ни бился директор Виктор Косырев (славный мужик, ветеран без обеих ног), сколько ни давал объявлений, подходящего мастера найти не удавалось. Мелкими кустарями город был наводнен, а профессионала, способного поставить дело на широкую ногу, сыскать не получалось.

Да, это была удача для Эрзола Бабаева. Отец как магнит притягивал удачу и успех и умел использовать благоприятные условия даже не на сто, а на двести процентов. Как это ему удавалось? «Повинна» в том интуиция, приносящая ему от рождения, или что другое — не суть важно. Главное, что он и природные явления сумел бы поставить себе на службу, не говоря уж об обстоятельствах, которыми мог управлять.

В кабинет директора Дома быта Эрзол вошел, уверенный, что получит работу. Суровый начальник испытующе посмотрел на посетителя. Бывший фронтовик, он хорошо разбирался в людях. Эрзол коротко сообщил, кто он и откуда. Рассказал о своей работе. Назвал фамилии пятигорских друзей Кобелева и Кутузова, которых, как оказалось, Косырев хорошо знал.

— Как звать-то? — поинтересовался директор.

— Дома Эрзолом зовут, на работе — Алексеем.

— Так ты хороший закройщик? — переспросил Косырев.

— Хороший или отличный... — замялся Эрзол. — Себя хвалить не люблю, пусть другие расскажут. Я неплохо знаю то дело, которым занимаюсь, и из отреза вместо положенных трех костюмов четыре скрою точно.

Закройщик, способный на такое, — это настоящий клондайк! При дефиците специалистов пройти мимо такого человека мог только ненормальный.

Косырев буквально расцвел.

— Тогда пиши заявление! Неба в колбасах не обещаю, но достойную зарплату — обязательно. — И директор подвинул парню бумагу с ручкой.

Эрзол ответил на такое предложение широкой улыбкой и начал старательно выводить буквы. Грамота для него была мукой. Не то что кроить.

— У тебя сколько классов образования? — спросил Косырев, заметив, как новый знакомый выписывал буквы, высунув язык от напряжения.

— Да сколько? Учился-то в войну, сами знаете, что за время было. Школу вечернюю пробовал окончить... Чему успели научить, то осталось. Что мимо прошло, то ушло. Да, еще курсы закройщиков в Москве были.

Директор усмехнулся и махнул рукой.

— В конце концов, у меня не газета и ты ко мне не статейки писать устраиваешься. А курсы закройщиков — это то, что надо!

Так Эрзол начал работать в артели имени Карла Маркса.

Город, в котором он оказался, был одним из самых примечательных в стране. Всесоюзная здравница, о которой много повидавшие люди говорили, что Кисловодск —

это место для больших людей с маленькими возможностями.

По утрам в летнюю пору он манил к себе ароматом тысяч цветов, которые распускались, словно по взмаху руки волшебника. В один момент с города как будто стирали серую пыль, и он вдруг оживал.

Первыми шаркать подошвами своих сапог начинали дворники. Ш-шух, ш-шух — запевали метлы в их руках. К ним присоединялся цокот копыт ломовых лошадей, везущих цистерны с водой. К исполнению импровизированной мелодии продключались легкие женские шаги. Это почтальонши спешили разнести по домам утренние газеты. Молочницы торопились на рынок занять свои места. Мастеровой и рабочий люд растекался по своим артелям и конторам.

Финальным аккордом окончательного пробуждения города становился гомон тысяч и тысяч отдыхающих, когда они после завтрака покидали свои санатории и пансионаты и устремлялись на просторные улицы курорта. Поправить здоровье сюда приезжали тысячи людей со всего Советского Союза.

Именно на этом неспешном празднике жизни и очутился Эрзол Бабаев. Пожалуй, в самом выборе этого места было что-то мистически верное. Возможно, «виноват» в правильном решении был отцовский нюх предпринимателя, который сразу учуял в кисловодском воздухе разлитые в нем особые возможности курортного оазиса, который обещал деловому человеку успех и процветание.

II

Конечно, условия нашей жизни в Кисловодске нельзя было сравнить с тем, с чем столкнулась в заключении наша мать.

...В палате царила гнетущая тишина, словно всю комнату накрыли огромной подушкой, которая гасила любые звуки.

Турунж очнулась. Подняла голову, огляделась. Окна — за решетками. В нос ударил острый запах незнакомых лекарств. Она повернула голову и увидела ряд кроватей, на которых неподвижно лежали женщины.

Вот одна из них приподнялась, села, свесив ноги, и застыла, уставившись на Турунж.

— Где я? — прохрипела та, чувствуя, как с трудом ворочался язык.

Ей никто не ответил. Крепко зажмурившись, Турунж ожидала, что в ту же минуту в голове прояснится и наваж-

дение закончится. Но она открыла глаза, и ничего не изменилось. Тогда к горлу подступил ком.

— Где я? — настойчиво переспросила она, приподнимаясь на локте.

Словно в ответ, в палату вошла женщина — немолодая, сухая, с собранными вверх лба морщинами, которые венчала белая шапочка.

— Бабаева? — неожиданно участливо спросила незнакомка.

Турунж вскинула голову. Посмотрела с надеждой на врача.

Та подошла к кровати, присела на краешек.

— Как самочувствие?

— Хорошее, — хрипло ответила Турунж. — Где я?

— В больнице.

— В какой?

— Не волнуйся, в хорошей. Здесь тебя подлечат, — улыбнулась врач и взяла Турунж за руку, нащупывая пульс.

— Меня скоро выпишут? — спросила с обезоруживающей улыбкой пациентка.

Доктор окинула ее внимательным взглядом.

— Как поправишься.

Это «как поправишься» Турунж вдохновило. Она вдруг начала вспоминать произошедшее с ней, детьми, Эрзолом, но не целиком, а кусками, как будто смотрела на прошлое сквозь заляпанное грязью стекло. Суд... Люди в зале... Голос судьи... «Пять лет трудовой исправительной колонии...» «Передать детей на воспитание отцу...»

Турунж встрепенулась. Дети... С кем ее дети?.. От этой мысли стало дурно. Доктор посмотрела на нее с беспокойством и участливо коснулась руки.

— Что-то вспомнила?

Турунж промолчала, подбородок начал мелко-мелко подрагивать.

— Ну-ка, ну-ка! Не вздумай истерику закатить, — строго произнесла врач, словно прикидывая, действительно ли пациентке требуется помощь. Та испугалась окрика и взяла себя в руки. — Все нормально. Встать можешь?

Турунж недоуменно посмотрела на докторшу, которая чем-то неуловимым напомнила ей Мельке.

— Зачем вставать?

— Мне посмотреть надо, как ты двигаешься, — пояснила незнакомка. — Я твой лечащий врач. Зульфия Гареевна. — Покажи, как ты ходишь. Постарайся встать.

Турунж послушно попыталась приподняться с кровати, но закружилась голова и ноги подкосились. Она рухнула на постель, ухватившись за край кровати.

— Это нормально, нормально, — успокаивающе произнесла врачиха. — Постарайся подняться.

Турунж неуверенно встала на ноги, сделала два осторожных шага.

— Хорошо, — согласно покивала доктор. Ей все больше нравилась эта больная. С ней хлопот не должно быть.

— Хватит на сегодня, можешь лечь, — разрешила Зульфия Гареевна. — Сдашь анализы, попьешь пилюли и будешь здорова. Еще радоваться будешь, что сюда попала.

— Радоваться? — Турунж вскинула недоуменный взгляд, и вдруг тревога опять промелькнула в ее глазах. — Где... Где мои дети?

Зульфия Гареевна нахмурилась, как будто Турунж спросила несусветное.

— Какие дети?!

— Мои дети! Гена, Эллочка, Игорек, Слава... Где они? Глаза Турунж стали как две расщелины.

— Четверо их у меня, — пробормотала Турунж умоляюще.

— Ты успокойся. — Врач поморщилась, как от зубной боли. — Я выясню, но сдастся мне, что дети у родни.

В надежных руках они. Ты думай о том, как тебе в себя прийти. Тут-то лучше. Или хочешь в колонию отправиться... Ты же замужем. Значит, дети с мужем.

От этих слов Турунж передернуло. Какой муж...

— Мои дети, — повторила она беспомощно. — Они совсем одни... Муж за ними не доглядит.

— Ну что заладила. — Врачиха строго посмотрела на нее. — Дети, дети... У нас детей на произвол судьбы не бросают. Если надо, государство за ними присмотрит.

Турунж бросило в дрожь.

— Им приют не нужен. Им мать нужна.

Врач начала беспокоиться, понимая, что Турунж теряет контроль над своими эмоциями.

— Так, Бабаева! — в голосе зазвенела сталь. — Если будешь истерики устраивать, придется позвать санитаров.

Турунж усилием воли взяла себя в руки.

— Все? — переспросила докторша одобрительно. — Так-то лучше.

— Все, — как эхо отозвалась Турунж.

— Вот и славно.

Турунж застыла. Докторша еще раз пытливо на нее посмотрела. На своем веку Зульфие пришлось видеть разных людей: и злых, и жестоких, и опасных. Эта была беззащитной... Наивной и беззащитной... Но воля в ней чувствовалась. Воля, которую следовало переломить...

Зульфия похлопала Турунж по плечу и перешла к другим пациенткам.

Турунж отвернулась к стене и зашла в беззвучных рыданиях.

В палате было душно. Запах пота и карболки поднимался от пола, но открыть заколоченные окна никому и в голову не приходило. Турунж и пролежала до самого ужина, уткнувшись в подушку и вспоминая детей. Где-то в темноте, словно короткая вспышка, промелькнуло лицо Раи и чей-то

причитающий голос: «Оставьте ее в покое...» И Турунж провалилась в беспамятство.

Проснувшись она глубокой ночью. «Оставить до полного излечения...» Это значит здесь, в больнице. Но как долго ей тут быть? Месяц? Всю жизнь? И от чего ее лечат?

Турунж вглядывалась в темноту, как будто пыталась прояснить будущее. Что ее ждало? Как судьба повернется к ее детям?

Турунж после суда попала в тюремную больницу, которую зэки называли на своем жаргоне хонкой. Может, это было и лучше, чем в колонии лес валить или шить с утра до вечера ватники. Кто знает, слухи о тюремных больницах ходили разные...

Хонка располагалась в старинном здании царских времен постройки. Палаты разместили в помещениях со сводчатыми потолками и толстыми стенами, на которых кое-где виднелись замазанные побелкой изображения человеческих силуэтов.

Уже потом Турунж кто-то сказал, что до революции здесь располагалась монастырская мастерская. Что это был за монастырь, она не спросила, да и не особо ее это интересовало.

Среди других больных Турунж выделялась сосредоточенной замкнутостью и отстраненностью. Будто здесь, в этом месте, находилась не вся она, не полностью, а лишь какая-то малая часть ее души.

Мыслями она была с детьми, ни на секунду не выпуская их из своего сердца. Только сосредоточенность на их судьбе не давала Турунж впасть в отчаяние. Дети стали той самой соломинкой, которая удерживала ее на плаву в океане горя и несправедливости.

Таблетки и уколы, которыми ее пичкали, она воспринимала как настоящих разрушителей. Они отупляли со-

знание, заволакивали память. Турунж не всегда понимала, какие медицинские манипуляции с ней проводили. И покорно смотрела на врачей, которые делали свое дело, следуя инструкциям и предписаниям, превращая здорового человека в больного.

Но люди на то и люди, чтобы привыкнуть даже к самым невыносимым обстоятельствам. Постепенно Турунж адаптировалась к тому месту, где находилась. И стала частью его. Она подчинялась указаниям санитаров, драила полы в коридорах, выполняла черную работу по кухне. Турунж никогда не была белоручкой, так что к подобным обязанностям ей и привыкать не пришлось.

Только однажды она сильно испугалась. Как-то вечером в больничной палате, когда за окном уже сгустились сумерки, неожиданно вспыхнул свет. И Турунж увидела в зарешеченном мелкой сеткой окне лицо незнакомой старухи. Турунж сначала даже не поняла, откуда та появилась. Хотела крикнуть, отогнать жутковатую гостью. И осеклась. Никого здесь не было. Турунж сообразила, что старуха в окне — это она и есть. Мысль о том, что молодость вдруг закончилась, ничуть не испугала. Что в этом плохого?

Думы о детях дразнили. Искушали мечтой о побеге. Мечта была глупая, неразумная. Турунж и сама это понимала, но иной раз, когда в их отделении открывались заветные двери в конце коридора, ведущие на волю, она замирала, словно измученная жаждой лань перед источником воды, готовая броситься туда одним прыжком. Перепрыгнуть через высокие монастырские стены, обернуться птицей — да кем угодно — лишь бы на волю. А там уж... Одна дорога. К детям.

И сразу отступала тоска. Вспоминались сладкие моменты, как ее карапузы ползали по полу, хватались за подол, тянули к ней ручонки.

Странное дело, в неволе Турунж стала совсем по-другому воспринимать свою жизнь в доме Бабаевых. Куда-то в прошлое отошли воспоминания о ссоре с Эрзолом, пререкания с Хаво. Какая же она, Турунж, была глупая. Зачем соревновалась со свекровью, кто в доме хозяйка. Это как на корабле. Двум капитанам на мостике не стоять. Да, глупая была, молодая.

Иногда Турунж просила доктора позволить свидание с детьми. В самом деле, не звери же здесь работали. Что им стоило позволить матери увидеть малолетних детей?

Зульфия в ответ только хмурилась и старалась уйти из палаты. В свидании с детьми Турунж отказывали на том основании, что у нее случались нервные срывы, она плакала по ночам. В таком состоянии видеть детей не положено.

III

Говорят, человек за все должен платить. Какую плату за свои поступки могла Хаво посчитать чрезмерной? Может быть, соседские косые взгляды. На рынок пойдешь, столько о себе за спиной услышишь... Придешь домой — аж поясницу ломит от пересудов. Наши женщины верили во всю эту мистику и магию.

Мужчинам — тем всегда все равно! Им лишь бы были готовы обед да ужин, да наведен порядок в доме, да в шкафу висела чистая одежда...

Женщины смотрели на обиды по-другому. Обида неотомщенная считалась опасней. Мысли затаенные, не высказанные, — проникающими в печень врага и иссушающими его мозг. Куда от этого денешься? Горцы на расправу скоры, на язык остры, на пересуды — падки. Оно и понятно — единственное развлечение.

Не сказать, что общественное мнение о Бабаевых было таким уж единым. Нет. Говорили разное. Кто-то осуждал,

кто-то злопыхательствовал. Почти все жалели Турунж. Мол, такая молодая и за решеткой. Обсуждали ее поведение по-разному. Женщины разделились во мнении. Одни осуждали Турунж: зачем мужа да свекровь не слушала, да золовку чуть не покалечила, другие нападали на Эрзола: жену и ее родственников подставил под суд, детей у матери отнял. Мужчины старались рассуждать здраво. Те Эрзола по большей части оправдывали: мужика все-таки слушать надо, он добытчик. Зачем против мужа пошла? Зачем детей отнимать вздумала?

В общем, жители Махачкалы судили-рядили на все лады, перебивая кости то Эрзолу, то Турунж, не очень вдаваясь в детали и почти ничего не понимая в произошедшем.

Казалось, меньше других эти пустопорожние разговоры занимали нашего отца. Молодость делала свое дело. Он смотрел вперед, да и истину, что на каждый роток не накинешь платок, он давно усвоил. Пусть болтают что хотят, если других тем нет, лишь бы на дороге не стояли.

В конце концов, при правильном отношении к делу в любой ситуации можно найти положительные стороны. Например, он стал свободен... Никто его больше не пил. Никто не давал советов. И мать больше не злилась. Это было самым большим достижением.

В самом деле, с исчезновением Турунж Хаво успокоилась. Что она чувствовала, никто толком не понимал. Разве в чужую душу заглянешь? Может быть она жалела, что так все обернулось, может быть, радовалась. Об этом она ни с кем не заговаривала, словно решив для себя раз и навсегда, что с произошедшим ничего поделать нельзя. Одно она знала твердо: если ты жена — терпи. Не спорь. А сноха не захотела подчиняться. Вот и получила.

С другой стороны, несмотря на то что с переездом к Бабаевым четверых внуков хлопот у Хаво прибавилось, стран-

ное дело — она помолодела, как будто лет двадцать с плеч скинула. Может, с нами она опять почувствовала себя молодой матерью. Да-да... Бабушкой она себя не звала.

Казалось, она успевала везде и всюду, каким-то непостижимым образом появляясь одновременно в нескольких местах... У плиты, во дворе — мела, месила, гладила, стирала... Обходилась одна, без помощниц. Постоянная забота о любимых и дорогих — вот секрет ее эликсира молодости.

Итак, Бабаевы обживались в Кисловодске. Точнее обживалась Хаво вместе с Эрзолом, Нахамьё да старшими внуками: мной и Славой. В Махачкале под присмотром Фиры, Милы и Лизы остались только младшие: Гена и Эллочка.

— Это ненадолго, — объясняла Хаво Фире. — Надо устроиться, понять, что к чему... Тогда и детей заберем.

Фира всплескивала руками и как будто сомневалась в словах матери. Она все время выглядела так, словно ее кто-то обидел. Добавим к описанию характера нашей тети такую черту, как неистребимое любопытство, желание быть в курсе всего, что происходило у соседей, умение видеть через закрытую дверь — прямо как рентген! А еще будто бы какая-то злая сила тянула ее за острый как бритва язык. И поддеть она умела очень больно, что говорить.

Мы замечали иногда озабоченное выражение на лицах взрослых, во взгляде которых мелькала тревога, в следующее мгновение сменяемая решительностью. Большого нам ничего и не требовалось. Дети должны чувствовать, что они под защитой близких, и все. О том, как обстояли дела на самом деле, мы в силу малого возраста не догадывались.

Переезд для нас, детворы, был лишь веселым путешествием, сулящим открытие целого мира, переполненного

сокровищами и находками. Мимо нашего сознания прошло, как Хаво восприняла переезд, тяжело ли он ей дался. Наверное, кошки скребли ей душу когтями. Она теряла нажитое, родной двор, где все было своим. Даже кусочек неба над головой казался там надежной крышей. Но решение было принято мужчинами, и ей оставалось только подчиниться и устроить так, чтобы все домашние, и дети в первую очередь, с наименьшими потерями прошли через этот сложный период.

Как и обещал товарищ Косырев своему новому сотруднику Алексею Бабаеву, работа у последнего была. И зарплата. Но хватало ее лишь на корочку хлеба. Чтобы бутерброд был с маслом и икоркой, следовало ой как шустрить, шевелиться, ибо получал закройщик в артели от выработки. И заказы надо было откуда-то добывать. В этом деле и пригодилась специфика южного курортного города, куда судьба занесла моего отца.

Именно в Кисловодске круглый год затевались курортные романы. Воодушевленные дармовыми профсоюзными путевками, советские гражданки требовали повышенного внимания от своих кавалеров. Те были готовы пойти на что угодно: на растрату, приписки и даже потерю доверия партии, лишь бы заслужить расположение любимой женщины.

И самое главное, чего хотели их пассии, — хотя бы казаться грациозными. Во все времена это легко обеспечивала неиспорченная родами и тяжелой работой фигура, но в Стране Советов такое было редкостью, и вся надежда возлагалась на платье. А хорошее платье требовало отличной работы закройщика. Именно поэтому талант Эрзола Бабаева оказался необычайно востребованным.

Единственная загвоздка заключалась в прописке. Город в меру своих сил пытался защищаться от желающих

в нем осесть. Теоретически прописаться в Кисловодске было невозможно, но на практике все препоны устранялись. От отца требовалось лишь разобраться, кто какую проблему мог решить, и дело было в шляпе.

Конечно, помог Косырев. Благодаря его совету Эрзол нашел какую-то деревню под Кисловодском, где формально и прописался. Затем снял небольшой дом почти в самом центре города, на улице Розы Люксембург. Этот момент и стал начальным пунктом в методичном завоевании отцом Кисловодска. Как вы понимаете, деньги на блюдечке с голубой каемочкой Эрзолу никто не приносил. Приходилось всего добиваться собственными трудом и талантом. Но он создал все условия, чтобы воплотить в реальность свои представления о достойной жизни семьи.

IV

Иногда Турунж, лежа без сна, думала, что случилось с ее родителями и сестрой.

Меж тем судьба Раи сложилась удачно.

Ее отправили отбывать срок в Баку — в печально знаменитую трудовую колонию, именуемую в народе Туземкой. Так ее прозвали еще во времена царя, ибо туда попадали преимущественно горцы, которых полицейские по одной им ведомой причине именовали туземцами. С середины 30-х годов тюрьма стала колонией обычного режима. Считалось, что в Баку были более мягкие условия содержания, потому что там отбывали срок обвиненные в экономических преступлениях. Политических в Туземку не направляли.

На работе весть об аресте жены Михаила Ханукова приняли относительно спокойно. Ему самому, отличному работнику, заслуженному партийцу, никаких претензий не предъявили. Более того, на тех складах, где его жена

отоваривалась, даже не стали проводить никаких проверок. Начальство словно сделало вид, будто ничего не произошло. В общем, Михаил Хануков продолжал работать как прежде. На солидной должности с солидной зарплатой.

Как только ему сообщили, в какую тюрьму этапировали Раю, он связался со своим бывшим сослуживцем Николаем Деревянко, который имел связи в системе МВД и при случае мог похлопотать за кого надо. Виделись они редко, но всегда оказывали друг другу услуги. Хануков не упускал случая помочь Николаю в решении разного рода бытовых проблем. В свою очередь, и тот считал своим долгом подсобить товарищу.

Виделись они редко. Впрочем, номера телефонов друг друга хранили под рукой.

Замминистра поднял трубку и набрал номер:

— Алло! Коля, здравствуй, это Миша Хануков.

— О-о, приветствую! Сколько лет, сколько зим?

— Да уж.

— Давно не виделись.

— Все в делах.

— Ну давай, рассказывай, как ты. Я слышал, у тебя все без изменений — руководишь. Ведешь к полной победе социализма...

— Да руководить-то руковожу... Но только сейчас не до радости! Коля, я тебе по делу звоню.

— А что случилось? — Николай насторожился.

— Мне с тобой встретиться надо. По личному... Очень личному.

— Когда?

— Чем скорее, тем лучше.

— Да не вопрос, встретимся. Я завтра смогу. Где?

— В ресторане Домжура.

Домжур был центровым местом столицы. Именно туда стремились все деловые люди тогдашней Москвы, чтобы спокойно, без посторонних глаз и ушей, поговорить о делах. Попасть в дом на Никитском бульваре было так же непросто, как в свое время на Ноев Ковчег провинившимся жителям Земли. Кстати, среди своих ресторан Домжура так и называли: «Ноев Ковчег».

В том, что Михаил Хануков предложил встретиться в Домжуре, не было ничего удивительного. Там его всегда поджидал столик, и знакомый метрдотель готов был предоставить отдельный кабинет.

Вышколенный швейцар со сверкающими позументами на роскошном кителе распахнул двери. Друзья прошли в угловой кабинет, обитый бархатом и плюшем, которые гасили посторонние звуки.

Официант молча поставил закуску — холодную водку в граненом графине, селечку — и как будто растворился.

Мужчины опрокинули по стопке, и замминистра, разложив салфетку на коленях, начал:

— Коля, у меня большие неприятности.

Собеседник сдержанно кивнул.

— Работы это, слава богу, не касается.

Коля улыбнулся. Это было уже проще.

— Жену мою осудили.

— Раю? — ахнул Деревянко.

Хануков кивнул.

— Не может быть!

— Спекуляция... Я ничего не знал. Вещи у меня за спиной начала перепродавать. На пару с сестрой младшей. Рая пересылала в Махачкалу, а сестра на местном рынке реализовывала.

— Зачем ей это понадобилось? Все же есть!

— А леший ее знает зачем. У сестры ее четверо детей... С мужем развелась. Без денег осталась. Вот она и бросилась

спекулировать. Думала, развернется, зарабатывать начнет... А моя дуреха помочь решила, используя мои связи. Даже не посоветовалась. Раз прошло, два, а потом на них настучали.

— Свои?

Хануков многозначительно кивнул.

— Скорее всего. На пару их и замели. Мало этого. Представляешь, старики, родители их, на суде по наивности начали брать всю вину на себя. Хотели выгородить дочерей. Признание сделали: мол, это они во всем виноваты. Дочки только на подхвате: подвезти и увезти вещи, а зачинщики всего, мол, родители, ради прокорма приторговывать начали. Ну судья, сто лет ему спать на гвоздях, тут же усмотрел в их словах признаки организованной преступной группировки и впаял каждому по пять лет колонии.

— И старикам?

— Им прежде всего. Как зачинщикам...

— Ну дела-а! — присвистнул Деревянко.

— Вот тебе и ну. Жена в колонии под Баку. Собственно, по этому-то поводу у меня к тебе просьба. Помню, ты говорил, у тебя в системе наказаний связи есть. Родственник, что ли, в Начлагупре?

Деревянко кивнул. У него в этой системе служил дядя.

— Есть такое дело.

— Не можешь посодействовать?.. Хорошо бы на кого-то в бакинской колонии выйти... Только не афишируя, кто я такой. Раю сломать там могут. Один раз она уже отсидела ни за что. Боюсь, второго раза не выдержит.

— Помогу, Миша! Конечно, помогу! Дяде я сегодня же позвоню, а после с тобой свяжусь.

— Я в долгу не останусь, — горячо воскликнул Хануков.

— Знаю-знаю. Не об этом сейчас речь. Тихо все надо сделать. Аккуратно. Ну в общем-то тебе об этом нет смысла говорить! Сам понимаешь! Ну давай, за встречу, — вдруг спохватившись, поднял рюмку Деревянко.

— За встречу, — эхом откликнулся Хануков. — Я даже не спросил тебя, как сам, как семья?

— Да помаленьку. Живем не тужим. Хотя времена нынче беспокойные.

— Да уж беспокойные. При Виссарионовиче хоть понятно было: кому кланяться, к кому бежать, а тут... — что будет? Кто кого... — Хануков осекся.

— Не бойся, Миша. Со мной можешь говорить смело, — успокоил его Деревянко. — Выведет нас куда-нибудь Никита Сергеевич. Ой, выведет. Не тушуйся. Свои люди везде есть. Выплывем.

Мужчины опрокинули еще по стопке.

— Ну давай прощаться. — Деревянко протянул руку. — Через пару дней свяжусь. Я все узнаю, и встретимся еще раз.

На этом друзья разошлись.

Прошло дня три, когда рано утром в квартире Ханукова раздался звонок.

— Миша, привет! Не разбудил? — раздался в трубке бодрый голос Коли Деревянко. — Давай встретимся часиков в одиннадцать. Сможешь?

— Конечно, смогу. Говори, куда подъехать.

— С рестораном не затевайся. Давай на Патриарших прудах.

— Хорошо.

Служебную машину Михаил брать не стал. До Пушкинской доехал на троллейбусе, а там до Патриарших рукой подать. С досадой отметил, что приехал раньше условленного времени. Вот что значит не иметь практики передвигаться общественным транспортом.

В ожидании друга купил газету, стал просматривать последние новости. В «Правде» на первой полосе размещалась передовица под громким заголовком: «Дадим

сельскому потребителю новый передвижной магазин!». Далее в сухих строках с полагавшимся пафосом сообщалось, что на горьковском автозаводе начался выпуск так называемых автолавок — «машин и прицепов для перевозки охлажденных мясомолочных продуктов»... Автор передовицы предсказывал, какой широкий размах получит развозная торговля. Теперь в любом селе, чуть ли не в поле, появится торговая лавка, которая позволит колхозникам и совхозникам без потери времени покупать товары.

Хануков автоматически подумал: «Какая хорошая идея. Как возрастет объем продаж, если непосредственно привозить товары чуть ли не на дом потребителю».

Незаметно за чтением газеты пролетело время. Вскоре появился и Николай. Хануков тут же поднялся, и мужчины не спеша стали прогуливаться вдоль пруда.

— Что Рая? — начал Николай.

— Держится. Прислала весточку из колонии. Про условия ничего не пишет. Просит как можно больше теплых вещей, чай и папиросы.

— Понятно.

Николай замолчал. Хануков умоляюще схватил его за рукав.

— Ну давай. Не тяни. Рассказывай.

— У меня все на мази, Миша. Слушай внимательно. Вот конверт. Здесь имена и адреса нужных людей. Поедешь в Баку, найдешь их там. Обратишься вот к этому человеку, он первый в списке. В курсе твоих проблем, направит, к кому идти.

Хануков слушал внимательно, все запоминал, изредка переспрашивая и согласно кивая. На том и расстались. Обратно на службу Хануков не шел — летел.

Секретаршу он решил не посвящать в свои проблемы, заказал билеты в СВ до Баку самостоятельно. Позвонил

в ЦК куратору их министерства, сообщил, что по семейным обстоятельствам должен срочно вылететь в Баку.

На другом конце трубки вежливо промолчали. И отпустили.

Уже на вокзале Миша испугался. Пройдет ли все так гладко, как то обещал товарищ? Хануков в поезде спал плохо, его мучили кошмары.

Через двое суток он сошел на перрон бакинского вокзала. Сочный южный город жил в своем ритме, не менявшемся столетиями. Люди занимались делами, подчиняясь голосу разума и выгоды, а не трескучих лозунгов.

Замминистра встречали. Отвезли в хорошую гостиницу. Едва разобрав вещи, Миша решил пройтись по городу своей юности. Да, здесь все было, как прежде: красивые девушки, темпераментные матроны, готовые завестись с пол-оборота. Он вспомнил с усмешкой, как приезжал сюда в поисках невесты...

Но теперь перед ним стояли совсем другие задачи. Михаил пошел по нужным адресам. За сутки с небольшим он смог встретиться со всеми, вплоть до начальника лагеря, где отбывала срок Рая. И со всеми нашел общий язык.

Каспийский исправительно-трудовой лагерь был относительно небольшим. Число заключенных не превышало четырех тысяч человек. Собирали они компрессорные станции для бакинского нефтекомбината.

Хануков договорился о том, что его жене сделают поправки. Разрешат получать объемные передачи: еду и все остальное, что в колонии шло на вес золота. Ему удалось почти невозможное: определить Раю в местную бухгалтерию вести учет расходов и доходов эзковской артели, заведовать нехитрой экономикой. Более того, стараниями Михаила Раю перевели в одиночную камеру — не за плохое поведение, а наоборот, чтобы оградить от остальных эзек, от мира людских джунглей, в котором может

выжить только сильнейший. И совсем небывалое послабление режима: в камере Рае вместо тюремной робы позволили носить домашний халат.

Напоследок начальник лагеря разрешил Ханукову свидание. Увидев мужа, Рая не выдержала, разрыдалась, бросилась к мужу на шею. Слезы ее растопили сердце Михаила. Куда только делись гнев, затаенные страх и обида на то, что по своей доброте к сестре Рая сильно подставила Мишу. В конце концов, надо уметь прощать. Хануков крепко прижал жену к груди и почувствовал, что у него самого по щекам потекли слезы.

— Потерпи, родная. Время пролетит, не заметишь. А там глядишь, еще что-нибудь придумаем. По условно-досрочному выйдешь...

Рая всхлипывала, ничего не отвечая, и только кивала.

В Москву Хануков возвращался успокоенный. Коля Деревянко выполнил свое обещание. Жизнь возвращалась в нормальную колею.

V

Только через два месяца консилиум, состоящий из Зульфий Гареевны и главного врача, признал Турунж Бабаеву вполне выздоровевшей.

Сидя на жестком привинченном к полу стуле, она наблюдала, как доктор выводит в истории ее болезни сухую запись: «Бабаеву — к выписке. Годна к этапированию».

Эта зловещая фраза означала конец больничных мытарств нашей матери и начало тюремных.

На следующее утро Турунж подняли в шесть часов. Два санитары провели ее через длинный пропахший карболкой коридор в самый конец, к той двери, оказаться за которой она так мечтала. Двери, которая вела на волю. Вот в проеме появилась заспанная санитарка. Молча взглянула на осужденную и пропустила ее вперед. На скамье уже лежал тюк с одеждой: черный платок, юбка, кофта. Переодевалась Турунж долго, пытаясь оття-

нуть время и не думать, что с ней будет за воротами больницы.

От одежды пахло хлоркой. Пальцы онемели и никак не могли завязать косынку узлом на затылке.

— Какой сегодня день? — неожиданно спросила она.

Санитарка бросила равнодушно:

— Понедельник. Нешто не помнишь?

Турунж отрицательно покачала головой.

— Оно и немудрено. — Бабулька участливо вздохнула. — Ну бывай! — произнесла санитарка на прощание.

Она отворила дверь — не ту, через которую впустили Турунж, а другую, напротив. В лицо дохнуло холодом и еще чем-то кислым. Прямо перед ней возникли силуэты двух конвоиров в темно-зеленом. Гавкнула команда:

— Руки за спину. На выход.

Турунж повели по бесконечному ледяному коридору с тускло мерцающими лампочками. Эхо шагов гулко утыкалось в потолок.

Наконец коридор закончился, и Турунж впервые за несколько месяцев оказалась на свежем воздухе. Она стояла во дворе под серым пасмурным небом, закатанным свинцовыми тучами, глубоко вдыхала холодный, напоенный влагой воздух и не могла им надышаться.

Милиционеры повели ее к черному воронку в самой глубине больничного двора. Турунж поспешно шагала прямо по лужам в своих поношенных летних туфлях.

С узелком в руке, в длинной черной юбке и кофте она казалась маленькой девочкой.

У фургона они остановились, и Турунж велели забираться внутрь. Рядом с ней уселся один из охранников, и машина выехала за ворота.

Ехали, может быть, час. Турунж пыталась понять, в каком направлении ее везли, высматривая дорогу через малюсенькое зарешеченное оконце. Но местность она

не узнавала, да и видно было немного. Только серые облака и черные, будто опаленные огнем, верхушки деревьев.

Наконец машина остановилась. Услышав команду, Турунж неловко спрыгнула на землю. Огляделась. Со всех сторон ее окружали длинные приземистые бараки.

Неподалеку копошились какие-то женщины в серых юбках и таких же робах. Некоторые из них остановились, с любопытством разглядывая новенькую.

Вдоль периметра лагеря тянулся огромный шестиметровый забор с колючей проволокой по верху.

— Давай двигай, — раздалась команда.

Турунж толкнули в спину. Она испуганно оглянулась. Охранник кивком указал на приземистый барак вдалеке:

— Топай.

Подхватив узелок, Турунж послушно пошла. Впереди нее вышагивал сивый здоровяк, позади ковылял щуплый конвоир с автоматом.

Здоровяк отворил решетчатую дверь и втолкнул Турунж в комнату без окон. Сурового вида тетка в униформе приказала Турунж раздеваться.

Личные вещи отобрали. Взамен выдали серую робу, юбку, черную косынку, резиновые сапоги и две пары грубых хлопковых чулок.

Через полчаса Турунж стояла в бараке, вдоль стен которого высились двухэтажные ярусы нар.

— Здесь теперь твое место, Бабаева, — ухмыльнулась вохровка. — Привыкай. Скоро твои подруги придут с работы, познакомитесь.

Турунж тоскливо обернулась на скрип и увидела, как за ее спиной захлопывалась толстая железная дверь, словно отсекая всю ее прошлую жизнь.

VI

После того как Хезгиё арестовали в здании суда, все происходящее с ним казалось бесконечным кошмарным сном. Он слышал, словно в забытии, слова судьи: «Хезгиё и Мельке Абрамовых взять под стражу. Приговорить к пяти годам работ в исправительных лагерях...» Напрасно Хезгиё кричал: «Что вы делаете?» Напрасно пытался отбить свою Мельке, приговаривая: «Она уже старая! Пощадите. Она не выдержит!»

Его не слушали. Оторвали от Мельке. Как соломенный мешок, потащили куда-то в сторону и бросили в камеру. Там уже находились двенадцать человек. Место ему никто не уступил, и он так и просидел всю ночь на цементном полу, обхватив голову руками, молясь и раскачиваясь. Он просил либо дать ему умереть, либо вернуть все, как было.

Очнулся оттого, что кто-то плеснул ему в лицо водой, прямо из ведра, от которого тянуло запахом тухлятины. Затем ему бросили ватник и велели собираться.

Собирать Хезгиё было абсолютно нечего. В зал суда он пришел с одной газетой, и с этой же газетой, которая так и осталась торчать из кармана его пиджака, был доставлен в камеру.

Вместе с другими осужденными Хезгиё вывели во двор и велели построиться в шеренгу. Скомандовали: «Шагом марш!», и они куда-то пошли. Хезгиё оказался в крайнем правом ряду справа. На некотором расстоянии шагали охранники с овчарками на поводках. Хезгиё все порывался спросить у конвоиров, что же случилось с его Мельке, где она. Но звук его тихого голоса тонул в злобном рыке овчарок, которых еле сдерживали на поводках. Эти собаки сильнее всего напугали несчастного. Сами собой всплыли в памяти кадры военной хроники, которую показывали перед киносеансами. На тех кадрах были фашисты, ведущие колонну военнопленных и гражданских в один из концлагерей.

Вместе с другими заключенными Хезгиё загнали в товарные вагоны. Лязгнули засовы на дверях, и поезд тронулся. Место ему досталось в самом углу, где были огромные щели, в которые невыносимо задувал ветер. Пайку, которая Хезгиё полагалась в пути, чуть не отобрал здоровенный детина, весь в вытатуированных куполах. К счастью Хезгиё, пахану дали отпор несколько других осужденных, не так очерстневших душой. После этого случая в вагоне развязалась настоящая война между группировками эзков. Выражалась она в жестоких стычках, происходивших на длинных перегонах между станциями. Рецидивист и его товарищи действовали подло, исподтишка, оттесняя свою жертву в угол вагона, туда, где товарищи не могли помочь. За этим следовала хорошо продуманная операция возмездия, после которой один из воровского сообщества катался по полу, завывая от боли в искаленной руке или ноге. Поезд ехал долго, и несколько раз во время

коротких остановок из вагона выносили трупы. О Хезгиё все забыли. Он сидел в своем углу, наблюдая с ужасом, как всю дорогу сильные мужики, которым бы семью кормить, мутузили друг друга изо всех сил.

Но вот поезд остановился, в последний раз лязгнув за-сов, дверь отодвинулась, и Хезгиё вместе с остальными велели освободить вагон. Он с трудом прыгнул на землю, так ослабел к концу этапа. Со стороны Хезгиё напоминал прохудившийся куль муки в ватнике. Все, что от него осталось, весило не больше пятидесяти килограммов — доходяга, по-другому и не скажешь. Но, видимо, Бог имел на него свои виды. Вместе с частью других заключенных его посадили на одну из подвод и куда-то повезли. Один из эзков, с золотой фиксой во рту и лицом в шрамах, — видимо, он не в первый раз проделывал этот путь, — заметил, что им несказанно повезло, что не на своих двоих погнали до лагеря. Случалось, топали по двадцать пять — тридцать километров, да по топким болотам, да мошка заедала. По мысли лагерного начальства, эзки на своей шкуре должны были почувствовать бесперспективность побега. Многие эту дорогу не выдерживали, падали замертво. Их, не похоронив, сбрасывали в канавы по обочинам дорог на откуп лесным могильщикам — стаям диких волков, которыми кишела округа.

Пока по бездорожью тряслась подвода, Хезгиё все шептал слова древней молитвы: «Шма исроэль... Да не преткнется моя нога ни об аспида, ни об василиска... Тысячи лет мои отцы повторяли эту просьбу вслед за царем Давидом и выносили то, что Он им посылал, и я приму то, что мне уготовано Всевышним».

Его губы беззвучно шевелились, и, глядя на старика, соседи полагали, что он сошел с ума. Хезгиё ничего подобного о себе сказать не мог. Он был в доброй памяти и ни секунды не сомневался, что именно здесь, в этом

чужом краю, вдали от родных и близких ему и суждено умереть. На то, что он выживет в нечеловеческих условиях, надеяться не приходилось.

К вечеру, когда верхушки сосен слились с сумеречным небом, перед караваном с зэками открылась огромная поляна. Вековой лес по обеим сторонам дороги оборвался, и вдруг возник высоченный забор. По периметру он был утыкан верхушками тюремных вышек. На них точечками застыли фигуры часовых. Через забор доносился собачий лай, от которого опять сжалось сердце Хезгийё. Это и был конечный пункт этапа. Сиблаг.

Всю территорию ярко освещали прожектора. Зэков разделили на три шеренги и загнали в барак. Вдоль стен были грубо сколоченные нары, на них набросан лапник. Он же густо устилал земляной пол. Посередине стояла печка, которую тут же растопили. Через час в бараке стало чуть теплее. Прозвучала команда: «Отбой!», и люди, как снопы, повалились на нары и забылись в тревожном сне.

Так прошел первый день Хезгийё в лагере.

Рано утром, едва верхушки сосен высветили солнечные лучи, завывала сирена, возвещающая начало нового дня. Люди с трудом стали подниматься, торопясь на утреннюю поверку.

Когда все построились, на пятачок перед заключенными вышел высокий мужик в офицерской шинели и добротной каракулевой кубанке. Слева и справа от него стояли то ли его адъютанты, то ли заместители.

Комендант лагеря снял кубанку. На морозе засверкали его огненно-рыжие волосы. «Неужто еврей», — подумал Хезгийё. Он посмотрел на других охранников. Удивительно, но в этом лагере, почти все конвоиры были огненно-рыжие, с конопатыми лицами.

Комендант откашлялся, грозно свел брови и начал суровую речь о том, что все осужденные тунеядцы, мо-

шенники и воры, к которым советская власть проявила неслыханное милосердие — не расстреляла, а позволила искупить ошибки на этой стройке, в забытом всеми уголке, где только он, начальник лагеря, и есть бог, царь и кум. И нет тут другого закона, кроме его командирского слова. И если они хотят выжить, то обязаны слушаться его беспрекословно.

Затем комендант обвел строй грозным взглядом и неожиданно уперся в невзрачного Хезгиё. Указав на него пальцем, громко прорычал: «Вот ты, старик. Выйди из строя. Отвечай. За что ты сидишь?»

Хезгиё растерялся. Он, никогда в жизни не вравший — «тяжкое» наследие предков, — не смог ответить на простой вопрос, за что он сидит. Сказать: «За дочерей»? Его не поймут, да и негоже было трепать их дорогое его сердцу имя перед этим сбродом. Ответить: «За воровство»? Так он ничего не крал. Хезгиё счел за лучшее промолчать.

Комендант, подождав несколько томительных мгновений, недовольно нахмурился и снова повторил свой вопрос: так за что здесь оказался старик. Но Хезгиё упрямо молчал.

Над его головой уже начали сгущаться тучи.

И тут Хезгиё осенило.

— Сижу за то, что шел не в ногу с советской властью, — пролепетал он.

Эта формулировка возникла словно ниоткуда, сама по себе, из далекого прошлого Хезгиё, когда он один раз уже сидел, запертый в сарае в ожидании смертного часа. И тогда грозный комиссар Енакуров, который долго издевался над Хезгиё и его тестем, закончил свое измывательство той самой фразой: «Не в ногу с советской властью идешь, Абрамов».

Видимо, Хезгиё произнес ее неточно или что-то перепутал, а может быть, этой кодле заключенных и вохровцев показалось невероятно смешным то, как старый еврей произносил слова «советская власть» и «шел не в ногу», потому что все дружно грохнули со смеху.

Рассмеялся и комендант лагеря. И это разрядило обстановку.

— Ладно, — ухмыльнувшись, ответил он. — Научим тебя идти в ногу.

Однако он тут же взял себя в руки и, грозно нахмурившись, велел старику встать обратно в строй.

Затем комендант еще раз обошел эзков, строго поглядев всем в глаза, и опять закончил свой осмотр на старике:

— Читать и считать умеешь, а?

Хезгиё снова растерялся.

— Конечно, умею, — выдавил он.

— Вот и хорошо. Будешь у меня на складе работать. Считать лес заготовленный. А то ни на кого здесь положиться нельзя. Все соврут или припишут, а вы, евреи, в счете толк знаете.

Командир повел взглядом влево и вправо, будто за его спиной стояли все те, на кого нельзя было положиться.

— Разойдись, — раздалась команда.

Заключенные стали растекаться по баракам, чтобы быстренько съесть свою невеликую пайку, похлебать кипяточку из кружки да отправляться на работу до вечера.

Хезгиё так бы и стоял столбом, если бы кто-то не толкнул его в спину: давай шевелись. И он пошел, засеменял не чуя под собой ног.

Так началась его новая жизнь — в качестве кладовщика в лагере в глухих лесах Томской области. Это было его удачей. На лесоповале он не протянул бы и недели.

Его начальник, заведующий складом, армянин с польской фамилией Пилсудский, оказался покладистым мужчи-

ком, который без нужды Хезгиё не шпынял. Даже разрешил ему изредка читать газеты. Но самое главное — помог наладить связь с оставшимися на свободе детьми.

Только через месяц до Хезгиё дошли вести о его Мельке, о том, что она находилась неподалеку — в той же Томской области, в таком же непроходимом лесу среди болот, в женском лагере.

Сердце Хезгиё сжалось. Он представил, каково там его ненаглядной Мельке, и горько зарыдал.

Но главное, она была жива. Трудилась в прачечной. Хоть работа и считалась невыносимой, Мельке сумела передать мужу, что условия сносные, она со всем справляется, и ее не обижают.

Известия эти Хезгиё несколько приободрили. Может быть, не все так плохо, как ему рисовалось вначале. Может быть, доведется ему с Мельке пожить еще на белом свете. Теперь оставалось выяснить, что происходило с Раей и Турунж. Им, бедняжкам, каково пришлось? Этого Хезгиё выяснить долго не удавалось.

VII

Меж тем Турунж постепенно втянулась в новый ритм жизни, в котором не оставалось места ничему личному. Удивительно, но ее — замкнутую и молчаливую — другие зэчки считали общительным человеком. Наверное, именно благодаря способности внимательно слушать собеседника, не перебивая, позволяя выговориться.

Заклученные всегда инстинктивно распознавали, где им втюхивали ложь, а где рассказывали правду, и рассказывали обманщиц, которые отказывались от собственного преступления, выставляя себя невинной жертвой. В случае с Турунж все было просто и понятно. В ее бесхитростном рассказе о муже, избиениях, предательстве близких людей, приведшем ее в тюрьму, другие заключенные находили неиссякаемый источник бабьего сострадания, не вытравляемого никакими тюрьмами и жестокостью. Мнение ее новых товарок было однозначным: Турунж стала

жертвой, жертвой мести не любившего ее никогда мужа и жестокой свекрови.

Насчет детей все советовали одно: писать им как можно чаще, постоянно напоминать о том, что у них есть законная и любящая их мать, которая ни секунды не забывает о них. Турунж рьяно следовала этому совету, отправляя при каждом удобном случае письмо на волю.

Замначальника по воспитательной работе, ожесточившаяся, обычно глухая к чужим просьбам кремь-баба, неожиданно прониклась к Турунж симпатией и стала переправлять ее послания на Сулеймана Стальского и на улицу Ермошкина.

Обратно приходили только вести из дома. Сестра Аня сообщала Турунж, что ее дети находятся у Бабаевых, что двух старших, Игоря и Славу, отец забрал с собой: то ли в Железноводск, то ли в Кисловодск, а младшие, Эллочка и Гена, жили по-прежнему на Ермошкина, на попечении сестер Эрзола.

В дни, когда Турунж получала эти послания, она становилась особенно нервной. Она не понимала, как следовало расценивать это разделение детей: почему двоих мальчиков бывший муж забрал с собой в другой город, а других детей оставил на руках своих сестер, которые не очень-то жаловали Турунж и ее малышей. Каково им там приходилось? Как их воспитывали, были ли они накормлены вовремя? Еще ее заботило, вспомнят ли они ее, их мать. Ведь Эллочка и Гена были совсем маленькими, когда их разлучили с Турунж.

От этих мыслей начинала раскалываться голова. Турунж старалась сдерживать горькую обиду, что рождалась в ее израненной душе, и только остервенело выполняла свои лагерные обязанности. И даже товарки, которые относились к ней с пониманием, опасались в такие минуты обращаться к несчастной с просьбами и советами.

Постепенно ее гнев сходил на нет, уступая место апатии. И тогда она начинала повторять чуть слышно: «Мои родные: Игорек, Слава, Эллочка, Гена». И от бесконечного повторения этих имен ей становилось легче, казалось, что вокруг ее детей вырастает надежная стена любви, которая защитит их от невзгод, согреет озябшие от одиночества и отсутствия материнской ласки трепетные детские души.

VIII

Первое время то я, то Слава со всей детской искренностью и непосредственностью интересовались: «Хаво, а где наша мама, когда она придет?» В такие моменты Хаво застывала, как будто в уши ей вонзали железные прутья.

Иногда вместо ответа она устремлялась на кухню, возвращалась с чем-нибудь вкусным и пихала в руки тому, кто задавал вопрос, как будто желая отвлечь нас от этих мыслей. И такой нехитрый прием всегда срабатывал. Мы сияли от удовольствия при виде гостинца и с радостными воплями убегали делить неожиданную «добычу», забыв обо всем на свете.

Но так происходило не каждый раз. Иногда Хаво хотелось крикнуть внукам: «Лучше бы у вас вообще матери не было!» Но она себя сдерживала и ничего не отвечала,

делая вид, что не слышит. Мы, недоумевая по поводу неожиданной глухоты Хаво, уходили, не замечая, что в ее глазах загорались огоньки злости. Ох, не следовало ей напоминать об этой неумехе Турунж, которая вздумала перебаламутить все в доме Бабаевых, нарушила закон предков, захотела стать главной хозяйкой. Скажите на милость! Решила пойти поперек нее, свекрови, старшей в доме! Слыхано ли такое! Мельке дочь неправильно воспитала, так пусть за это обе и расплачиваются! С Бабаевыми подобное не проходит. Все, что от Турунж требовалось, — это беспрекословное подчинение. Она захотела установить свои порядки, своевольничать, всем перечить — вот и получила по заслугам.

И потом, убеждала себя Хаво, семье Бабаевых тоже досталось. Оставили насиженное место, уехали из Махачкалы. И пусть здесь, в Кисловодске, им обещали молочные реки и кисельные берега, все равно они пострадали. Еще хорошо, что ее любимцы, Слава и я, были с ней.

То, что Бабаевы возьмут на новое место сначала только двоих детей, было решено на семейном совете. Пока Эрзол не устроится окончательно, пока все не наладится, с четырьмя внуками Хаво справиться было бы тяжело. Ей не хотелось думать, что по отношению к младшим, Гене и Эллочке, такое решение выглядело несправедливым.

Хаво в Кисловодске трудилась не покладая рук, стараясь наладить быт семьи, и все равно ничего не успевала. Чтобы хоть как-то облегчить жизнь матери, Эрзол отдал нас со Славой на пятидневку. «Пусть привыкают жить самостоятельно, растут мужчинами, — рассуждал отец. — Главное, что там их вовремя накормят и спать уложат. Обживемся, и закончится вся эта свистопляска. Хаво сумеет всех окружить заботой и вниманием». В этом Эрзол не сомневался.

Постепенно образ Турунж уходил из детского сознания, и воспоминания о ней затягивались пеленой, перекрываясь свежими впечатлениями от нового местожительства, пятидневки в интернате, знакомств с другими ребятами, воспитателями... Впрочем, пребывание там тоже не оставило сколько-нибудь заметных следов в детской памяти.

Каждую субботу и воскресенье мы торопились домой, предвкушая встречу с Хаво.

Мы не отдавали себе отчета, как плохо была устроена жизнь на улице Розы Люксембург. Дом — обычная халупа, без отопления, водопровода, удобства во дворе. Так жили все, и семья Бабаевых ничем не выделялась среди соседей... Вот только Эрзол не устал повторять Хаво: «Вот увидишь, скоро заживем», и подыскивал дом для постоянного, а не временного проживания.

Фира периодически сообщала Хаво, что с младшими, Генной и Эллочкой, особых проблем не возникало. Да и какие могли быть проблемы? Исчезновение родной матери они толком не могли уразуметь, зато прекрасно чувствовали ее отсутствие. Самая младшая из Бабаевых прекрасно понимала, чьи руки, материнские или родственников, ее брали. Но разве ее плач мог вразумить или усовестить взрослых? Считалось, что плакала она только потому, что не находила теплой материнской груди.

Гена маму некоторое время помнил, но тоже не мог взять в толк, куда она делась, и потому довольствовался расплывчатым объяснением, что мама уехала, а когда вернется, неизвестно. Объятия Фиры, но чаще доброй Лизы, младшей сестры Эрзола, делали свое дело — плели паутину забвения, отодвигая в прошлое тепло ладоней Турунж. Только через много-много лет эта «недолюбленность», этот холодок в отношении взрослых к маленьким детям Турунж, принес свой урожай, отразившись их судьбах и здоровье.

У нас, старших внуков Хаво, все складывалось иначе. Когда мы не находились в интернате, все время рядом были добрые бабушкины руки. Надо сказать, она делала все, чтобы дети не чувствовали себя обделенными материнской любовью.

Тем временем отец осваивался в Кисловодске. Дела его шли в гору, и в первую очередь благодаря поддержке руководителя Дома быта Косырева. Бравый ветеран, одетый в неизменный полувоенный френч, превыше всего ценил в людях честность и смелость. С войны Косырев пришел без обеих ног, и протезисты снабдили его двумя деревяшками, которые инвалид прилаживал ниже колен. Глядя на судороги, которые сводили иной раз его лицо, можно было догадаться, какие адские боли он испытывал при ходьбе. Но никто никогда не слышал от него даже намека на жалобу.

Руководителю Дома быта сразу пришелся по душе деятельный Эрзол. Он оказался человеком, который и за словом в карман не полезет, и шуткой разрядит любую ситуацию, который и в работе первый, и на отдыхе никому не уступит в веселье. В свою очередь, Эрзол ждал от Косырева, что тот даст самостоятельность в работе и всецело будет ему доверять.

Доверие это Эрзол завоевал после одного примечательного случая. Он любил длительные пешие прогулки. Миниатюрные двухэтажные здания отелей и курортных гостиниц Кисловодска, украшенные ажурными решетками и башенками, казалось, были перенесены из другого мира. Прогуливаясь по этим улицам, отец как будто вдыхал воздух минувших времен, когда ничто не мешало предприимчивому человеку в полной мере проявить свой талант и завоевать общественное признание.

Как-то, прогуливаясь по городу, отец набрел на не приметное двухэтажное здание, в котором располагалось

кисловодское ПТУ. В этом училище готовили будущих работников швейных цехов и ателье. Что может быть привлекательнее для молодого мужчины, чем девушки? Но они были еще и швеями! Эрзол поднялся к директору учебного заведения, представился. Слово за слово, выяснил, что для постижения искусства кройки студенткам элементарно не хватало учебного материала. Эрзол тут же договорился с директором ПТУ, что он будет поставлять им бросовую ткань со склада Дома быта. Выгода была двойной: артель получала деньги и избавлялась от залежалого материала, который ни на что не годился. Девушки имели возможность полноценного обучения. И все стороны были довольны.

Счастлив был и Косырев, когда Эрзол рассказал ему, как избавиться от залежей неходовового сырья. Косырева поразила находчивость новичка-закройщика. Именно с того момента директор и стал доверять отцу, разрешив заключать договоры от имени артели. Кипучая натура Бабаева только того и ждала.

Однажды он решил узнать все о том крае, куда занесла его судьба. Это не было обычное любопытство праздного туриста. Отцу требовался размах. Его родная артель, где он работал закройщиком, могла приносить неплохую выручку. Но отец понимал: если предприятие перейдет на массовое производство, то доходы увеличатся в разы. Подобным в тихом спокойном городе никогда не занимались. Максимум, на что покушались артельщики имени Карла Маркса, — это на индивидуальный пошив для любовниц партийных бонз, приезжавших на курорт. Но таковых, даже при обилии чиновничества в советские годы, было не так уж много.

Эрзол решил расширить географию клиентуры. Ставропольский край одним курортным предгорьем Кавказа не ограничивался. Кисловодск находился в окружении курортных местечек попроще, которые также имели свою

инфраструктуру. С одной стороны, там жили рядовые граждане с низким уровнем дохода, с другой — приезжали люди, искавшие способ потратить деньги с размахом.

Ессентуки, Пятигорск, Минводы, Железноводск, Лермонтовск — все эти курорты переполняли отдыхающие, готовые сорить деньгами. Связь между городами-спутниками была отличной, через каждые полчаса ходила электричка. И отец просто садился в электропоезд и ехал до очередного населенного пункта. Так он оказался в Невинномысске, расположенном на месте слияния речушки с громким названием Большой Зеленчук и величественной реки с коротким именем Кубань. Мало кто помнил, что русские казаки в середине XIX века называли поселение неприличным словом, навеянным схожестью мужского органа с тем самым мысом, на котором впоследствии основали город. Название прижилось, и местный градоначальник, испугавшись, что слух дойдет до самого императора, повелел называть город Невинный Мыс, дабы стереть неприличный топоним из памяти населявших его казаков. Как ни странно, казалось бы, обреченное на неудачу предприятие увенчалось успехом. Новое название прижилось, а старое постепенно забылось.

Шли годы. После Великой Отечественной войны по решению Совета министров СССР в городе начали строительство огромного химического завода по производству азотных удобрений из природного газа. На предприятии также получали ядовитый аммиак. Строительство продвигалось к завершению семимильными шагами. К концу 50-х улицы города укрывали от зноя не кроны лип и секвой, а тень от семи огромных труб, из которых день и ночь поднимались пары белесого ядовитого дыма. Увидев его, Эрзол почуял запах удачи.

На следующий день он попробовал попасть на прием к директору химического гиганта. Секретарша записы-

вать чужака отказалась. Ее шеф уже давно не принимал никого ниже уровня секретаря горкома партии. И все же участнику артели имени Карла Маркса, удалось невозможное — задобрить старую мегеру и добиться приема у партийно-хозяйственного зубра. Из кабинета директора завода Эрзол вышел сияющим.

Когда находчивый закройщик рассказал о произошедшем Косыреву, тот онемел от неожиданности. Отцу удалось получить заказ на пошив нескольких тысяч спецовок для работников химкомбината. Контракт был на внушительную сумму.

Так в артели портных имени Карла Маркса появился цех по производству товаров массового спроса. И плановые отчеты портных стали радовать взор городского начальства.

Прошло всего-то три месяца — квартал, — и портрет отца красовался на местной доске почета. Причем «прописался» он там надолго: его не снимали, пока Эрзол работал в артели.

Но это была лишь внешняя сторона успеха. Выжимая из производства максимум, отец потихоньку менялся и сам.

Вскоре его выбрали в члены правления артели. Голосование проходило в актовом зале, где поставили стол, покрытый неременным алым кумачом. И сидели за ним все «зубры», стоявшие у руля со дня основания конторы. Председательствовал товарищ Косырев. Он долго откашливался, потом для пущей важности налил стакан воды из графина, опрокинул в себя залпом и коротко кивнул секретарю. Та бархатным голоском зачитала: «Избрать в члены правления артели товарища Бабаева Алексея Наумовича».

— Кто за?! — решительно спросил председатель.

Президиум мгновенно ошетинился лесом рук.

— Кто против? — повисла пронзительная тишина. —
Единогласно, — подвел итог Косырев. И закрыл собрание.

Так мой отец в возрасте двадцати шести лет поднялся
на первую ступеньку высокой карьерной лестницы.

IX

Прошло каких-нибудь полгода с момента появления Эрзола Бабаева в городе, а он уже многого достиг. Он понял, как функционировал этот курортный мир, знал, в какую дверь войти, чтобы дела двигались вперед, а не буксовали на месте.

И прежде всего надо было подыскать или выстроить нормальный дом, что никак не удавалось сделать. Отец хотел найти красивое место. Такое, куда ноги сами несли бы после работы.

И тут удача опять улыбнулась ему. Сам по себе старенький домик на улице Катыхина (который ему посоветовал директор ПТУ) был ничем не примечателен. Домик, как домик, стоял у самой дороги в русском районе, населенном одними мастеровыми: плотниками, каменщиками, столярами. Отцу он приглянулся тем, что строение находилось на удачно расположенном участке, без соседей на задворках. Сразу за ним начиналась сказка: высокий

обрыв, по дну которого текла стремительная горная речка. В ясную погоду с дальнего конца двора можно даже увидеть двуглавый Эльбрус. О большем нельзя было и мечтать. Отец ударил по рукам с продавцом, Нахамьё оформил ссуду на строительство.

Покупка участка, строительство нового дома знаменовали собой начало нового этапа жизни. Для отца это стало точкой отсчета. Вообще евреи испокон веков уверены, что собственный дом для семьи — это основа. Еврей, живущий в съемном доме, — неудачник, шлемазл, «полчеловека».

Наверное, кому-то покажется странным, но на первом месте у Эрзола тогда стояли не его родные дети, а родители: Нахамьё и Хаво. Он строил дом именно для них, чтобы создать им то самое пространство, которое они воспринимали бы и раем, и крепостью. И дом этот должен был стать лучшим в городе! В чем-то даже лучше дореволюционных особняков, которыми он любовался во время пеших прогулок. Таким наш дом и стал в конце концов.

На пути к идеалу существовало одно почти непреодолимое «но». Не забывайте, о каких временах идет речь. Борьба с комфортом и роскошью опережала все остальные виды соревнований. Если отбросить всю идеологию, то главный лозунг эпохи звучал: «Не выделяйся, будь как все». Именно поэтому строительство двухэтажного дома рядовым гражданином воспринималось из ряда вон выходящим событием. И было чревато наказанием. Роскошь приравнивалась к преступлению.

Отец придумал выход из положения. Собственно, все было просто. Первый этаж наполовину утопили в земле, и на всех планах и чертежах он представлял собой что-то вроде цокольного этажа, разбитого на подсобные клетушки-комнатушки.

Власти на это купились. Никакой роскоши в планах и чертежах не обнаружили и позволили строить.

И началось! Каждый выходной семья Бабаевых — от мала до велика — созывалась на настоящий субботник. Работали не покладая рук, не чувствуя усталости, от зари до зари. Наверное, так в Древнем мире не строили пирамиду Хеопса, как мы строили наш новый дом. Это было в прямом смысле священнодействие. Отец использовал ныне подзабытые технологии возведения саманных стен, которые делали из глины вперемешку с соломой. Смесь готовили и дети. Забирались в огромные деревянные ящики и начинали месить глину и солому ногами. Уже потом рабочие лепили из этой смеси блоки, высушивали на южном солнце и клали из них стены. Дом рос медленно, но неуклонно.

Все это время мы жили в том домике, который с незапамятных времен стоял на купленном отцом участке. Но даже в нем отец умудрился устроить водопровод, чего никто из наших соседей не имел. В детской памяти накрепко зафиксировалась картина: поставишь ведро под колонку, нажмешь рычаг, и вода с грохотом вылетает из крана, сердится, бьется о дно. Дерзкая, говорливая, белая, точно молоко, от миллионов пузырей. А чуть успокоится, становится прозрачной, как хрусталь. Холодная такая, что зуб ломит. И чистейшая. Одно плохо: тяжело и далеко было таскать эту воду.

Отец справедливо считал, что так нагружать Хаво недопустимо. Без воды дом не чист, еда не сварена, гостей не пригласить... Когда наконец вода полилась из крана, Эрзол просиял. Со стороны могло показаться, что он чувствовал себя Моисеем, высекшим воду из камня в Синайской пустыне. Может быть, Моисею было даже легче: сотворил чудо, и все. Отцу, чтобы получить разрешение, надо было совершить волшебство по крайней

мере трижды. Найти дефицитные трубы в то время было сложнее, чем накормить манной Небесной Моисея и его соплеменников после Исхода из Египта.

Водопровод сразу выделил нашу семью в глазах соседей. Советские соседи — явление устрашающее, ибо среди них вполне могли оказаться сексоты — глаза и уши надзирающих органов. Сколько судеб поломали, сколько людей посадили по подметным письмам, не счесть.

Впрочем, отец умел ладить практически со всеми. Наш новый район был населен в основном русскими мастерами. Наверное, Бабаевы стали первыми переехавшими в Кисловодск на постоянное жительство евреями, и уж точно мы были первыми в этом квартале. По нашей семье судили обо всем народе.

Люди тут жили очень бедно. И вдруг появляется наш отец и предлагает заработок за помощь в строительстве его дома. Плотники, столяры, сантехники — все поучаствовали, никто не отказал.

Чуть позже с соседями познакомилась и сблизилась Хаво. В отличие от отца, она выстраивала связи по-женски, действовала тоньше, но и отношения завязывала крепче. Тоже давала возможность подзаработать, приглашала подлатать одежду и была при этом невероятно доброжелательна. Но насколько Хаво внешне была участлива со своими русскими соседями, настолько внутренне далека от них. Она, горская еврейка, не допускала и тени мысли о возможности породниться или объединиться с инородцами.

Если идти вверх по речке, через двадцать пять километров от дома можно было выйти к величественному Эльбрусу. От гор исходило ощущение силы, первозданной мощи, которая, наверное, и делает человека человеком: успешным и сильным.

Вообще в окружающем нас, детей Эрзола, мире все было подчинено мощи. Сила исходила от гор; сила исходила от Хаво; сила исходила от отца. Сила распространялась и на луга, реку, что бежала по дну скованного отвесными скалами ущелья. В реке было много запруд, образующих небольшие озера. Летом мы в них купались.

Прошло больше полувека, но из моей памяти так и не смогло выветриться это прекрасное, чарующее воспоминание о звнящем горном воздухе, кристально-чистой реке, пьянящем запахе горных трав и цветов.

Другая зарубка в памяти — корова соседки тети Тоси, рыжая, огромная, пятнистая, с боками, похожими на географическую карту мира. Бурое пятно — как африканский континент, светлое — как Азия...

Если ты маленький мальчик и стоишь рядом с огромной коровой, ты нутром чувствуешь, какое это мощное и сильное животное. С Тосей корова всегда была смирной. Слушалась ее, словно дрессированная собачка. Разумность коровы поражала детское воображение, так же, как и молоко. Мне нравилось наблюдать, как Тося доила свою любимицу и как из-под ее пальцев выстреливала белая струя молока, разбиваясь о металлическое дно подойника, поднимая уровень все выше и выше. Это было одним из чудес света! Чудом, которое всегда оборачивалось кружкой парного молока, которую Тося протягивала мне с улыбкой.

И все же главным воспоминанием остается строительство дома. Мы видели, как сначала клали фундамент, потом на нем вырастали стены, появлялись проемы для окон. Рождались комнаты, спальня переходила в кабинет. Дальше шла наша комната! Покои Хаво и Нахамьё. Огромная кухня. Гостиная... Особенно трепетно мы относились к строительству нашей комнаты. Нашей... собственной... отдельной... комнаты... От одной только мысли дух захватывало.

За какие-то шесть-семь месяцев дом был построен.

В дом отец провел не только водопровод, но и канализацию. Отныне в туалет не надо было бегать на улицу. Потом появился душ, ванная — по тем временам царская роскошь. Это была сказка, а не дом! С двумя отдельными входами.

Мы, дети, ломали голову и не могли найти ответ, зачем отцу понадобилась отдельная дверь, которая вела прямо в его кабинет. Пока однажды... Однажды из отцовской двери вышла женщина. Она проскользнула, как мышка, и растаяла в темноте. Только спустя много лет я осознал, зачем отец поступал именно так. Эрзол берег целомудрие своих детей. Таким было время. И очень строгие нравы. Хотя любви было не меньше.

А мы удивительным образом росли в мире, где существовала только одна женщина — Хаво.

Как-то раз Хаво то ли была в огороде, то ли ушла на рынок. Я остался один дома и играл в машинки. Одна из них закатилась под кровать. Я бросился за ней, споткнулся обо что-то и со всего размаха стукнулся лбом об пол. В глазах потемнело. Слезы хлынули из глаз, кровь — из носа. Наверное, крик мой слышно было за версту.

Вдруг дверь распахнулась, и не вошла, а буквально влетела Хаво. Она схватила меня на руки, прижала к себе. Начала покрывать лицо поцелуями, приговаривая:

— Ну что ты, мой маленький, ну что ты, сыночек мой! Сейчас поцелую — и все пройдет! Ну же, давай не плачь! Уже не больно! Слышишь, Игорек!

И тут у меня само собой вырвалось:

— Мамочка!

Хаво замерла, как будто ее ударили обухом. — Мамочка, — повторил я, чувствуя, как внутри разливается блаженное море любви и нежности. — Мамочка моя! —

И еще крепче прижался к Хаво, покрывая ее лицо поцелуями.

До этого никто из внуков не видел Хаво плачущей. А тут на ее глазах выступили слезы. Она прижала меня к себе так крепко, что я услышал, как часто-часто бьется ее сердце. Как заклинание, она все шептала и шептала:

— Сыночек мой, сыночек! Теперь у нас все будет хорошо!

Вот так у меня снова появилась мама.

В 1956 году мы справили долгожданное новоселье. На торжество собрался весь клан Бабаевых. Отец перевез из Махачкалы младших Эллочку и Гену, меня и Славу забрали из пятидневки. Началась нормальная жизнь.

Х

Хануков был дома, когда раздался телефонный звонок и откуда-то издалека донеслось: «Миша, меня освободили».

Он не сразу понял, кто с ним говорил, и чуть было не спросил: «Кого освободили?!» Но тут же пронзило:

— Рая?! Где ты?

— Я в Баку, — старалась перекрыть помехи Рая. — Я билет уже до Махачкалы купила. Через час выезжаю. Оттуда в Москву. Встречай, если сможешь.

И в трубке раздалась гудки.

За примерное поведение Раю освободили в конце 1957 года. Сама процедура состоялась тихо, без помпы и фанфар. На утреннем построении дневальный вызвал ее к начальнику колонии. Уставшая, с осунувшимся лицом женщина тяжелым голосом произнесла: «Ханукова, ваше прошение об условно-досрочном удовлетворено».

Рая недоуменно заморгала, словно в глаз ей попала соринка, и как будто не своим голосом переспросила:

— Кому? Мне?

— Тебе, тебе, — равнодушно отозвался начальник. — Кому же еще.

Она продолжала еще что-то говорить, но Рая уже не слышала. Она не могла понять: снилось ей это или все происходило в реальности. «...Прощение об условно-досрочном удовлетворено». Это означало только одно: ее мытарства закончились.

Как Рая и сказала мужу, в Баку она села на первый поезд, который отправлялся в Махачкалу. Она шла по родному городу и ловила на себе чужие взгляды. Наверное, Рая производила странное впечатление. Она вся светилась от счастья. Неожиданно начался дождь. Рая удивленно подняла голову, ощущая, как на нее падали прохладные капли. Она встала на узенькое крылечко под козырьком какого-то здания. Дождь усиливался, превращаясь в ливень. Крылечко заливало, но женщину это только смешило. Пусть все смое! Ей казалось, что дождь, как занавесом, отсекал ее несчастливое прошлое от полного надежд настоящего. Ей так хотелось начать жить заново. Она не выдержала и по щекам потекли слезы.

В Махачкале, в доме на Сулеймана Стальского, Рая провела всего один день. Не хотела задерживаться, торопясь к мужу. Мечтала поскорее уехать. Миша помог с билетом. Подсказал, к кому обратиться, чтобы получить место в купейном. Деньги одолжил Даниил.

Дома без родителей было сиротливо. Все напоминало о трагедии, которую переживала семья. Да и разговаривать со своими братьями Рае было особенно не о чем. Как-то так случилось, что постепенно они отдалились друг от друга.

Поэтому она не стала слушать уговоров Даниила остаться хотя бы на неделю, провела в родном доме вечер и на следующее утро уехала на вокзал.

XI

Неуемная натура Эрзола искала все новые способы приложить недюжинные предпринимательские способности. В советскую пору их полагалось стыдиться больше венерических заболеваний и вытравливать из себе даже зачатки таланта делового человека. Сколько людей, задавивших в себе бизнесмена, просто спились, не находя выхода дремавшим в них силам. Нередко случалось и такое: заработал человек много денег и не представлял, что с ними делать, кроме как прокутить в ресторанах.

Наш отец был не таков. В качестве памятного примера можно привести случай с тканью бостон. На нее идет нить из шерсти гребенной холки мериноса. Костюм из тонкой шерсти можно носить годами, сносу не будет. На одной из южных баз, где директором был друг Эрзола, как-то заляжалась огромная партия бостона. Такой излишек имел неприятные последствия для всего предприятия. Руково-

дителя, не сумевшего реализовать дорогую ткань, ждало неминуемое: предприятию срезали план по поставке ткани, за этим следовало уменьшение прибыли и потеря премии для всего коллектива.

Как-то между делом отец зашел к своему другу, директору той самой базы. Вид у него был страдальческим.

— Ты чего? — спросил отец.

— Неприятности у меня, Эрзол.

— Солнце светит. Женщины любят. Чего не хватает?

— Тебе бы только шутки шутить, — поморщился директор, словно от сильной зубной боли, — а у меня ткань... Залежи ткани. Горы ткани. И ее никто не берет.

— Что за ткань? — оживился Эрзол.

— Бостон!

— Бостон... — Эрзол прищелкнул языком. — Я бы не отказался.

— Откажешься.

— Почему?

— Дорогая потому что. Триста рублей за погонный метр. Кто купит? Ты купишь?

— Ну не знаю... — замялся отец.

— Вот, и никто не знает, — трагически заметил его товарищ, — а уценить нельзя.

— Почему?

— Откуда я знаю? Решение Совета министров нужно, вот почему. Нельзя продавать товар ниже себестоимости. Только если он вообще никуда не годен. А как им объяснить, что этот бостон никуда не годен, потому что слишком дорогой. Понимаешь?

— Понимаю, — отец кивнул. — Сколько его у тебя?

— Тысяч тридцать метров.

Эрзол присвистнул.

— Ого, гарнизон можно обшить.

— А я о чем!

— А я думал ты из-за женщин вешаться собрался.

— Вот еще... Пусть они из-за меня вешаются.

— Уже хорошо. Бойцовский дух не утратил. — Отец на секунду задумался. — А выход есть!

— Вот теперь ты точно шутишь! — не поверил директор.

— Ты ткань уценить не можешь? — снова спросил Эрзол.

— Не могу.

— А изделие из этой же самой ткани, допустим, костюм, пошить можешь?

— Могу!

— Ну вот и выход! Дай мне всю эту ткань. Мы в моей артели пошьем из нее костюмы. Мужские. Прекрасные, как пятьдесят грамм с утра. Выставим на продажу. И ты уценишь ее ровно наполовину. Без всякого Совмина. Уверяю тебя, эти костюмы улетят, как пули.

Эрзол умолчал, что из того количества ткани, которое было на складе, умелые закройщики его артели пошьют больше костюмов, чем пройдет по документации, а выручку они поделят между собой.

— Думаешь, это возможно? — Лицо директора вытянулось.

— Не думаю. Уверен! Давай пиши приказ: «Передать ателю Карла Маркса ткань для пошива костюмов».

— Не ателю, а артели, — механически поправил его товарищ.

— Один черт, — досадливо отмахнулся отец. Ему, окончившему восемь классов вечерней школы, было тогда все равно, как правильно писать. Главное, он умел видеть комбинации.

Так состоялась эта сделка века. На следующий день в артель имени Карла Маркса несколько грузовиков привезли дорожную шерстяную ткань.

Мастера засели за работу.

Шили пять или шесть дней, и через неделю сотня мужских костюмов заграничного фасона украшала витрины городского универмага Кисловодска. Цены на них были космические. Понимающие толк люди подходили к костюмам, примеряли и возвращали, поцокав языками и почесав затылки. Через несколько дней цены на костюмы упали в два раза. Весть об этом моментально разнеслась по городу. Через час в универмаге началась давка. Когда люди видели цены, по которым продавали костюмы из бостона, они сходили с ума, бежали к кассе и нетерпеливо ждали, когда кассир, точно пулеметчик, пробьет чек на заветный товар.

Костюмы разлетелись мгновенно. Работники базы получили премии, ее директор — похвальную грамоту, Эрзол с товарищами — солидную прибыль.

Так налаживалась жизнь кисловодской артели. Параллельно ей устраивался и быт нашей семьи.

Правда, о том, что происходило с нашей настоящей матерью, мы не знали.

XII

Турунж вместе со всеми стояла на плацу, ожидая приказа отправиться на работы, когда ее неожиданно выдернули из строя и велели идти в административный корпус.

— Бабаева? — капитанша, занимавшаяся в лагере воспитательной работой, тоскливо посмотрела на зэчку. Мол, как же вы все мне осточертели. — Так! — Она начала рыться в стопке бумаг на столе. — Куда она подевалась... Вот, нашла.

Начальница достала папку, выудила из нее тонкий листок бумаги, близоруко поднесла к глазам и прочитала:

— «Прощение об условно-досрочном освобождении заключенной Бабаевой Татьяны Хезгиевны рассмотреть и удовлетворить решением суда...»

Дальше Турунж не слышала. Ей показалось, что она умерла.

...О том, что ее могут освободить, она узнала с месяц назад, когда назначили дату рассмотрения ее прошения.

Сначала обрадовалась, потом испугалась, запретила себе даже думать об этом. Почему суд должен был проявить к ней сострадание? Нет, лучше не надеяться. И вот ее словно оглушили. А вдруг начальница просто пошутила? Бывают такие звери, Турунж слышала подобные рассказы.

— Ты что? Не рада?.. — вдруг услышала она. — Бабаева, я к тебе обращаюсь.

Турунж побледнела.

— Не обманываю я тебя, Бабаева. Не обманываю... — Голос начальницы вдруг потеплел. — Вот решение суда. Через неделю освобождение. А сейчас давай возвращайся к работе. Мне из-за тебя показателей лишаться нет резона.

Турунж, как сомнамбула, вернулась на рабочее место. Ее вдруг охватил страх перед будущим. Как встретят ее дети? Вспомнят ли? Не разлучены ли они?

XIII

Мы со Славой бегали по площадке, расположенной в Курортном парке Кисловодска, рядом с нарзанным источником, и играли на десять копеек с пацанами в футбол.

Мы были детьми улицы в самом благородном смысле этого словосочетания. Мы не сидели дома за книгами, как замученные ботаники... Таких развлечений, как компьютер и телевизор, тогда не существовало, поэтому большей частью свободное время пацаны проводили на свежем воздухе. Сказать, что мы любили футбол, — значит не сказать ничего. Почти все мальчишки того времени были увлечены этой игрой, которая воспитала не одно поколение советских детей. Мы отлично разбирались в составах команд не только первого дивизиона, но и второго, и даже третьего. Яшин был причислен нами к богам. Признаться, что не любишь футбол, — значило навсегда потерять авторитет среди товарищей или во-

все перестать считаться пацаном. Только девчонки могли не любить футбол.

Но даже на этом фоне наша увлеченность игрой граничила с особенной страстью. Только выдавалась свободная минута, как мы тут же бежали к Хаво:

— Мама, мы гулять, в футбол играть!

— А уроки?!

— Сделали!

И... нас след простыл.

Мы собирались командой и бежали в Курортный парк или на площадку по соседству с домом. По сравнению с другими дворовыми командами бабаевская чувствовала себя осененной королевским поцелуем. Перед остальными у нас было великое преимущество: настоящий футбольный мяч. Это вам не какая-нибудь самодельная плюшка, которую пинаешь-пинаешь, а она не отлипает от носа ботинка и летит не дальше пяти метров... настоящий кожаный, прошитый суровой ниткой мяч, который, если по нему точно ударить, мог улететь на другой конец города...

Его подарил нам младший брат Эрзола Алики. И мы обожали своего дядю. Он появился в доме Эрзола примерно в 1959 году, причем не один, а с молодой женой. И Хаво опять пережила трагедию: жена Алики оказалась русской.

Избранницу нашего дяди звали Надей. Она была родом из Махачкалы. Познакомились влюбленные на вступительных экзаменах в Москве. Разговорились и выяснили, что оба из одного города. Девушка тогда провалила испытания, вернулась в Махачкалу и поступила на факультет немецкого языка в местный педагогический. С Аликом отношения сохранила. Он был красавцем, атлетом, очень талантливым футболистом. Ему удавалось забивать голы из безнадежных положений, откуда-то с угла поля, почти на одной линии с воротами. И мяч после его удара, описав

невероятную траекторию, залетал в ворота противника. Это походило на чудо. Словно Алик мог привораживать мяч и заставлять его лететь в нужную сторону. И впечатленное спортивными успехами институтское начальство на время закрывало глаза на плохую успеваемость студента — успехи футбольной команды казались важнее.

Обратной стороной его спортивного дара был безудержный азарт. Именно он уводил сына Хаво и Нахамьё на темную сторону натуры, где было место только погоне за удовольствиями. Но в полной мере это качество проявилось гораздо позже.

Взаимное увлечение молодых людей было сильным. Алик не стал сопротивляться голосу страсти и, когда обнаружилось, что Надя беременна, женился. Хаво не могла примириться с тем, что ее сын намеревался связать свою судьбу с девушкой не из еврейского рода. Мать пробовала запретить сыну встречаться с русской, отговорить его, но все было без толку. Свадьба состоялась. В ответ Алика с новобрачной отказались принимать в родительском доме.

Казалось, наш дядя мало горевал по этому поводу. В положенный срок Надя родила девочку, которую называли Светой. Несколько лет они прожили в Москве, где Алик пытался учиться, переходя их вуза в вуз, но так ни один и не окончил. В конце концов мытарства по съемным квартирам с маленьким ребенком привели к тому, что наш дядя вернулся в родительское гнездо — дом Эрзола. Это походило на возвращение блудного сына. Чего стоило Хаво смириться с русской невесткой, не знает никто. Эрзол устроил брата к себе на работу, Алик начал играть в футбол за «Трудовые резервы» города Кисловодска. Казалось, живи да радуйся, но, как выяснилось, Алик из всех способов провести время предпочитал загулы, карточные игры на деньги и выпивку...

Мы, дети, ничего такого не знали, только гордились им. То, что мы жили под одной крышей с настоящим футболистом, вознесло нас в глазах друзей на недостижимую высоту. Кроме настоящего футбольного мяча Алик принес нам списанную футбольную экипировку, которая не годилась для серьезной игры, но для пацанов была в самый раз, представляясь пределом мечтаний.

Схватив свои сокровища — мяч, порванные футбольные бутсы, — мы мчались со всех ног на футбольное поле. Мы предвкушали сражение, не уступающее по азарту чемпионатам Европы или мира.

Чаше всего мальчики до одури гоняли мяч на футбольной площадке в Курортном парке под охраной гипсовых статуй пионеров, неслышно дующих в горны и бьющих в барабаны. Эти скульптуры вдоволь насмотрелись на ободранные коленки ошалевших от возбуждения маленьких игроков, мяч, летавший от ворот до ворот под надрывно-звонкие детские крики: «Го-ол!...». Победителя ждало все! Два или три рубля, заработанные таким образом, тратились сразу: покупалось мороженое, лимонад и все мгновенно съедалось, выпивалось и делилось на всю компанию. И тогда начинался матч-реванш...

По периметру футбольной площадки росли диковинные деревья с клиновидными листьями, названия которых знал только учитель ботаники. Когда они цвели, пацаны вдруг оказывались в дурманящем облаке ароматов, который нашептывал о чем-то еще не случавшемся, о свиданиях с девочками, которым только предстояло состояться... И детские сердца бились учащенно, и было непонятно, почему вдруг они сжимались от беспокойства. Но налетал ветерок и уносил прочь это наваждение. Футбол вновь занимал все наши мысли и чувства.

Существовало еще одно увлечение детворы: настольный теннис. Я мог играть часами — достаточно было

найти какой-нибудь стол, нарисовать на нем мелом разметку: твоя половина и чужая, — достать ракетки с мячиком. И не случившийся чемпион как угорелый носился взад-вперед, слева-направо, только успевая отбивать и посылать на половину соперника заветный белый шарик. Пинг-понг, пинг-понг...

Когда приедалось и то, и другое, мы носились по бесконечному, как нам казалось, Курортному парку. Утомившись, без сил ложились на траву, как набегавшиеся щенки, и глазели на отдыхающих, которые фланировали по дорожкам парка, выгуливая курортные костюмы, своих собачек, возлюбленных и дражайших половинок.

Таковыми нам запомнились первые весны в Кисловодске.

XIV

Работа в ателье занимала все время Эрзола, он строил новые планы, реализовывал идеи... Казалось, в нем постоянно проходил какой-то сложный алхимический процесс: смешивались в разных пропорциях рвение, склонность к авантюризму и благодушие, граничащее с почти маниакальной потребностью неожиданно устроить праздник для тех, кого он любит.

Притом на людях Эрзол выглядел очень спокойным. Он нередко становился предметом обсуждения своих друзей, они спорили о его поступках, даже осуждали их, потому что частенько не могли понять мотив, которым он руководствовался. И все-таки большинство знакомых воспринимали его как озорного весельчака, балагура, постоянно готового поддеть, пошутить. К тому же на личности переходить с ним было себе дороже. Достаточно массивный и крепкий, если он бил, то мог завалить с одного раза.

Но впечатление о нем как о спокойном человеке было ошибочным. Внутри Эрзола, особенно когда он шел к какой-то цели, как будто закипал котел. К примеру, был период, когда на календарь он смотрел с нескрываемым нетерпением. Дело в том, что городские власти обещали после Нового года провести магистральный газ. Правда, в горисполкоме сразу сказали, что на все районы труб не хватит. Понятно было, что потянут в тот, где жил председатель и первый секретарь. И все-таки Эрзол ни секунды не сомневался, что сумеет подключить свой дом! И делал все, чтобы наладить связь с властями предрежжащими, кто мог посодействовать прокладке газовых труб и по улице Катыхина.

В кругу родных Эрзол менялся. Он не боялся показать, что устал, мог резко ответить. И еще чувствовалось, что внутри него иногда поселяется озлобленность, которая как будто полностью перекрывала его благодушное настроение...

Если отцу говорили о чем-то, что он хорошо знал, но не в тех выражениях, которые он ожидал услышать, то тут же убеждал себя, что его не любили и к его мнению не прислушивались. Может быть, причиной этому была властная мать, которая стремилась, чтобы все вопросы были решены так, как она того хотела.

Возможно, именно поэтому наш отец так стремился к тому, чтобы Турунж, мать его детей, беспрекословно подчинялась своему мужу, не перечила. К сожалению, сильный характер Турунж не давал Эрзолу такой уверенности.

Именно подозрение, что она сильнее его, и приводило его в ярость. И в своем желании доказать, что он главный, Эрзол зашел так далеко, что в итоге Турунж оказалась за решеткой. Испытывал ли он муки совести? Едва ли. Переезд как будто поставил точку на его семейной жизни.

XV

Эрзол, обосновавшись в Кисловодске, отдавал себе отчет, что ему не хватало рядом советчика, друга, которому он мог бы доверять во всем. Вот если бы сюда переселился Исай Адамов! Вместе они могли бы оперативно придумывать разные ходы и комбинации, обсудить то, во что посвятить других было бы невозможно. Как и Эрзол, Исай пребывал в вечном поиске того самого выгодного дела, к которому можно было приложить свои силы и сорвать большой куш. Со стороны казалось, что он кидается из крайности в крайность, но на самом деле Исай целеустремленно двигался к своей великой цели: заработать как можно больше денег. И его интересовала не сама сумма прописью (хотя и она была важна), его вел вперед азарт делового человека.

Вот такого друга и не хватало нашему отцу, чтобы окончательно завоевать Кисловодск.

На следующий день он шел по городу, размышляя о чем-то своем. И тут за спиной ему почудился знакомый голос. Эрзол не поверил ушам. Голос Исая... Эрзол обернулся — следом за ним шел незнакомец средних лет. Неспроста такие совпадения! И вечером, оставшись один, Эрзол принял решение. Полез в ящик письменного стола, достал записную книжку, набрал номер.

В трубке послышался гудок, потом знакомый голос ответил:

— Адамов на проводе.

— Здорово, Исай. Это я, Эрзол.

— Как я рад тебя слышать! — взревела трубка. — Ты что, в Махачкалу вернулся?

— Еще чего. Слушай, я как раз сам хочу вытащить тебя оттуда.

На том конце трубки повисло напряженное молчание.

— Зачем?

— Приезжай, расскажу все.

На этом разговор закончился.

— Так ты говорил с Исаем? — спросила Хаво тем же вечером.

— Мама! Я хочу устроить так, чтобы Лиза с Исаем жили с нами рядом. Разве это плохо?! Дом есть. Пусть поживут, пока не обустроятся.

Хаво согласно покивала. Мысль о том, что дочь будет с ней, согревала ее сердце. Не дело жить Бабаевым врозь. Мать с благодарностью посмотрела на сына. Он готов был взвалить на себя еще и эту ношу. В Эрзоле семейственность крепко сидела. Ради братьев и сестер, ради родителей — Хаво и Нахамьё, — он был готов пойти на все...

— Это будет хорошо, — мягко произнесла Хаво и принялась месить тесто. — Если приедут, ингарпол испеку.

— Ну вот и я о том же! Пусть приезжают, осмотрятся, а там видно будет.

Прошло несколько дней, и Эрзол поехал на вокзал встречать сестру с мужем. Высматривая их, метался по платформе, пока не заметил маленькую, юркую, ни на чью не похожую фигуру Исая. Тот спускался по ступенькам поезда, словно цирковой иллюзионист. На его голове был неизменный атрибут кавказского шика — кепка-«аэродром», в руках саквояж. Он галантно помог сойти элегантной даме в шляпке и черном платье. Эрзол в его спутнице не сразу признал свою сестру.

— Лиза! — заорал он на весь перрон и бросился к ней.

— Эрзол!

— Красавица моя!

Исай стоял рядом.

— А ты чего лыбишься, черт дорогой?! — налетел на него Эрзол, выпуская сестру из объятий и заключая в них Исая. — Добрался...

Мужчины громко захохотали.

Пять минут спустя они уже шагали по привокзальной площади. Следом, как мышка, семенила Лиза. Неожиданно Исай остановился.

— Что такое? — удивленно посмотрел на него Эрзол.

Исай хитро прищурился. Потом шумно вдохнул полной грудью.

— Деньгами пахнет! — сверкая глазами, произнес он.

Эрзол шутливо толкнул его в бок.

— Подожди, не так быстро.

На площади стояли три легковушки. Эрзол с гордостью указал на одну из них.

— Садитесь!

Исай удивленно взметнул брови.

— Своя или служебная?

— Служебная.

— Неплохо устроился!

Уже в машине счастливая Лиза поинтересовалась:

- Что мама?
- Готовится. Такой пир заката.
- Представляю, — буркнул Исай.
- С самого утра между кухней и залом бегают.

Через десять минут они были на улице Катыхина. На пороге дома уже стоял Нахамьё. Лиза замерла у ворот. К горлу подкатил ком. Время брало свое. Отец был уже не тем бравым мужчиной, которого она всегда знала. Непрямая спина сгорбилась. Но мягкая улыбка озаряла лицо, как и прежде.

Лиза нежно дотронулась до щеки Нахамьё.

— Папа.

— Доченька.

Нахамьё улыбнулся. Все-таки бабаевская порода неистребима. Какими ласковыми и нежными могут быть его дети.

В груди все заклокотало. Нахамьё закашлялся.

— Папа, с тобой все в порядке? Ты не болен? — испугалась Лиза.

— Ох, доченька, оставь. Разве с твоим братом чем-нибудь можно заболеть. Он тут же в дом целую больницу нагонит.

Нахамьё ничуть не кривил душой. Эрзол заботился о родителях больше, чем о собственных детях. Наш дед прекрасно понимал, что его сын обладает выдающимися способностями. Единственно, чего не знал Нахамьё, как высоко его Эрзол поднимется. Только одно огорчало нашего деда: отношения его старшего сына с женщинами, то, что он, как шлемазл, мальчишка-выпускник, убедил себя, что еще не нашел своей главной, особенной любви, и все время находился в поиске идеала. Нахамьё знал: если мужчина так думает, идеальный брак ему не светит: на всех женщин он будет смотреть чуть свы-

сока и равнодушно, мол, эта еще подождет, ни к чему ей мои ласки.

Но не время было рассуждать об этом. Радость посетила дом Бабаевых: приехала любимая дочь с мужем.

И Нахамьё еще раз обнял дочь.

— Ну что, сильно постарел? — спросил он, улыбаясь.

— Да что ты, папа?! Кто говорит, что ты старый? — с мягким укором произнесла Лиза, как обычно, обезоруживая своей улыбкой.

Нахамьё похлопал ее по плечу.

— Какая же ты добрая.

— Я тоже добрый! — вмешался в разговор Исай.

— Вот и замечательно. Давайте все к столу. — Нахамьё замахал руками. — Хаво! Встречай дорогих гостей.

Все дружной гурьбой ввалились в дом прямо в объятия Хаво.

— Боже мой! Как ты похудела! Исай тебя голодом морит? — не могла налюбоваться на свою младшую дочь мать.

Лиза была миниатюрной копией Хаво. Дом, семейство, стабильность, достаток и страх все потерять — были столпами, которые определяли мировоззрение и характер обеих женщин.

Исай церемонно поцеловал тещу в щеку.

Лиза театрально затрясла его за рукав.

— Ты чего меня моришь голодом, а-а? Отвечай маме!

Исай захохотал.

— Нет, ты давай ответ держи! — поддержал Лизу Эрзол.

Брат с сестрой смеялись одной им понятной шутке. Глядя на них, и остальные члены семейства тоже сбросили остатки серьезности. Скоро хохотал весь дом, словно давая понять, как должны жить Бабаевы. И в этом потоке простого счастья чувствовалась неподдельная сила и мощь их рода.

Отсмеявшись, наобнимавшись и переодевшись с дороги, семья дружной гурьбой устремилась к уже накрытому столу. Эрзол налил всем водки и поднял рюмку. Водку он понимал, любил, знал, как она действует на его организм, и умел с ней справляться, так что, когда другие уже лежали ничком, Эрзол продолжал балагурить и шутить.

— Ну по пять грамм на зуб, и... — Он начал тост. Говорил он всегда долго и интересно. Умел вязать из слов простые и назидательные истории.

Выслушав большой благодарственный тост Создателю, все дружно выпили.

— Ну рассказывай, как ты там в своей Махачкале пропадаешь, — со смехом обратился к Исаю Эрзол.

— Не то чтобы пропадаю... — прожевывая курзе, задумчиво сказал Исай.

— Ой брось. Я-то знаю. Там ничего толком не сделаешь. Возможности-то ограничены. Ну сам все понимаешь. Эрзол опять налил.

— Не все так просто, — ответил Исай. — Были бы люди, а человек найдет, за кого ухватиться.

— Только не в Махачкале, — отрезал Эрзол. — Мы там всегда будем в стороне от сладкого. Не спорю, на мясо хватит, но к десерту притронуться не дадут.

— Ну не преувеличивай, — возразил Исай. — Хотя тут устроился хорошо, что говорить. За твой дом!

Они снова выпили.

— Согласись, здесь лучше, — гнул свое Эрзол.

— Да чем же здесь лучше? — искренне удивлялся Исай.

— А я тебе завтра покажу.

Они еще о чем-то болтали, спорили, смеялись, но утомительный переезд и радость от встречи вскоре сделали свое дело. Хаво первая заметила, что Лиза уста-

ла, потом и Исай примолк, утомившись. Только Эрзол все говорил и говорил, и его богатырский смех оглашал округу.

На следующий день Эрзол и Исай пошли гулять по городу. Отец показывал другу свои «угодья».

— Вот Нахамьё не даст соврать, — говорил он, подводя Исаю к зданию артели имени Карла Маркса. — Кисловодск — золотое дно. И знаешь почему? — Эрзол остановился и широким жестом охватил всю панораму города. — Между прочим, это все санатории. Курортный город. Знаешь, кто сюда приезжает? Одни шишки.

— Это пока только слова.

— Слова? — Эрзол завелся. — Ты меня слушай. В сезон столько людей! Море! И все с деньгами!

— Слушай, мы же не разбойники!

— А я и не предлагаю их грабить. Сами готовы отдать. — Эрзол хохотнул. — А воздух. — Он толкнул друга в плечо. — Чувствуешь, какой воздух?

Они вошли в здание артели.

— Знакомься, — произнес Эрзол, вводя Исаю в кабинет. — Директор артели товарищ Косырев, мой друг.

Кроме директора в кабинете сидели трое или четверо ответственных товарищей и что-то оживленно обсуждали. К удивлению Исаю, увидев Эрзола, Косырев резко свернул совещание.

— Ну хорошо, потом договорим! А сейчас, так сказать, оперативный момент.

Это загадочное словосочетание «оперативный момент» произвело впечатление на подчиненных Косырева. Они тут же покинули кабинет начальника.

— Знакомься, Иван Александрович, — обратился к директору Эрзол, указывая на родственника, — Исай.

Косырев крепко пожал протянутую руку.

— Мой близкий друг, — продолжал Эрзол, — и очень стоящий работник. С производственной жилкой товарищ.

— Маша, — кликнул Косырев секретарше в соседний кабинет, — чего-нибудь на стол.

— Нет, что вы! — замахал руками Эрзол. — Нам бежать надо... Еще столько дел.

Начальник Эрзола не стал настаивать. Исай только удивленно смотрел на все происходившее.

Поговорив с Косыревым, они вышли на улицу. Большинство встречных уважительно здоровались:

— Алексею Наумовичу наше почтение! — обращались они к Эрзолу.

Когда тот называл товарищу их должности, Исай только хмыкал. Он вдруг осознал, что Эрзол уже не тот человек, которого он знал в Махачкале. Его связи впечатляли даже такого бывшего человека, как Исай.

— Дружба — великое дело, — объяснял Эрзол свою тактику...

Слушая товарища, Исай вдруг понял, что слова Эрзола о золотом дне — не плод воображения. В Кисловодске все было иначе, чем в Махачкале.

— Оставайся здесь. Послушай мой совет, оставайся, — закончил свою речь Эрзол.

Да, было, о чем задуматься Исаю. Его увлекала только та работа, где имелся простор для частной инициативы вне рамок регламентов и инструкций. И в Кисловодске, похоже, все было построено именно на этом.

Через три дня Исаю с Лизой провожали домой. Уже на перроне Эрзол притянул к себе Исаю за плечи и негромко сказал:

— Нечего тебе там делать. Это факт. И помни про Лизу. Тебе наследник нужен. А здесь, под присмотром родителей, все будет легче.

Они крепко обнялись, и Исай вскочил на подножку вагона. Поезд начал набирать ход.

XVI

В день освобождения Турунж подняли ни свет ни заря и погнали в карантинную комнату. Достали из недр кладовой ее черный, с прожженными дырами узелок с личными вещами. Велели переодеваться. Затем препроводили в комнату, где все та же начальница по воспитательной работе строго объяснила Бабаевой, что условно-досрочное — это еще не сахар и не малина. Это как минимум хождение по краю, потому что, бывает, многие это испытание свободой не выдерживают. Начальница многозначительно посмотрела на Бабаеву.

— Понятно, да?

Раз в неделю следовало являться к участковому, и так до конца срока — два с половиной года. И на работу надо было устроиться. Это обязательно. Иначе еще один срок за тунеядство.

Турунж послушно кивала, давая понять, что все сказанное усвоила.

Вот она уже стоит на КПП, контрольно-пропускном пункте, за которым была воля.

На улице накрапывал дождь. Рельеф окрестностей скрывал плотный туман. Казалось, вся земля увязла в этой неуютной гиблой мороси. Грузовик, на котором ее должны были добросить до города, сломался, и до трассы пришлось идти пешком. Но Турунж даже не заметила, как оказалась на шоссе. Она летела, словно на крыльях. Скорее домой, скорее к детям... По трассе с грохотом катили полуторки, и только изредка проносились легковушки с расфуфыренными пассажирами.

Махачкала находилась где-то неподалеку. Она это точно знала. Дождь перестал, но туман стал еще гуще. За несколько метров уже ничего не было видно. Турунж вытянула руку, стараясь привлечь внимание шофера попутки, чтобы тот подбросил до города. Вдруг по глазам резанул свет желтых фар. Турунж замахала рукой. Побежала вперед и услышала пронзительный визг тормозов. В каком-нибудь полуметре от нее остановилась полуторка.

— Ты чего, ду-ур-ра! Под статью меня подвести захотела?! — раздался грозный рык. Из кабины вылез здоровенный детина в шапке-ушанке и таком же ватнике, что был на Турунж. — Со-овсем рехнулась?!

На Турунж обрушился поток лагерного мата. Она слушала его и улыбалась.

Шоферюга, отматерившись, внимательно посмотрел на чокнутую бабу. Потом заметил дорожку, которая уходила от трассы.

— С зоны, что ли? — спросил он почти миролюбиво.

Турунж кивнула.

— Ну так бы и сказала! А то развела тут! Давай полезай в кузов. Довезу до города. У меня в кабине местов нет. Жену в город везу. Она у меня на сносях.

Парень гордо указал внутрь. Турунж улыбнулась этому обстоятельству.

— Бог в помощь, — прошептала она.

Цепко ухватившись за край кузова, привычно подтянула тело и перевалилась через высокий борт. В кузове подползла к самой кабине, чтобы в дороге меньше задувало, и поплотнее запахнула телогрейку. Полуторка понеслась вперед.

Всю дорогу Турунж пыталась высмотреть сквозь грязное заднее стекло кабины молодую жену водителя, которую муж вез в город рожать. При мысли об этом Турунж начала вспоминать себя с животом, как была счастлива, когда узнавала, что беременна... Нет, на свете не существует любви. Даже эта молодуха, счастливая дурочка... Что с ней будет послезавтра, когда она родит? Продолжит радоваться? Пройдет полгода, она вернется на работу. Придет как-нибудь муж домой пьяный вечером, а от него другой бабой пахнет... Вот и вся любовь.

На окраине города грузовик остановился. Рыжий парень высунулся из кабины и извиняющимся голосом показал на барак, вырисовывающийся в тумане.

— Нам туда. Дальше сама дойдешь?

— Дойду, — кивнула Турунж. — Спасибо вам, ребята. Тот кивнул.

— Давай, не поминай лихом.

Она спрыгнула на землю. Помахала рукой роженице. На счастье. И только после этого огляделась, стараясь понять, в какой части города находилась. Район был незнакомый, но это не важно. Она в родной Махачкале, на свободе. Тут она не заблудится. Оставшуюся дорогу Турунж шла пешком.

Издали дом Абрамовых на улице Сулеймана Стальского производил впечатление нежилого. Окна были плотно зашторены. Внутри ни движения. Калитка заперта. Турунж остановилась в нерешительности, всматриваясь

в окна. Поднялась на цыпочки и протянула руку, нащупывая щеколду. Вошла во двор. Раздался залиvistый лай Кушнера, их овчарки, которую за несколько месяцев до ее ареста принес в дом Даниил. Собака бросилась к ней, но вдруг замерла, присела на задние лапы и завиляла хвостом.

— Куша! Узнала! — тихо прошептала Турунж и протянула руку.

Собака прижала уши, начала поскуливать и ластиться. Турунж ласково потрепала ее за ухом, потом виновато улыбнулась, словно даже перед псом ей было неловко, что так вот пришла неожиданно-негаданно. Чувствуя, как слабеют ноги, она поднялась на крыльцо и постучалась. Вспомнила, как влетала раньше в дом, топоча со всей силы: «Пап! Мама! Я пришла».

Дверь заскрипела, на пороге возник женский силуэт.

— Кто здесь? — раздался голос Ани.

— Ань! Это я! — почти закричала Турунж. И почувствовала, как силы оставляют ее.

— Турунж, сестра!..

Очутившись в крепких объятиях Ани, Турунж зарыдала. В голос, по бабьи, не стыдясь и не сдерживая свои слезы.

Так закончился этот сентябрьский день пятьдесят девятого года.

XVII

Новость первой узнала Хаво. Ей позвонили из Махачкалы и сообщили, что Турунж выпустили. Радоваться этому или огорчаться, Хаво не решила. Одно она знала точно: Турунж в любой момент могла приехать к своим детям. И тогда начнутся настоящие проблемы. Что сказать детям? Как они встретятся? Вопросов было больше, чем ответов.

Хаво растерянно оглянулась. Столько всего в их жизни изменилось. Вот дом уже новый выстроен. Дети живут как надо. Вроде все утряслось... И тут... Освободилась. Явится... И начнет предъявлять права.

Внизу шумела река. Глухое ворчание горного потока неожиданно переключило мысли Хаво на события жизни в Махачкале. Она припомнила, как Турунж старалась оттащить Эрзола от нее, его матери, как старалась все переиначить на свой лад. И все-таки оказалось, что Эрзол безраздельно предан ей, Хаво. Построил новый дом спе-

циально для нее, Хаво. Сознание того, что все сын сделал ради нее, Хаво, наполнило ее легкостью и силой. Вот это и есть сыновняя любовь. Пока сын с ней, Хаво могла чувствовать себя счастливой.

Она вздохнула, снова почувствовав себя сильной и уверенной. Неожиданное известие показалось вздором. И потом, когда еще Турунж сможет навестить детей... Все так зыбко и туманно.

Хаво стояла на кухне, как всегда, хлопотала и не сразу услышала, что в дом кто-то вошел. А когда почувствовала присутствие сына, не отрываясь от плиты, спросила:

— Ты слышал, что Турунж освободилась?

На секунду в кухне воцарилась та самая гнетущая тишина, с которой начинались все скандалы с Турунж в махачкалинском доме. Эрзол напрягся. Ему показалось, что сейчас бывшая жена войдет и все начнется заново. Он нахмурился, и наваждение исчезло.

— Откуда известно?

— Мне Фира сообщила. Сказала, что Турунж приходила в наш прежний дом. Интересовалась у его хозяев, не знают ли они наш новый адрес. Наверное, хочет детей увидеть. — Хаво постаралась произнести это буднично.

— Детей?.. — переспросил Эрзол задумчиво, будто только сообразил, чем это было чревато.

— А что тебя удивляет? — недоумевала Хаво.

— Она что, ничего не знает?

— А откуда ей знать?

— Я думал, сестра... Щербатовы все расскажут.

— Щербатовы?! — передразнила Хаво. — Сестра... Известно, что она еще расскажет! Они все там чокнутые!

Эрзол грозно нахмурился. Получалось, что от Турунж можно было ждать сюрпризов. Начнет наводить справки,

приезжать станет, и опять вспыхнут выяснения отношений. Вернется все то, от чего он сбежал. Тут был необходим совет бывалого человека, знакомого с ситуацией. Таким был только Исай Адамов.

На счастье, Исай был на месте и звонку друга не удивился.

— Ты слышал, что Турунж освободилась? — начал Эрзол без предисловий.

— Слышал. Мне Фира рассказала.

— А я почему узнаю об этом последним?

— Ты чего кипятишься? Лиза с Фирой общалась. Та ей и сказала. Что в этом страшного?

— Страшного? Ничего! Просто Турунж захочет увидеть моих детей. Уже приходила к нам туда, на Ермошкина. Интересовалась адресом. Понимаешь?

— Понимаю. Ну и что?

— Как что? А если она сюда прискачет? Ты думаешь, мне надо, чтобы она за мной бегала по всему Кисловодску с обвинениями, что я украл детей? Меня здесь знают! Знают с правильной стороны...

— Каждый мужчина имеет право на ошибку, — хмыкнул Исай. — А каждый муж — право на развод.

— Тебе бы шутки шутить.

— Спокойно, Эрзол. Ничего страшного не происходит. Я все улажу. Да уже уладилось. Ты думаешь, я зря здесь сижу. Махачкала не такой плохой город, как ты говоришь.

— Опять загадки?

— Что дашь за то, что скажу?

— Луну с неба... — Эрзол начал сердиться.

— Ну ладно, продаю добрые вести за ящик пива.

— Заметано.

— «Жигулевского»...

— Да говори уже.

— Ее выпустили по условно-досрочному.

— Ну и что?

— А то, что ей до конца срока — это как минимум два с половиной года — путь из Махачкалы куда бы то ни было заказан. Понимаешь? Следовательно, в Кисловодск она не приедет.

У Эрзола как будто гора с плеч свалилась.

— С меня два ящика пива, — буркнул он и положил трубку.

За два с половиной года можно многое сделать. Детей подготовить. Два с половиной года — уже не так страшно. По крайней мере, в ближайшее время никакого разговора не стоило ждать.

Мир сразу стал ярче. Вода из крана зажурчала веселей. Эрзол устало провел ладонью по щеке. Вот черт! — как же быстро растет щетина...

Переезд Исае в Кисловодск состоялся через два месяца после возвращения Турунж из колонии. Дом на улице Стальского — почти точно напротив окон Абрамовых — был продан, и Исай с Лизой покинули Дагестан.

Эрзол сдержал свое слово, помог родственнику. Две-три встречи с нужными людьми, три-четыре серьезных разговора в ресторане, и Исай — чужак в городе — был принят его хозяевами с распростертыми объятиями.

Исае назначили директором затрапезных кафе-столовок: диетической и молочной, плюс под его начало отдали пекарню, готовившую пончики.

Это были умирающие чудеса общепита, куда ходили только местные работяги, которых не отпугивал запах вчерашних щей, грязные столы и унылое обслуживание. Правда, во всем этом убожестве был один плюс: столовки располагались в людном месте, посетителей было хоть отбавляй. Для Исае — то, что надо. Можно было начинать дело.

Однажды я нечаянно подслушал на улице разговор двух соседей. Одна спросила другую:

— Слышала, тут евреи поселились.

— Жиды-то? Да. Во-он там! — товарка указала рукой на наш дом.

Так я узнал, как нас воспринимали соседи. Это загадочное слово «жиды» заставляло тревожиться, воспринимать мир острее. И задумываться: чем я отличался от других мальчишек, которых никто и никогда так не называл. На Катыхина жили в основном русские.

К тому же глаза соседей отличались поразительной зоркостью. Когда Хаво шла с рынка с тяжеленными сумками, из которых торчали пучки зелени, огурцы, помидоры, ее обязательно провожали осуждающие взгляды двух-трех товарок. Разумеется, у них в огородах тоже все было... Но соседи выращивали, а Бабаевы покупали. В этом и заключалась разница.

Зависть и знание того, что первыми среди плохих всегда оказывались евреи, сопровождали нас, детей Эрзола, сызмальства. Каждый из клана Бабаевых боролся с этим по-разному. Например, Хаво — бессознательно. Для нее это было частью науки выживания, впитанной с молоком матери. Она знала всех своих соседок по именам, знала их проблемы, детали семейных взаимоотношений, всегда находила нужное слово, совет, а иной раз и копеечку, чтобы поддержать, помочь перебиться до полочки.

Иногда она помогала соседям, покупая у них молоко, за глаза, как иной раз обидно отзывались. И всячески пыталась сгладить эту несправедливость.

XVIII

Иной раз Эрзолу хотелось чего-то такого, чего ни у кого не было и быть не могло. И тогда азарт искрами рассыпался в нем, как в электрическом проводнике после короткого замыкания. В крови закипал адреналин, и появлялось желание что-то менять, строить, обустривать...

Это напоминало прохождение квеста, поиск артефактов, которые переведут его на новый, более высокий уровень, заставят восхищаться его ловкостью и умением все организовать. Одними из символов процветания стали котельная, устроенная в подвале, и паровое отопление. Дело заключалось даже не в том, как сильно горячая вода в доме облегчала быт нашей семьи. (В конце концов Эрзол родился в таком месте, где люди привыкли обходиться вообще без удобств.) Нет, для отца был важен сам факт того, что он обладал тем, чем мало кто мог похвастаться. Как будто альпинист взойшел на Эльбрус — уровень пройден, пора было переходить к другому, брать Эверест.

Эрзол шел к своей вершине и тянул за собой детей. Но пока дети были маленькими, приходилось покорять высоты в одиночку.

Однажды Эрзол позвал всех нас в подвальное помещение. Там высилось нечто: огромный металлический цилиндр, покрытый черной масляной краской. Он был установлен на массивных кирпичных блоках и весь, как паутиной, опутан трубами, уходящими к невысокому, обшитому досками потолку комнаты.

— Это котельная с котлом, а это — топка, — коротко сказал Эрзол и распахнул окошко на корпусе, затянутое тонкой металлической сеткой.

— Тут главное — горелка, — сказал он.

Он нажал на какую-то кнопку, и в ту же секунду струя голубого пламени с оглушительным хлопком взметнулась вверх по желобу, приведя нас в ужас и восторг одновременно.

— Чтобы никогда не смели совать сюда руки, — строго предупредил Эрзол. — Ожог гарантирован.

Дети как зачарованные смотрели на ровное пламя.

Топка занимала довольно большое пространство под котлом.

— Горелка работает бесперебойно, — продолжал пояснения Эрзол. — Вон там внутри датчик. Он замеряет температуру. А здесь — котел.

Он водил рукой, словно держал волшебную палочку. Мы слушали затаив дыхание.

Эрзол захлопнул дверцу и обошел котел с другой стороны.

— Смотрите, — он постучал по металлическому цилиндру. — Уже нагрелся.

Мы по очереди потрогали. Металл был теплым.

— Главное, всегда проверять давление в котле, чтобы оно не превышало норму, — пояснил Эрзол.

— А если превысит? Что будет? — спросил Слава.

— Бабахнет, — просто ответил Эрзол.

Дети округлили глаза.

— Проверять давление надо несколько раз в день.

Топка привлекала своей таинственностью. Она грела воду в доме. Ее устройство было непонятно, но результат ощутим. От него зависела жизнь, настроение и даже, по нашему мнению, счастье мамы Хаво.

Тепло топка давала, когда была сыта. Так в нашей жизни появилась обязанность, от выполнения которой зависело благополучие семьи. До этого мы никогда с подобным не сталкивались.

Отец показал нам блестящий булыжник под названием антрацит. Мы знали со школы, что первые революционеры в большинстве своем работали истопниками и добывали в шахтах уголь. Именно из их искры разгорелось пламя революции.

Закупали антрацит перед наступлением зимы. По осени к дому подъезжал огромный грузовик и высыпал во дворе огромную грудку черных камней.

Тут же набегали нанятые отцом соседские мужики и перебрасывали этот уголь в подвал. А уже оттуда дети должны были таскать его ведрами, колоть и подкидывать в топку.

Черная гора пугала тем, что именно мы, дети, должны были расколоть эту громаду на мелкие кусочки. Со всей силы бьешь по монолитному куску и — крак! — глыба дробится на десятки мелких камушков. Крошки летят во все стороны, как брызги. Оседает черная копоть на лицах. Двадцать-тридцать минут такой работы — и все: считай, ты негр!

Хаво хохотала, когда мы после такой работы представляли перед ней.

— Черти! Ну точно черти! — она хваталась за бока. — А ну марш умываться.

И мы бежали в душ, счастливые и гордые. Довольные тем, что выполнили задание, добились результата. Может быть, тогда в нашу жизнь вошло это сказочное ощущение — покорение высоты. Непередаваемое удовольствие, оттого что понимаешь, что цель достигнута.

Мы стояли под горячей водой, которая нагрелась именно благодаря нашему героическому труду, и понимали — вот он результат. Вот она — цена наших усилий.

Мы подставляли головы, терли плечи и животы коричневым мылом и были счастливы. Нас переполнял азарт, энергия, та самая витальность — интерес к жизни. Но конечно, сами мы тогда ничего подобного не осознавали.

Как вы помните, к нашему дому прилегал довольно большой участок земли. И грех было оставлять ее пустой, без посадок. Отец считал, что огород тоже должен воспитывать детей.

Поэтому по выходным, когда он находился дома, нас, ребятшек, с утра «гнали на землю». Происходило это так. Зычный голос отца созывал детей, нам выдавали садовый инвентарь, как называла его в школе учительница. Отец брал в руки лопату и с ловкостью циркового силача всаживал ее в землю, затем переворачивал здоровый ком и кричал:

— Делай, как я!

Мы своими неокрепшими руками втыкали штыки в землю и повисали на черенках лопат, не в силах вывернуть захваченный ком. Отец хохотал, подходил к нам, показывал, как и что надо делать. Как правильно держать черенок. Под каким углом штык легче всего входит в землю. И магическим образом у нас начинало получаться.

— Неумехи, смотрите, — кричал отец весело.

Земля дрожала от его ударов, а мы удивлялись, как это у него так ловко получалось.

После часа такой работы ладони покрывались волдырями, мозоли лопались, но мы терпели, продолжая копать, пока лопата не подчинялась, как смычок скрипачу.

Эрзол показывал нам, как правильно сажать картошку, на какую глубину класть клубни, чтобы вырос огромный разлапистый куст.

А как мы подвязывали помидоры! Втыкали рядом с кустами колышки, к которым привязывали хрупкие стволы, чтобы те не сломались под тяжестью красных плодов.

Осенью, ухаживая за деревьями, мы чувствовали себя художниками. Отец готовил для нас специальный раствор, мы вооружались кистями и начинали покрывать кору слоями побелки. Отец следил, чтобы дети красили правильно, не пропуская ни единого сантиметра ствола, чтобы побелка служила непроходимой преградой для жучков-вредителей...

Для нас это стало бесценным опытом. А для отца было частью его воспитательной системы.

Однажды каждому из нас выделили по куску земли! Мы с ужасом смотрели, как отец широкими шагами отмерял наши наделы.

Потом он раздал лопаты и сказал: «Должна получиться грядка, действуйте».

Мы вонзили наши орудия труда в землю и начали копать. Через полчаса я уже прилачился. А еще через три часа у каждого из нас была полноценная грядка.

Потом, кажется, на следующий день, в воскресенье, отец взял в руки бумажные пакетики, высыпал каждому на ладонь по горсти белых семечек и сказал:

— Это будущие огурцы. Смотрите, что вы с ними будете делать. И повел к нашим угольям.

Тонким колышком он провел вдоль всей грядки неглубокую бороздку, затем через каждые десять сантиметров начал бросать туда белые зернышки, засыпая их. Затем велел продолжить нам. Так мы сделали по две-три бороздки на наших возделанных угодьях и рассыпали по ним зернышки.

А через неделю на ровной поверхности земли появились крошечные всходы. Нашему восторгу и восхищению не было предела, когда отец показал это чудо.

Так вот, значит, чем заканчивается тяжелая работа! Радостью победы! Мы видели, как земля реагирует на заботу, отзывается на пролитый на нее пот. И все это оставалось в памяти.

Но тут же следовал новый вызов «неприятеля». Через пару дней рядом с нашими всходами появлялись тонкие, разлапистые листья травы, которую Хаво называла сорняками. С ними надо было бороться — безжалостно вырывать. Но не тут-то было. Как правило, именно сорняки обладали особым свойством — их корни прорастали в землю намного глубже, чем корни огородных культур.

— Это тоже жизнь, — приговарила Хаво. — Никто не хочет ее лишаться. Точно так же и вы. Вас хотели вырвать, хотели, чтобы вы росли, как сорняки, а ваш отец этому воспротивился.

— Кто хотел, чтобы мы стали, как сорняки?

Мы не понимали ее, но слова о том, что наш отец не позволил кому-то стать нам сорняками, крепко запали в душу.

Так проходило наше лето.

Время от времени Хаво или отец выходили во двор и проводили генеральный смотр грядок. Это было, как на военном параде. Выбирали лучшую: я, Слава или Гена с Эллочкой по очереди становились победителями.

Так наш труд превращался в соревнование. Нас приучали к тому, что победитель может быть только один! И победу надо добывать во что бы то ни стало.

Только с годами пришло понимание, почему так поступал отец. Он ни в коей мере не собирался нас развлекать, забавлять. Это было сознательное, планомерное приучение детей к тяжелой, нудной работе на результат. И только.

Задумай мы упрямитесь, посчитай это просто игрой, и наказание последовало бы незамедлительно. Отец все равно заставил бы выполнять обязанности, которые он решил возложить на нас, потому что мы должны были помогать Хаво.

Счастье наше, что этот тяжелый труд был в радость и воспринимался как трудная, но все же забава. Вздумай какой-нибудь прохожий подсмотреть за Бабаевыми в то время, он бы наверняка принял наш дом за райский сад, где жили абсолютно счастливые люди.

XIX

Через две недели после возвращения Турунж решила написать детям письмо. Перед тем состоялся долгий разговор с Аней. Они сидели в кухне, запершись, чтобы к ним не лезли с советами, и шушукались.

— Я их мать. Я обязана забрать их к себе, — кипятилась Турунж. — Участковый сказал, что у меня прав больше, и как только срок закончится, я смогу к ним в Кисловодск поехать.

— Ну сможешь, а дальше что? Что ты с детьми будешь делать?

Стоило только произнести в присутствии Турунж слово «дети», как она теряла последние крохи спокойствия и уверенности. Она вспыхивала, словно к ней подносили спичку, и сразу становилась дерганой и нервной.

— Как что? Заберу их сразу.

— Понятно, что заберешь. А куда? Сюда?

Турунж закивала.

— Места хватит, — согласилась Аня. — Но на что ты их кормить будешь?

Турунж удивленно посмотрела на сестру.

— Ты что, не понимаешь? Им же со мной жить хочется.

— Это я понимаю. Я о другом говорю. На что вы жить будете?

— Как на что? Я на работу устроюсь. Ты мне поможешь, и Захар тоже.

Неутолимая жажда воссоединения с детьми крепла в Турунж с каждым прожитым на свободе днем. Ожидание встречи с ними заполняло все пространство ее души, вытесняя гнездившуюся там тоску. Это желание превратилось у нее в глубочайший невроз, основанный на трагическом сплаве любви и ненависти: любви к детям и ненависти к мужу.

Аня трагически возвела взгляд к потолку.

— Сумасшедшая. Ну ладно, тогда пиши письмо.

Сестры начали обсуждать его содержание. Турунж боялась, что наделает ошибок, и попросила написать Аню. Та, ругаясь и непрерывно прикуривая одну папиросу от другой, села за составление письма. Они взвешивали и долго формулировали каждую фразу. В итоге было написано всего несколько предложений: «Дорогие дети. Мы вас ждем. Ваша мама, Турунж. Скоро мы увидимся. Целую. Люблю».

Затем они вложили листок с посланием в конверт, наклеили марку и бросили в почтовый ящик.

Дни потекли в напряженном ожидании. Слепая вера в добрые перемены заставляла женское сердце наполняться неясной надеждой. Все будет хорошо, все образуется.

Участковый не обманул. Устроил Турунж на работу формовщицей в цех литья. Как и на зоне, она вставала

рано утром, только не по гудку, а по будильнику, и шла на новую каторгу. На нее могли накричать, ее могли задеть, больно толкнуть, — она ни на что не обращала внимание. Она словно пряталась от окружающих в своих мыслях о детях. Посылала им сигналы материнской любви, звала каждого по имени, не чувствуя в ответ ничего. Только холодную тишину. Словно с той стороны кто-то обрывал все нити. И это не могло не пугать Турунж.

Как-то она зашла в магазин детских игрушек. Остановилась у полки с машинками и помимо воли начала их разглядывать, воображая, какие игрушки купила бы своим мальчикам. Она почти потеряла счет времени и не помнила, сколько простояла у прилавка: минуту или десять.

В итоге не удержалась и взяла с полки маленькую машинку. Она представила, как приходит домой, как к ней с криком бросаются ее дети и она протягивает игрушку Игорю или Славе, и братья начинают носиться вокруг нее, стараясь заполучить подарок себе. Турунж забыла обо всем на свете, но тут чей-то резкий голос вывел ее из ступора:

— Вы будете покупать?

Турунж вздрогнула от неожиданности. Перед ней стояла молоденькая продавщица.

— Нет-нет! Держите. Все нормально. Простите.

В противоположном конце магазина она заметила маленького мальчика, напомнившего ей сыновей. Он стоял рядом со своей мамой и канючил, чтобы та купила ему тетрадку в клеточку. Мать не хотела покупать, а маленький мальчик твердил: «Я буду считать в ней дни! Чтобы знать, сколько осталось, когда вернется папка!»

Турунж словно током ударило.

Она внимательно посмотрела на женщину. Неужели отец этого ребенка сидел? Она стремительно подошла к ним.

— Можно, я куплю вашему мальчику эту тетрадку?

Женщина не ожидала такого и с опаской на нее посмотрела.

— Позвольте, — повторила Турунж.

Не дожидаясь ответа, она подошла к кассе, торопливо сунула продавщице две монетки, схватила тетрадь и протянула мальчику.

— Это тебе.

Лицо ребенка просияло. Он вопросительно посмотрел на маму, как бы спрашивая, можно ли взять. Потом обернулся, улыбаясь незнакомке.

— Как тебя зовут? — нежно спросила Турунж.

— Гена, — ответил мальчик, потом покраснел и бросился к маме, уткнулся ей в юбку, спрятался за нее, выглядывая одним глазом. Может, незнакомка еще что-то подарит?

Мать мальчика растерянно смотрела то на Турунж, то на продавщицу.

— Спасибо большое. Неудобно как... Право, неудобно... — вдруг начала повторять она. Потом окончательно смутилась, кивнула Турунж на прощание и торопливо пошла с сыном к выходу, словно желая поскорей уйти от незнакомки.

Мать с ребенком ушла. Турунж осталась перед прилавком. Затем, словно во сне, она подошла к продавщице и попросила дать ей точно такую же тетрадку. Потом, ни слова не говоря, протянула девушке три копейки, забрала тетрадку и торопливо ушла из магазина.

Продавщица, открыв рот, смотрела на странную покупательницу, потом пожала плечами и пошла в соседний отдел рассказывать подруге об этом случае.

Дома, поздно вечером, оставшись одна в своей комнате, Турунж полезла в сумку, достала тетрадку, открыла ее

и вспомнила, что последний раз писала в подобной только в вечерней школе, где познакомилась с Эрзолом. Они учились в одном классе, сидели за соседними партами, и Турунж думать не думала, что этот парень с широченными плечами станет ее мужем. Она вспомнила, как он часто повторял: «Не в добрый час...»

Турунж мотнула головой.

— Нет, все равно, в прошлом не только плохие воспоминания, — произнесла она вслух и стала вспоминать, как их классная руководительница, учительница геометрии Наджина Магомедовна, учила их чертить ровные квадраты.

Турунж улыбнулась и принялась проставлять в клеточках даты в столбик, считая дни и месяцы, так, чтобы получился календарь оставшегося ее срока условного наказания.

С того вечера, придя с работы, она открывала заветную тетрадку и вычеркивала еще один день. Это была битва со временем: противник отступал, зачеркнутых чисел становилось все больше, а дней, оставшихся до встречи с детьми, все меньше.

В продолжение этого ритуала она шла проверять почтовый ящик: не пришел ли ответ из Кисловодска. Но ответа не было.

XX

Походы с мамой Хаво на рынок были для детей настоящей школой. Она никогда не покупала сразу, с налету. Сначала обходила все ряды, присматривалась. Вид у нее был при этом сияющий и очень торжественный, словно она видела насквозь продавцов и заранее знала, какой товар ей пытались подсунуть, а какой действительно стоило брать, не торгуясь.

Но вот овощной ряд был пройден, помидоры, огурцы, баклажаны... — все изучено, осмотрено, ошупано. Увиденное оценивалось и отсеивалось, исходя из скрытых критериев, и только после этого делался выбор.

Когда продукты переключивали из рук продавца в огромную корзину или сумку Хаво, деньги с легким шелестом перелетали по воздуху к улыбчивому торговцу — шел заключительный акт театрального представления. Наконец продукты вносились в дом. Так в древности победитель возвращался домой с боевыми трофеями. Хаво сначала показывала добычу Нахамье, и тот каждый

раз удивлялся хватке жены, может, даже чуть подыгрывая ей. Потом приходил черед детей, последним покупки оценивал Эрзол.

— Посмотри, какие помидоры я взяла! А огурцы! А зелень! Нет, ты посмотри! Свежайшая!!!

Эрзол никогда не подвергал сомнению качество того, что купила мать. Это было вне критики, зато, когда на рынок ходил сам Эрзол, у Хаво всегда были нарекания к качеству приобретенного. Она вздыхала, охала, покачивала головой и бросала укоризненные взгляды, словно говорящие: «Это ж надо, какие огурцы тебе подсунули. Ну куда ты глядел! А помидоры... Вот смотри, здесь бока мятые...»

Отец только смеялся, слушая это. У него была своя правда. Желая поскорее управиться, он мало торговался, зато пытался купить побольше, чтобы таким образом сбросить цену...

— Сынок, зачем ты это делаешь?! Зачем ты так много купил? — всплескивала Хаво руками. — Ну что ты, в самом деле? Не ходи больше на рынок!

Хаво искренне обижалась, если ее сын обламывал все удовольствие. Идти после похода Эрзола на рынок было бессмысленно. Но смотреть на вялые, мелкие или неспелые овощи было еще обиднее. Она точно знала, что у соседа этого Ибрагима, у которого отец взял овощи (Хаво каким-то шестым чувством безошибочно определяла, кто именно из продавцов всучил Эрзолу свой никудышный товар), помидоры и огурцы были не в пример лучше.

В соперничестве между скоростью покупки и определением качества товара каждый из наших кумиров детства — Эрзол и Хаво — учил нас своей правде. Отец — тому, как можно сбить цену на крупных партиях, а Хаво приучала присматриваться к качеству.

Еще не закрепившиеся навыки тренировались, настраиваясь на вполне уловимые сигналы извне, сообщающие мозгу тайные знания, которые прививают иммунитет к проигрышу, настраивают на победу и успех, определяют тягу к здравомыслию и удаче. Ибо хорошая покупка на рынке была сродни победе над жадностью продавца или над капризами фортуны. Склонить чашу весов на свою сторону, заставить торговца отдать свое честно нажитое с прибытком для покупателя — это надо было уметь.

Мы сами еще не догадывались, но в нас уже дали всходы семена удачи, мы усваивали навык интуитивного расчета, который заставлял и отца, и Хаво добиваться того, чтобы продавец соглашался с их условиями. Близкие закладывали в нас универсальный принцип решения любой проблемы: неважно, касалось это только покупки пучка зелени или определяло глобальные отношения с миром в целом. Главным было умение подчинить происходившее своей воле. Это и было нашими университетами.

Однажды Хаво пришла с рынка и увидела, что в почтовом ящике что-то лежало. Эрзол выписывал «Правду» и «Известия», которые читал Нахамьё, но тут выглядел уголок обычного прямоугольника — письмо.

Хаво взглянула на конверт. Нет, ни слова по-татски. Читать по-русски она почти не умела. Наверное, это сыну. Аккуратно сунула письмо в карман передника и начала открывать калитку. Войдя в дом, она с головой окунулась в свои хлопоты да и забыла о послании. Только вечером, когда возилась на кухне, вспомнила, ахнула, и отправилась в комнату Эрзола.

— Эрзол, совсем забыла... — она протянула ему конверт. — Сегодня утром пришло.

Эрзол пробежал глазами адрес, и у него на лбу собрались две морщины. Хаво это заметила.

— Что-то не так?

— Это от нее, — холодно произнес наш отец.

Потом, ни слова не говоря, вернул письмо Хаво.

— Что я с ним буду делать? — спросила та растерянно.

— Ты его можешь прочитать? — вопросом на вопрос ответил Эрзол.

— Нет.

— Вот и я не могу. Положи куда-нибудь. Ты знаешь, письма часто теряются.

Так закончилась история с письмом. Никто и никогда из детей так о нем и не узнал. Только годы спустя, когда готовил эту книгу, я решил ответить на него. Написать строки от сердца. Точно так же, как это письмо матери и сочинялось много лет назад.

Между тем жизнь продолжалась. Мы подрастали и находили для себя новые увлечения. И одно из них было связано с любовью к длительным прогулкам.

Кавказ здесь не походил на тот, что мы видели в Дагестане. Местность, в которой мы жили, представляла собой зеленый край с горными речками. Природа в Кисловодске и окрестностях напоминала тело женщины. Каждый бугорок и впадинка манили своей изумительной прелестью, сообщая нам, будущим мужчинам, тот особый пыл охотников, который учит завоевывать эту красоту.

Темно-зеленые, синеватые, черные, платиновые, серые листья деревьев, неразличимые в своей массе, но ощутимые только в единой цветовой тональности, напоминали картины художника, сошедшего с ума от невозможности описать видимую его глазом красоту.

Снег, голубеющий в тени ущелий, серые зубцы горных вершин, волнующие своей заманчивой отдаленностью, зеленые долины, зажатые между высокими холмами, или стесанные ветром, точно острым ножом, скалы, образу-

ющие вокруг Кисловодска неприступное каменное кольцо, — это все были пейзажи нашего детства.

Древние пещеры, чье происхождение приписывали ветру, напоминали марсианские ландшафты. Казалось, их невозможно было выдуть одному только воздуху — требовалась сила помощнее. Явленные пред взорами как неоспоримое доказательство существования чуда, эти пещеры и скалы будили желание покорить их, опуститься на самое дно ущелий, чтобы увидеть источник жизни, бьющий с запредельных глубин.

Мы забирались в пещеры, и нам казалось, что именно здесь откроется тайна творения, и мы испытаем тот трепетный восторг, который сопровождает открытие земель, на которые не ступала нога человека.

В окрестностях Кисловодска жили много карачаев. Конокрады и лихие джигиты, они не оставляли своего занятия при любой власти. Все, что они умели, — это лишь скакать, объезжать, подчинять своей воле лошадей, разводить их и выпасать.

Они появлялись на своих гнедых скакунах, и нам казалось, что всадник и его лошадь представляют собой единое целое. Мы замирали от восторга, когда карачаи вихрем проносились мимо нас.

И конечно, мы, старшие сыновья Эрзола, искали случая с ними познакомиться. Этому способствовало и то, что лошадей карачаи пасли в той же балке, на краю которой стоял наш дом. Вскоре мы подружились с жожаками карачаевских подростков, нашими сверстниками, и стали проводить время вместе. Следили, как те запрягали лошадей, учились делать то же самое. Усидеть на лошади оказалось не таким простым делом. Карачаи были дружными и отзывчивыми ребятами. Вскоре они научили нас так хорошо управляться со скакунами, что мы наравне с ними мчались во весь опор, ликуя и крича от счастья. Земля

не поспевала крутиться за нами, ветер свистел в ушах... это были незабываемые минуты.

Карачаи вместе с нами устраивали из камней и глины импровизированные плотины на горных ручьях. Тут-то, в прогретых на солнце запрудах, мы купались, плескаясь на мелководье сколько влезет. За нас никогда никто не волновался. Ощущение безопасности было необыкновенным. Мы были предоставлены сами себе и могли пойти куда угодно, не боясь попасть в неприятную историю. Это была настоящая свобода, которую никто из нас не ценил.

Когда купание надоедало, пацаны садились на лошадей и гнали их на дальние пастбища. Вдалеке возвышался величественный Эльбрус.

Так проходило лето. Надвигалась осень. Третья осень без матери.

XXI

Осень в том году в Махачкале случилась ранняя. И все из-за жары. Деревья высохли, листья поблекли.

Турунж была дома одна. Ей все чаще выпадала вторая смена. Начальство знало, что она одиночка без детей, и выбирало ей самый невыгодный график работы. Турунж не роптала.

В тот день с утра она прибиралась на кухне. Ей выпал выходной, и вечером обещала зайти Аня. Захар и Даниил, как всегда, пропадали на работе. Панович что-то мастерил в своей инвалидной мастерской.

Часы пробили полдень. Вдруг во дворе залаяла собака и тут же радостно заскулила. В дверь постучали.

Турунж распахнула дверь. На пороге стояли двое. Увидев, кто перед ней находился, она зажала рот рукой, замычала, словно от непереносимой боли.

Из глаз ее брызнули слезы.

— Мама, папа... Простите...

Так в дом вернулись Хезгиё и Мельке.

Уже потом, спустя много времени, дети Абрамовых и их родители часами сидели за одним общим столом и все спрашивали и гадали, как так получилось, что старики вернулись вместе.

И в самом деле, в их совместном возвращении было что-то мистическое. Как это произошло на самом деле, никто никогда не узнает.

Судебная комиссия, которая отвечала за условно-досрочное освобождение, всегда имела квоту. В расчет принималось прежде всего то, какое, политическое или неполитическое, преступление было совершено, возраст осужденных, состояние их здоровья, а также разного рода смягчающие и отягчающие обстоятельства, такие как работа на зоне, замечания со стороны лагерного начальства и так далее.

И в силу своей национальности, и в силу возраста ни Мельке, ни Хезгиё не состояли в каких-либо эзковских группировках. Взысканий ни у одного из них не было. Работу, возложенную на них, они выполняли исправно, и в общем-то получалось, что при всех самых наихудших вариантах именно они были идеальными кандидатами на то, чтобы им скостили срок. К тому же Мельке тяжело заболела, и в ее личном деле стоял значок, сделанный кем-то из врачей, который обозначал доходягу — больного, готового отправиться на тот свет.

Не имея ни нужды, ни желания убивать старых людей, члены судебных комиссий, не сговариваясь, поставили на-против фамилий Абрамова и Абрамов по жирной галке: освободить.

Ирония судьбы заключалась в том, что сами старики ничего об этом не знали и даже не успели подать друг другу весточки о глобальных переменах в их судьбах.

Их освободили неожиданно, в один и тот же день, в лагерях, отстоявших на семьдесят километров друг от друга.

Процедура оглашения вердикта была отработана десятилетиями. Вызовы к начальникам лагерей. Постановления, которые им вслух зачитали. И приказы: собирать вещи.

Затем им выдали копейки, заработанные на зоне, чтобы они могли добраться до дома. Все это заняло какие-нибудь сутки, в отличие от большинства подобных случаев.

Надо было видеть стариков, которые, узнав, что свободны, вдруг не захотели уходить из лагеря, не сообщив о радости своей половине. Напрасно они умоляли начальников задержать их хоть ненадолго. Конечно, осужденным не разрешили. Выставили вон. Успели написать лишь по короткому письму друг другу. Так эти письма и гуляли из мужской колонии в женскую. А сами старики, горестно охая и причитая, оказались на железнодорожной станции, чье название было им неведомо. Поезд до Москвы останавливался там раз в неделю.

Мельке подошла к билетной кассе. Впереди стоял какой-то старик. Перед Хезгиё вообще никого не было. Он просовывал в окошко деньги, когда за ним кто-то занял очередь.

Хезгиё тихо произнес:

— Мне билет до Москвы.

Он почувствовал, что при его словах стоявшая за ним затаила дыхание.

— И мне тоже, — вдруг попросила она кассира прямо через плечо старика.

Хезгиё обернулся. Перед ним стояла Мельке... Его Мельке.

Они оторопели, глядя друг на друга, словно ожившие призраки, а потом попятились.

— Мельке? — прошептал Хезгиё.

— Хезгиё! — ответила Мельке.

Мороз и голод превратили их некогда громкие голоса в приглушенные, лагерь скривил их фигуры, но вот глаза — глаза остались прежние. С тем самым огоньком, что вспыхнул в них, когда раввин разбил ритуальный стакан у ног молодых, стоящих под хупой, и они впервые поцеловали друг друга.

Этот огонь согревал и берег их союз с того самого момента, когда Хезгиё сказал Мельке простые слова: «Будь моей и в горе, и в радости, в здравии и в болезни».

Он согревал их дом, обогревал их детей и сохранил в итоге их жизни в глухой тайге, приведя одного к другому вопреки всем правилам, законам логики и теории вероятностей.

И именно в этом конечном пункте, где они должны были умереть, их жизням придали новый импульс. И значит, страдания их были не напрасны. Как молодожены, они бросились друг другу на грудь. Падая снег. Кассирша, оторопев, смотрела на эту сцену из амбразуры своего окошка, периодически мелко крестясь и приговаривая: «Бывает же такое! О Господи! Старик свою старуху нашел! Ой, лютцы мои».

Через неделю родители Турунж уже были дома.

Турунж уже два года проработала формовщицей в литейном цеху. Работа была тяжелой, вредной... Но Турунж об этом не задумывалась. Без прогулов и отгулов положенные шесть дней в неделю она трудилась от звонка до звонка. И ни разу за все это время не озаботилась

поиском человека, мужчины или друга, который был бы с ней рядом. Ею двигало только желание увидеть своих детей.

Наконец формальные причины, мешавшие ей это сделать, были устранены.

XXII

Мы, дети Эрзола, подрастали, и наш отец тоже не стоял на месте: расширял контакты, оттачивал способы общения с сильными и слабыми мира сего. Он становился заметной фигурой в Кисловодске, целеустремленно подминая под себя окружающий мир. Он был настоящим добытчиком. Дела артели имени Карла Маркса, которой он фактически руководил, шли в гору. Иногда наш отец попадал в невероятные переделки, несколько раз он стоял на краю гибели, его могли ограбить, но каждый раз он выходил сухим из воды, как будто его защищали или ангел-хранитель, или могучая сила его принципов, которым он никогда не изменял.

Тем временем мне исполнилось десять лет. Именно тогда отцу пришло второе письмо от Турунж, так же, как и первое, написанное Аней. Срок наказания нашей мамы истек. Последняя дата в ее заветной тетради была зачеркнута, и значит, она могла выезжать за пределы Махачкалы, могла ехать к своим детям.

Обо всем этом и сообщалось в письме. Оно не оставляло никаких сомнений в намерениях Турунж.

Весь вечер Хаво ходила мрачнее тучи. Эрзол это замечал, хмурился, но ничего не говорил. Ужин закончился, и мать с сыном наконец остались на кухне одни.

— Она может попытаться забрать у нас детей? — Хаво сразу заговорила о наболевшем.

Эрзол промолчал. Хаво пошла красными пятнами.

— Но она же сумасшедшая!

— У нее на лбу это не написано.

— На что она их будет содержать? Ты должен что-то сделать...

— Мама, не волнуйся. Как-нибудь образуется.

Хаво посмотрела на него, покачала головой.

— Она не сможет их нормально одевать и кормить...
Делай что хочешь, но мои дети должны остаться со мной.
Ради них самих!

Мы были окружены заботой двадцать четыре часа в сутки и не вспоминали о нашей настоящей матери. Однако Хаво вдруг сама напомнила о Турунж. Все началось с того, что в ее речах стали проскакивать странные фразы.

— Ох, что бы вы были без отца? Нет, ей богу, если бы он вас тогда не забрал, что было бы!..

Слова эти были обращены в пустоту, но, как занозы, вонзались в наши неокрепшие души. Мы не замечали нежного яда, подмешанного к искренней заботе, и все сказанное принимали за чистую монету.

Иной раз, когда мы со Славой прибегали с футбола и отец усаживал нас напротив себя, чтобы проверить домашнее задание, Хаво становилась за спиной Эрзола, молча слушала, что он говорил, изредка, как бы между делом, вставляя:

— Ну и в какой школе они бы там учились? — Где «там» Хаво не уточняла. — Болтались бы по улицам оборванцами.

Эрзол на эти замечания никак не реагировал. Мы тоже не понимали, что за гипотетическая опасность нам грозила. Из слов Хаво мы могли сделать только один вывод: отец — наша единственная опора и защита. На заре наших жизней он уберег своих детей от какой-то ужасной катастрофы. Дни и недели этого словесного варева, которым обрабатывали наши души, навязчивое повторение слова «сумасшедшая» в итоге сделали свое дело.

К тому времени, когда Турунж получила формальное право увидеть своих детей, мы были убеждены в том, что следовало опасаться этой страшной женщины.

Чем ближе подходил возможный срок приезда Турунж, тем чаще Эрзол и Хаво (иногда к ним присоединялся Нахамьё), словно невзначай, собирались на кухне и вели долгие разговоры на волновавшую всех тему.

Хаво сказала, что принять Турунж необходимо, никуда от этого не деться, и назначила день встречи. Наш отец молча согласился. Он вообще никогда не перечил матери. Если слова Нахамьё Эрзол позволял себе пропускать мимо ушей и поступать по-своему, то с Хаво подобное было невозможно. Точно маяк, она всегда указывала сыну правильный курс. При этом в его рабочие дела не вмешивалась, не стремилась давать советы по тому предмету, в котором не разбиралась. Но то, что касалось их дома, детей, внуков, входило в зону ее повышенного внимания, и в этих вопросах она требовала абсолютного согласия с ее мнением.

Именно тогда Хаво напрямую напомнила нам о Турунж и сказала, что та хочет нас увидеть. Известие о том,

что «эта сумасшедшая», образ которой мы успели почти позабыть, будет нас разглядывать, возможно, захочет дотронуться, поцеловать, испугало даже старших внуков. И, по всей видимости, Хаво не собиралась спасать нас от этой встречи.

— Увидите ее, — поучала она, — не бойтесь, — почему-то с радостью отметила испуг на лицах мальчишек. Хаво нас защитит. Да-да, защитит. Хаво нас в обиду не даст. Как приедет, так и уедет.

Со стороны Абрамовых встречу организовывала Аня. Именно она связалась с Нахамьё, договорилась о приезде Турунж. Аня подробно проинструктировала младшую сестру, что и как ей следовало делать.

Отправлять Турунж одну в другой город не хотелось. На семейном совете решили, что она поедет в сопровождении родной сестры Светы.

Турунж ни секунды не сомневалась в счастливом исходе этого долгожданного свидания и собиралась с него начать новую жизнь, переполненную радостью и счастьем.

Турунж подошла к начальнику цеха и объяснила стесняясь ситуацию. Ей дали отгул, и она начала готовиться к отъезду. Бегала по магазинам, искала для детей гостинцы. Потом паковала все это по кулям — для каждого отдельно: для Игоря, для Славика, для Гены, для Элочки. Уже собрав все, обвела взглядом свою комнату и увидела в изголовье кровати игрушечную машинку, купленную как-то для мальчишек. В последний момент сунула ее в свой нехитрый багаж. Сборы закончились.

Вот и Кисловодск. Турунж и Света вышли из поезда на платформу. Людской поток подхватил их, понес вперед. Как всегда, оказавшись в толпе, Турунж растерялась. Если бы не Света... Та, как буксир, ухватила сестру за руку

и потащила сквозь ряды радостных нарядно одетых отпусников, прибывших на отдых.

Турунж тоже надела лучшее платье. Правда, то, что она считала лучшим, было стираным-перестиранным и местами даже штопанным. Она заметно нервничала и, как заклинание, бесконечно повторяла адрес: «Катыхина, сто одиннадцать».

Сестра ее предупредила, что к детям они сразу не пойдут, сначала устроятся на ночлег. Поселились Адамовы в общежитии при Институте бальнеологии. В комнатах одновременно размещалось по десять-двенадцать человек, и только поэтому там можно было снять койку.

На следующий день, когда Турунж спросила, пойдет ли с ней Света, та ответила решительным отказом.

— Ты что? С детьми надо встречаться тебе одной. Незачем их пугать видом незнакомой тети. Дай бог, чтобы маму вспомнили.

Турунж, облизывая пересохшие губы, судорожно кивала. Она волновалась.

— Успокойся, я тебя прошу, — шепнула Света. — Хаво выходить не будет. Я спросила. Может быть, только в самом конце, и то если сама захочешь с ней поздороваться. — Сестра указала на дом, стоявший у дороги.

— Войдешь в калитку. На участке два дома. Первый пройдешь, увидишь скамейку под яблоней. Там и встретишься с детьми.

На виске Турунж мелко забила жилка. Вдруг она так постарела и изменилась внешне, что дети ее не узнают?

— Света, дай зеркальце, — не своим голосом попросила Турунж.

— Зачем? — удивилась сестра.

— Скажи, я не очень старая? — чуть слышно произнесла Турунж. — Они меня узнают?

— Конечно, узнают. Это твои родные дети. Иди и ничего не бойся. Правда на твоей стороне.

На этом сестры расстались. Турунж подошла к калитке. Та была не заперта. На негнувшихся ногах она вошла во двор. Ни звука...

«А что если их не выпустят? — мелькнула мысль. — От Хаво стоит всего ожидать».

Турунж, боясь смотреть на окна, уселась на скамейку под яблоней, как велела Света. Она сидела, чувствуя свое абсолютную зависимость от Бабаевых, не понимая, опасаться ей или надеяться.

— Ну что? Она тут? — спросила Хаво свою дочь Милу, которая заняв место у окна, следила за двором.

Дети с любопытством смотрели на Хаво и не понимали, почему она так нервничала.

— Да, пришла.

— Что сказала?

— Мама, что она может сказать. Она же во дворе. Я с ней не разговаривала.

— И-и... — Хаво махнула рукой... — От этих Абрамовых разве хорошего дождешься? Дети, идите ко мне! — позвала она.

Мы стайкой сгрудились вокруг нее.

— Слушайте меня внимательно. Вы по очереди выйдете во двор...

— Зачем? Зачем? — посыпались вопросы.

— Тише, не галдите! Так надо.

Эта фраза заставила нас притихнуть. Хаво строго всех оглядела.

— Ведите с ней себя осторожно, она на все способна.

В комнате повисла тишина.

— Пойдешь первым, — сказала она Славе. Тот оробел. — Не бойся, понял? Все будет хорошо. Я вас в обиду не дам. Ты же знаешь, я здесь. За дверью.

Слава кивнул. Хаво нахмурилась, поправляя пуговку на его рубашке, провела по голове рукой, приглаживая волосы. Надо, чтобы дети выглядели как положено. Чтобы у той, как она про себя называла Турунж, даже мысли не могло возникнуть, что им тут плохо живется.

— Она тоже наша мама, да? — спросил вдруг Гена.

Хаво нахмурилась.

— У вас одна мама. Это я, — строго произнесла она.

— А я ее в окно видела! — вдруг воскликнула маленькая Эллочка. — Она там, во дворе сидит.

И все дети бросились к окну.

— Тише вы, а ну вернитесь, — рассердилась Хаво.

Дети послушно вернулись на прежние позиции. Хаво строго всех оглядела. И вдруг Эллочка раскапризничалась.

— Я не хочу к ней идти.

— Что значит не хочу?! — строго сказала Хаво. — Пойдешь как миленькая.

В нашей памяти всплыли ядовитые слова, которые мы слышали о Турунж, о том, что она может наброситься на человека, схватить за волосы, начать таскать... Это наполняло нас страхом.

— Ну давай, Слава... — велела Хаво.

Губы мальчика задрожали. Хаво еще никогда не видела его столь беспомощным. Как будто встречу с Турунж он считал чуть ли не испытанием на храбрость.

Славик набрал полную грудь воздуха и вышел во двор.

Турунж сидела там, где ей и сказали: между первым и вторым домами, на скамейке под большой яблоней. Напряженная, как струна, она чувствовала, что из окна на нее смотрели, изучали придирчиво. Давно забытые ощущения боли и гнева вдруг завертелись в ее душе хороводом, сменяя друг друга. Она тяжело задышала. Отвернувшись, словно выиски-

вая путь к отступлению. И тут услышала за своей спиной детский голос.

— Здравствуйте!

У нее перехватило дыхание, она резко обернулась. Перед ней стоял Славик. Последний раз Турунж видела его пять лет назад. Ее сын очень вырос. И обещал стать высоким и стройным, как его отец.

Оробевшая, она смотрела на мальчика так, словно она была маленькой, а ее ребенок — уже взрослым.

Все, чего она так боялась, за что страдала, из-за чего сидела — ссоры, ненависть, борьба, — показались ей такими дикими, ненужными по сравнению с этим счастьем — находиться возле сына.

И Турунж не сдержалась. Бывают такие моменты. Даже бетонная плотина порой рушится под напором талых вод. И подпорки этой плотины уже давно были расшатаны.

А тут вид мальчика в коротких штанишках и носочках, в голубенькой рубашечке лишил ее сил. Почему? Она сама не могла объяснить. Ее ребенок выглядел таким беззащитным, таким одиноким и покинутым. Как она сама.

Смена мыслей и настроения вдруг отражалась на лице несчастной женщины, как тень от крыла большой черной птицы.

Турунж бросилась к Славе.

— Слава, милый, — произнесла она с дрожью в голосе.

— Да, — смущенно ответил мальчик.

Женщина медленно присела перед ним, но потеряла равновесие, качнулась, ухватила за его плечо, разрыдалась.

— Я... твою маму, сыночек...

Слава расширил глаза и замер, будто ему сказали что-то страшное.

— Ты меня помнишь?.. — Женщина судорожно вздохнула, словно готовясь зарыдать, но усилием воли сдержалась. — Я твоя мама, — повторила она чуть слышно. — Ты меня помнишь?..

Слава молчал.

— Ты со мной жил в Махачкале. Помнишь Махачкалу? Дом бабушки Мельке?

Слава замотал головой, показывая, что забыл, и весь сжался, словно ожидая оплеухи. Турунж вдруг поняла, что сын ее боялся.

— Все хорошо, — прошептала. — Я тебя не обижу. Я тебе гостинцы привезла. Вот, держи.

Она наклонилась к большой авоське, что лежала рядом с ней на траве, и достала оттуда кулек, на котором было выведено: «Слави».

Славик посмотрел на кулек, который женщина держала в руке, а потом перевел взгляд на лицо.

— Я буду к тебе приходить часто-часто, хорошо? — неожиданно попросила Турунж.

Она почти умоляла, и это было непонятно мальчику. В доме, где слово взрослого было законом, вдруг появился человек, который о чем-то просил ребенка.

Турунж попробовала обнять Славу. Он напрягся еще сильнее. Ей показалось, что она обнимала маленького зверька, готового дать отпор или удрать при первой возможности.

— Ну не бойся меня, не бойся, — теряя от отчаяния остатки спокойствия, прошептала Турунж.

Она попыталась заглянуть в самую глубь детских глаз, чтобы там, на их дне, отыскать что-то из прошлого, но ничего не увидела, словно все было покрыто толстой коркой льда. Ни воспоминаний о счастье, ни детского лепета, когда он склонял на ее грудь свою головку... Ничего.

— Я могу идти?

Турунж словно ударило током.

Это был вопрос, который задают воспитательницам в детских домах. Ей стало бесконечно тоскливо. Она вымученно улыбнулась, словно улыбка резала ее кожу, и с мольбой произнесла:

— Ты только помни, что я твоя мама. Я тебя прошу, вспомни обязательно. Обещаешь мне?

Слава ничего не ответил. Молча развернулся и пошел.

— Постой, — вдруг позвала Турунж. — Стой!

Она стремительно кинулась к Славе, схватила его за руку.

— Прости, прости меня, сыночек мой.

Слава, как солдат, молча кивнул и побежал домой со всех ног.

Хаво внимательно следила из-за занавески за тем, что происходило в саду. Слышать она не могла, но все видела. Турунж была ее детям чужая. По крайней мере, Славе. Встреча оказалась такой короткой, что Хаво не сдержалась, довольно хмыкнула.

Слава влетел в дом с радостным воплем:

— Я ей ничего не сказал...

— О чем она тебя спрашивала? — поинтересовалась Мила.

— Она мне сказала, что она наша мама! — выпалил вдруг Слава и испытующе посмотрел на Хаво.

Эту фразу услышали все дети.

Гена как-то странно посмотрел на старшего брата и стал требовать, чтобы Слава объяснил ему, чем эта мама отличается от мамы Хаво.

— Не слушай его, — рассердилась Хаво. — Это Турунж. Она сумасшедшая. Не мать она вам. Не мать. Она на все способна.

Хаво посмотрела на меня.

— Ну что сидишь. Давай иди к этой...

Скрипнула дверь, и я шагнул в теплоту и свежесть солнечного дня.

Я помнил, что с этой тетей надо было держать ухо востро, и опасливо пошел к скамейке, стараясь казаться старше и мужественнее, чтобы ей и в голову не пришло меня обидеть.

Турунж, смущенная встречей со старшим сыном, чувствовала себя растерянной и одинокой. Если бы рядом сидела Света, было бы легче... Турунж увидела, как по дорожке шел мальчик. Ее мальчик...

Черная челка. Высокий лоб. Блестящие, как бусинки, глаза.

Сыночек... Кровиночка.

Игорек.

В метре от Турунж я остановился. Та, лицо которой успел позабыть, была вблизи не такой опасной, какой она представлялась в мыслях. У незнакомой тети были заплаканные глаза и изможденное лицо.

— Игорек! — прошептала женщина.

Турунж смотрела на своего второго сына, и ей казалось, что пяти лет разлуки как не бывало. Когда же он успел так вырасти? Она протянула руку к своему мальчику.

— Иди ко мне! — Хотела еще что-то сказать, но не смогла произнести ничего, кроме все той же фразы: — Я твоя мама.

Смысл всего мира заключался для нее только в этих словах.

Я никак не мог понять того, что говорила эта тетя. Я твердо знал, что мама у меня есть. Это Хаво. Зачем тете было меня обманывать, я никак не мог взять в толк.

На лице женщины отразилось смятение.

— Я твоя мама. Я...

В руке она держала кулек, сделанный из газеты. Турунж вдруг охнула.

— Это тебе, — она протянула гостинцы. — Это не все. Вот еще.

Она нагнулась, достала из другой авоськи ярко-зеленую машинку. Я осторожно взял игрушку. Снова изучающе посмотрел на Турунж.

— Не узнаешь?

Я не знал, что сказать. Турунж тоже молчала. Что тут поделаешь, если ее забыли?..

— Я... твоя... мама... — повторила она.

Чтобы как-то выйти из неловкой ситуации, я запрокинул голову. Лишь бы только не видеть глаз этой тети, которая смотрела на меня с нараставшей тревогой.

В небе над городом парил горный орел. Такое нечасто увидишь. Он почти неподвижно висел прямо над нашим домом. А потом гигантская птица исчезла так же неожиданно, как и появилась. Я перевел взгляд ниже и вдруг увидел висящее высоко над нами красное яблоко.

— Смотри, яблоко... — обрадовался я и показал пальцем вверх.

— Где? — Турунж засмеялась и тоже стала рассматривать крону дерева, пытаясь отыскать плод среди листвы.

— Да вот же, вот! — развеселился я.

Турунж вдруг сделала вид, что не замечает яблока, стала его нарочито выискивать и как бы невзначай прижала сына к себе за плечи.

— Да где же оно? — смеялась она.

Я почувствовал, как меня обволакивает забытое ощущение тепла, столь мимолетное, что даже не зафиксировал это в сознании. Я просто немного расслабился. Пелена стала спадать с моей памяти. Я вспомнил. Вспомнил даже не лицо, а прикосновение этих рук.

Турунж опустила передо мной на колени и заглянула в глаза.

— А ты с братьями дружишь?

Я кивнул.

— А почему ты не можешь сказать мне «да»? — спросила Турунж.

Я сразу насупился, бросил взгляд исподлобья. Турунж ласково улыбнулась.

— А с сестрой играешь. С Эллочкой?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну давай, улыбнись мне, — попросила Турунж. — Я не кусаюсь.

Она снова попыталась меня обнять.

— Что? Тебе нехорошо? Ты не бойся, я тебе ничего плохого не сделаю.

Турунж вдруг схватила меня за плечо, я испугался и сделал шаг назад.

— Ты чего? — удивленно спросила Турунж.

Я нахмурился, уставился в землю.

— На что ты смотришь? — не унималась Турунж.

— Ни на что.

Турунж смутилась.

— Ну хорошо, — покорно согласилась она.

В своей серой юбке и кофте среди ярких цветов, под голубым небом и ярким солнцем Турунж казалась трагическим существом из сказки, которое вдруг принесло к нам во двор.

— Мне пора домой, — сказал я.

— Домой?

— Да, меня мама ждет.

— Мама?! — удивленно переспросила Турунж.

— Да, — повторил я.

— Я твоя мама. — Турунж несколько секунд в смятении смотрела на меня, потом ласково улыбнулась. — Ну хорошо, иди, — тихо произнесла она. — Я скоро к тебе снова приеду. Я буду часто приезжать. Ты будешь рад?

Последние слова я почти не слышал, поскольку бежал прочь по дорожке. В руке у меня была зажата зеленая машинка. Уже у самого крыльца я снова обернулся. Женщина стояла на том же месте. Только почему-то она закрыла лицо руками, и тело ее сотрясалось, как будто в судорогах.

— Мама, я ей тоже ничего не сказал, — гордо выпалил я, как только переступил порог комнаты.

Хаво отошла от окна.

— Молодец. А что она тебе говорила?

— Про Эллочку спрашивала... Но я молчал.

Хаво стало забавлять, как дети отреагировали на встречу с Турунж.

— Мамочка, я ее сначала боялся, а потом перестал, — гордо продолжал я.

— Такое бывает. Когда кого-то долго не видишь. Не думай об этом.

— Она сказала, что еще приедет к нам...

— Нет, не приедет, — перебила меня Хаво. — Это я вам обещаю.

В это время хлопнула дверь, и в комнату вбежал Слава.

— Ну что она тебе дала?

И тут Слава заметил машинку.

— Покажи!

— Не покажу.

— Ну покажи, покажи, — потребовал старший брат.

— Нет! — упрямо повторил я.

Искорка ревности промелькнула в глазах Славы. Мы начали толкаться. В какой-то момент Слава оказался ловчее и выхватил игрушку. Но я в последний момент сумел потянуть на себя. Тут машинка упала на пол, и Слава бросился к ней. Я оттолкнул ее ногой в сторону, и игрушка резво покатилась. Машинка мчалась, как

настоящая. Слава первый опомнился. Прыгнул к ней, не рассчитал и... со всей силы наступил на нее ногой. Крак! Податливый металл, из которого был сделан кузов, треснул.

Наверное, это был самый счастливый и самый сложный день в жизни Турунж. Из дома на улице Катыхина она возвращалась в общежитие совсем без сил. Все оказалось не так, как она представляла.

Старшие дети ее не приняли.

Лишь Гена и Эллочка в какой-то мере спасли положение. Девочка так же, как ее братья, робко подошла к матери. Ее переполнял страх, в ушах звучали слова Хаво: «Сумасшедшая, сумасшедшая. Она может что угодно...»

— «Как скакал джигит на коне...» — нежно запела Турунж ту самую песню, которую пела в детстве Эллочке, чтобы та заснула. — Я и есть тот самый джигит, помнишь?

— Ты не похожа на джигита! — недоверчиво протянула дочка, и лицо ее осенила улыбка.

— Так, значит, это дедушка у нас славный джигит?

Вдруг они одновременно засмеялись, и это было как чудо. Турунж вдруг почувствовала теплоту, что исходила от ребенка.

То же самое чудо произошло и с Геной. Турунж его целовала, обнимала, и он не отстранялся, как Игорь и Слава. Младший сын вдруг сразу разулыбался, а потом подошел и обнял ее за шею.

Только тогда Турунж почувствовала, что она мать. И это сразу вселило в нее уверенность. Она — мать! Значит, и старшие ее вспомнят. Значит, не все потеряно — сердце им подскажет. Вот Гена не забыл ее, хотя ему было всего три года.

За всеми размышлениями Турунж даже не заметила, как дошла до институтского общежития, где ее дожидалась встревоженная Света.

Она бросилась к сестре.

— Ты чего так быстро?

Турунж, перескакивая с пятого на десятое, принялась рассказывать, но получалось у нее сумбурно. Эмоции давили, не находя выхода.

Хорошо или плохо прошла встреча? Турунж сама не понимала. И тогда, чтобы найти какую-то точку опоры, она начала рассказывать с самого начала, выискивая в этой встрече то светлое и обнадеживающее, на что можно было опереться и идти дальше.

Она рассказывала Свете о саде, детях, птицах над городом, о том, как мальчики выросли, и Игорь похож на нее, а Слава — на Эрзола. И чувствовала, что не может передать словами самое главное: какими они стали чужими.

Но это не страшно! Все можно изменить. Она к ним придет и будет приезжать снова и снова! Она же теперь может это делать столько раз, сколько захочет.

— А Хаво?.. — перебила ее Света.

— Что Хаво?

— Хаво видела?

— Нет.

— И хорошо, — улыбнулась Света.

— Понимаешь, они такие красивые, как цветы, — прошептала Турунж.

— Вот видишь, с ними все в порядке, они вместе, — Света обняла ее. — А кто еще был в доме? Дед был?

— Нет, Нахамьё не видела.

— А его?

— Кого?

— Ну Эрзола...

Свет в глазах Турунж погас. Она хотела соврать сестре и не смогла.

Эрзола она видела. Он появился неожиданно, когда она сидела на скамейке с Геной. Турунж была поглощена сыном, рассказывая ему о себе, бабушке Мельке, млея оттого, что мальчику было интересно слушать. От сына исходило такое тепло, что она почти успокоилась, начала с ним смеяться какой-то их шутке...

И вдруг Гена случайно повернул голову и заулыбался кому-то, замахал ладошкой и уже не слушал, что ему говорила Турунж. Та обернулась, чтобы посмотреть, кто так обрадовал ребенка, и увидела Эрзола.

Он шел по дорожке мимо нее. Совсем не изменившийся, разве только чуть вширь раздался. А в остальном такой же.

Смушение от внезапной встречи сменилось у Турунж удивлением: как так можно?

Эрзол смотрел прямо перед собой, казалось, он не замечал ни сына, ни Турунж, словно их здесь и не было. Он всем своим видом показывал, что она для него пустое место.

Эта мысль обожгла Турунж. Это он, Эрзол, был виноват, что она столько пережила! На секунду она даже забыла о том, что сидела рядом со своим сыном и держала его за руку...

— Я для него просто не существую, понимаешь, Света! — глухо произнесла Турунж, заканчивая рассказ.

В ее глазах стояли слезы. Света ахнула. Бросилась обнимать Турунж. Та не выдержала, заплакала.

За ее спиной беззлбно выругалась какая-то женщина, командировочная, так же, как и они, поселившаяся на ночлег в институтское общежитие — единственное место в курортном городе, где можно было устроиться без блата.

— Что ж вы спать-то не даете, а?

— Извините, извините, — зашептала на всю комнату Света. — И вообще ни слова не сказал? — обернулась она к сестре.

— Нет. Я думаю, если бы меня на его глазах резали, он даже тогда головы не повернул бы.

— Зачем он так?

— Не знаю. Хаво меня еще сильнее ненавидит, — неожиданно успокоившись ответила Турунж.

Она оглянулась, чтобы посмотреть который час, и увидела, что за окном уже светало. Сестры даже не заметили, как проговорили всю ночь.

Оставаться в Кисловодске не имело смысла.

Через несколько часов они уже толкались на вокзале, пробуя найти билеты хотя бы в общий вагон, чтобы добраться до Махачкалы.

А в поезде с Турунж случилось нечто неожиданное. Впервые за много лет с ней попытался познакомиться какой-то командировочный. Мужчина занял место напротив нее и стал о чем-то спрашивать. Турунж даже не сразу сообразила, что он обращался именно к ней, настолько она была погружена в свои мысли. А когда вдруг поняла, то, резко оборвала, сказала, что у нее четверо детей и вообще все в порядке. У мужчины округлились глаза, он смущенно замер, что-то пробурчал и тут же ретировался.

— Я же тебе говорила, что все будет хорошо! — такими словами торжествующая Аня встретила родную сестру, когда та, переступив порог родного дома, с ходу выпалила:

— Я их видела!

Ее тут же окружили мать, отец, братья. Потащили на кухню. Турунж по десятому кругу начала свой рассказ.

Свет в доме на улице Сулеймана Стальского в день ее возвращения из Кисловодска горел до позднего часа.

— И что, никто тебя не признал? — спросила Мельке.

— Только Гена.

— А ему с чего помнить? — изумилась Мельке. —

Он же с ноготь был, когда вас разлучили.

— Вот надо же, все запомнил, — с гордостью заметила Турунж.

— Эллочка еще меньше была. Получается, она лучше всех тебя должна была помнить, — заметила Аня.

— А почему ты на следующий день не пришла? — спросил Хезгиё, который никак не мог взять в толк, как же все было в Кисловодске: хорошо или плохо.

— Они тебе, что, запретили детей видеть?! — гнула свое Мельке.

Турунж устало покачала головой.

— Нет!

— Нет? — изумилась Аня. — А почему так быстро уехала?

— Я не могла там больше оставаться. Они от меня отвыкли.

— Глупости! — отрезала Аня. — Значит, привыкнут! Ты мать.

— Они тебе хоть предложили войти в дом? — тихо спросил Хезгиё.

Он переживал за дочь и периодически хватался за грудь, подозревая, что та что-то недоговаривает.

— Нет! Да я бы и сама не попросила, — ответила Турунж.

— Но хотя бы зайти предложили? — спросила Мельке.

— Перестань. Ты что, Хаво не знаешь? — возразил жене Хезгиё.

— Да знаем мы Хаво. Но Нахамьё... Он-то куда глядел? — резонно заметила Аня.

— Его не было, — примиряюще протянула Турунж.

Ей уже надоел этот спор. Хотелось лечь, остаться наедине со своими мыслями. Но стариков и сестер с братьями было не уговорить.

— Да как же не было. Специально всех услала, чтобы самой все контролировать. Знаю я Хаво, — съязвила Мельке.

— А в итоге с детьми-то разговаривала сколько времени? — спросила Аня.

— Да как наговорились, так дети и ушли.

— Наговорились, ну да... — усомнилась Аня. — Мне Света сказала... Минут десять, не больше, на каждого! Так?

Турунж смолчала.

— А что, побольше было нельзя позволить? — Аня начала злиться.

— Они сами не хотели.

— Кто?

— Дети.

— С тобой все понятно. Ты даже тут с ситуацией не смогла справиться. — Аня, как всегда, была категорична в своих суждениях.

Ее упрек словно прорвал плотину. Турунж вдруг зарыдала.

— Я им не мать. Я им не мать! — рыдая, бросала она в лицо Ане. — Она научила их меня бояться. Она!.. Это все она!..

В Турунж крепло ожесточение. Старики и Аня замерли, не зная, как реагировать на столь бурную реакцию на происходящее. Потом бросились ее успокаивать.

— Перестань, ты должна поехать к ним в ближайшее время и попытаться исправить ситуацию.

— Как? Каким образом?

Аня закурила.

— Сердце подскажет. Возьмешь на заводе отгулы, понятно? Попробуешь провести с ними день как ни в чем не бывало.

— Хорошо, — кивнула Турунж, успокаиваясь.

— И прекрати психовать. Тогда сразу все наладится.

Однако поехать во второй раз к детям Турунж смогла только поздней осенью. За это время в жизни Эрзола Бабаева и его семьи тоже произошло много событий, которые, глядя с расстояния прожитых лет иначе как судьбоносными, и не назовешь.

XXIII

Эрзола вечно снедало чувство неудовлетворенности. Он отчетливо понимал, что мог сделать гораздо больше, чем ему в тот момент позволяли обстоятельства. И если судьба даст ему шанс сыграть в рулетку, он обязательно выиграет.

И еще наш отец точно знал: ему как воздух требовалось общение с друзьями и возлюбленной. Это был его способ избавляться от ежедневного стресса, восстанавливать потраченную на работе энергию.

Первой женщиной, которая оставалась рядом с отцом довольно длительное время и которую мы хорошо запомнили, была Ольга Анненкова. Она была старше отца, работала в ателье бухгалтером, одна воспитывала сына.

О ее существовании мы узнали, когда Эрзол привел ее в дом через парадную дверь. Хаво посмотрела на вошедшую скептически, нам же она понравилась. Статная, похожая на учительницу, строгая и серьезная.

Наверное, с Эрзолом наедине она преображалась, становясь совсем другой — смешливой, своевольной, обаятельной. Во всяком случае она стала первой, кто мог повлиять на решение отца. Однако отношения их были недолгими. Прошел всего год, и Ольга перестала появляться в доме Бабаевых.

Вскоре судьба подарила отцу встречу с другой женщиной. Валентина была на одиннадцать лет моложе его. Ей было всего девятнадцать, когда она приехала в Кисловодск из Саратова с грудной девочкой на руках.

Шел 1959 год. Эрзол вошел в цех, его товарищ, закройщик по фамилии Кошевой, указал ему на молоденькую девушку.

— Вот знакомься. Ученица наша новая.

Эрзол бросил равнодушный взгляд на новенькую, кивнул. Та смутилась, но кивнула в ответ. Она не была маленькой. Рослая, пухленькая, из тех, о которых мужчины говорят «сладкие», или женщина в теле. Она была под стать тем временам, когда привечалось все крепкое, налитое, румяное. Валя была настоящей русской красавицей. Громадные глаза, прямой нос, гордая посадка головы. И роскошная русая коса!

В ученицы ее определили именно к Эрзолу Бабаеву. Сам он об этом не просил, так распорядился директор.

Что такое ученица закройщика? Это каждодневное общение по восемь часов подряд. Представьте себе, что речь идет о молодом, полном сил одиноком мужчине и юной очаровательной женщине.

Ателье располагалось в неприметном двухэтажном здании. Днем оно выглядело неказистым, сумерки делали здание загадочным, таинственным и совершенно необитаемым. Но такое впечатление было обманчивым: внутри

пошивочного цеха, которым руководил отец, всегда кипела жизнь.

В тот день Эрзол отпустил работниц пораньше, да и сам отправился домой. На рабочем месте оставалась только новенькая Валя, намеревавшаяся раскроить ткань. В том, что девушка, очень быстро набиравшаяся мастерства, справится с заданием, Эрзол не сомневался.

Придя домой, он поужинал, проверил, как мы выучили уроки на завтра. Когда он освободился, часы показывали без пятнадцати восемь. В сумеречном небе зажигались тусклые звезды. И какая-то сила потянула его обратно на работу.

Отчего-то сердце его гулко стучало. Чтобы успокоиться, решил идти помедленнее. Из парка тянуло пряным ароматом какого-то растения. Уличные фонари уже зажглись, но светили неярко. В голову лезли несвоевременные мысли. Все, что он делал, часто вызывало вопросы у близких и дальних. Кто-то не одобрял его поступки, кто-то считал, что он торопился, своевольничал. Деды и прадеды так не жили, считали старшие.

Эрзол был уверен в том, что слушать следовало только внутренний голос. И жить сегодняшним, а не вчерашним днем. И еще он знал твердо. До каких бы тайн ни докапывались раввины и ученые, ни один из них без брюк не обходился. И следовательно, без него, Эрзола. В таком случае почему он должен равняться на их теории, а не жить собственным умом? Он воспитывал детей, вел образ жизни одинокого стрелка и старательно гнал от себя заботы. Жениться еще раз он не собирался. Зачем? Снова вешать на себя этот хомут? Справиться бы с уже имеющимися обязательствами.

Он все шел и шел мимо парка, который казался бесконечным. Когда же он закончится? В темноте все кажется больше, чем при ясном свете.

В ателье никого посторонних не было. Только Валя корпела над своим отрезом. Эрзол молча остановился за спиной молодой женщины. Она была очень привлекательна, с удивительной грацией в движениях.

Валя держала мелок, вычерчивая на ткани контуры платья. Мужчина кашлянул. Она вздрогнула, испуганно оглянувшись, щеки зарделись.

«Испугалась, — подумал Эрзол. — Все они любят пугаться, эти хорошуньи. Что за натура такая. Пугается, а на самом деле уже и крылья сложила, и вся замерла, — ждет, чтобы ее ухватила сильная рука и потащила куда-то».

— Не так линию ведешь, — сказал он.

Не дожидаясь ответа, он накрыл узкую Валину кисть своей. Обхватил, как лев лапой добычу, так что ее рука оказалась полностью зажата в его.

Он сильно сжал ее пальцы, начал чертить контур заново. Валина рука послушно следовала его воле. От нее пахло полевыми цветами и еще чем-то дурманящим. Мысли разом улетучились. Осталось одно желание.

— Теперь влево черти. Да тонкой линию делай, не вози мелом по ткани, не пачкай.

— Я стараюсь, — неуверенно произнесла Валентина.

— Плохо стараешься... — проговорил Эрзол. — Линии должны быть четкими, точно по лекалу. Тогда и платье будет сидеть как надо. Понимаешь?

Молодая женщина кивнула.

— Почему домой не ушла?

— Вы не велели.

— Не велел... — передразнил он. — Это что за разговоры? Что у нас, рабовладение, что ли? У тебя же маленький ребенок. Так?

— Так. Только за ним мама смотрит.

— Это хорошо, если есть кому присмотреть.

Повисла пауза.

Молчание вдруг стало невыносимым. Показалось, что, молчи они так и дальше, какая-то непреодолимая сила заставит позабыть себя, и они наделают глупостей.

Манекены, на которых висели готовые пиджаки и платья, словно уменьшились в размерах. Мужчина и женщина стояли рядом и, казалось, вслушивались в желание, передаваемое через случайные прикосновения.

Вдруг Валентина подняла к нему лицо.

— Не надо, — прошептала она.

Эрзол, словно не слыша, прижал ее к себе и впился в губы...

Домой он возвращался как на крыльях. Ничего не изменилось. Они даже не перешли на «ты». Но завертелось какое-то колесо, в другую, непривычную сторону, и где бы он теперь ни был, чем бы ни занимался, мысли все равно возвращались к Вале.

Иногда, когда оставались вдвоем в ателье, они на секунду застывали друг напротив друга, а потом сливались в долгом поцелуе, словно состязаясь, кому первому не хватит воздуха.

— Я не хочу начинать наши отношения вот так, — прошептала однажды Валентина.

— А чем тебе не нравится? — грубовато ответил Эрзол.

Он потянулся к Вале, чтобы обнять. Вдруг от ее шелкового платья отлетела искра. Валя вскрикнула, отшатнулась, будто это был нехороший знак.

— Ты чего?

— Да так...

— Так только куры плодятся, — Эрзол рассмеялся. — Боишься.

— Ничего я не боюсь.

Она замолчала, словно провоцируя его. Эрзол не хотел больше ни о чем разговаривать. Ущипнул ее за бок,

захохотал и пошел дальше по своим делам, посвистывая и поглядывая по сторонам. Валя осталась стоять на месте, глядя ему в спину, пока Эрзол не исчез за углом. В нем жила какая-то притягательная звериной силой сущность, которой не было в других мужчинах.

Эрзолу Валя очень нравилась, но он не чувствовал в себе никакой любви. Он дарил женщине свою защиту, а не какое-то мифическое чувство, и требовал взамен только одного — покорности. Проявления его чувства не подразумевали ни ласки, ни трепета, ни любовных признаний. Зато прикосновения к ее телу были воистину изумительными. Эрзол чувствовал, как жизнь возвращалась к нему, растапливая ледники душевной усталости.

Буквально на следующий день после памятного вечера в ателье одна из знакомых Вали остановила ее во время обеденного перерыва и спросила насмешливо:

— Думаешь, он долго с тобой будет? Знаешь, сколько таких, как ты, у него?

Валя вспыхнула и ничего не ответила. А дома рассказала все матери и расплакалась. И заклинала себя не забываться. Она приехала в этот город с ребенком и на собственном опыте знала, что стояло за фразой «поматросил и бросил». То же самое твердила ей мать. Главное, не вести себя безрассудно. Лучше быть одной, чем обманутой.

Она смотрела иногда на Эрзола и размышляла: повезло ли ей, что они встретились. Валя не могла точно ответить на этот вопрос. Просто жила, плыла по течению, и все. Эрзол был очень властным, это она сразу поняла. Если она захочет остаться с ним надолго, ему ни в чем нельзя будет перечить. Только тогда он чувствует себя спокойным. О его первом браке Валя никогда не спраши-

вала. Считала, что придет время, и он сам все расскажет. Зачем душу бередить.

Своей связи с Эрзолом она не стыдилась. С чего бы? Оба были молоды, свободны. А то, что у каждого уже дети, так что с того? Почему бы не начать строить жизнь заново?

В одну из пятниц в конце рабочего дня Эрзол подошел к Вале и сообщил, что завтра она поедет к нему на обед. Это было не приглашение — распоряжение, которого нельзя было ослушаться. Валу задел тон. Он вел себя так, как будто точно знал, что она на все согласна, что бы он ни велел ей сделать. Валя посмотрела ему прямо в глаза и промолчала.

— Ты чего? — спросил он.

— Мне неловко.

— Не глупи.

Эрзол усмехнулся. Этот вечный страх молодой женщины перед матерью мужчины, который ею обладал...

Они встретились в ателье и поехали вместе на такси, что не укрылось от Валиных подруг и товарок. Эрзол и Валя подъехали к дому, прошли по дорожке. Дверь открылась, и на пороге появилась невысокая, немного сутулая женщина. Вале Хаво показалась маленькой, подвижной и совсем не такой, какой ожидала увидеть, слушая короткие замечания Эрзола о своей матери.

Те же глаза, что и у Эрзола. Тот же овал лица. Хаво улыбнулась гостье и слегка наклонила голову в знак приветствия. Валя смущенно поздоровалась.

— Ну, заходи, у нас на пороге стоять гостям не принято!

Хаво по-свойски потянула ее за собой.

Встреча прошла удивительно легко. Собственно, это и встречей назвать было трудно. Все уселись за стол, Хаво

тут же стала подавать блюда, одно за другим, половину которых Валя пробовала впервые. Эрзол рассказывал анекдоты. А после они поехали гулять в парк.

Вечер закончился каким-то сумасшедшим страстным поцелуем и ожиданием абсолютного счастья.

XXIV

С работы Турунж пришла возбужденная. По счастливому совпадению дома оказалась Аня, которая во всем поддерживала свою сестру. Прямо с порога Турунж бросилась к ней на шею, как будто та могла разрешить все проблемы.

— Аня! Я больше так не могу. Я хочу к детям. Я должна ехать.

Аня тяжело вздохнула:

— Хочешь — поезжай.

Во второй раз Турунж отправилась в Кисловодск уже одна и не предупредив Бабаевых. Опять накупила гору подарков. Остановиться она решила все в том же институтском общежитии.

Дорогу до дома на улице Катыхина Турунж выучила с первого раза. Пришла к полудню. Калитка была не закрыта. Она вошла. Не глядя по сторонам, решительно направилась к скамейке и там, у яблони, столкнулась с Нахамьё.

Он работал в санатории имени Десятилетия Октября, в самом центре Кисловодска. Это был один из лучших, сталинской постройки, санаториев в городе, в котором любили останавливаться высокопоставленные товарищи. Нахамьё держал там мастерскую мелкого ремонта. Если кому-то из отдыхающих надо было зашить порванные брюки или перелицевать подкладку юбки, утянуть талию — такое на курортах случалось часто, — он делал это всегда быстро, с обязательным: «Носите на здоровье».

Клиентов у него было хоть отбавляй. Платили хорошо, да еще и сверху прејскуранта оставляли, так что Нахамьё был всем доволен. А если умный собеседник попадетсја, так можно про мировой сионизм поговорить, Голду Меир вспомнить. Все-таки уроженка Российской империи и какое государство отгрохала.

Такое знание Израиля и подробностей его устройства было не случайным. На крыше нашего дома стояла антенна. И при желании можно было слушать «вражеские голоса» со всего мира: и «Голос Америки», и ВВС... Но дед предпочитал «Голос Израиля». Ему он доверял. Это было его хобби, страстью и насущной необходимостью. Как только он приходил с работы и с ужином было покончено, он поднималсја к себе на второй этаж и включал приемник.

Потом пересказывал услышанное Эрзолу, вводя того в курс последних новостей мировой политики.

Дед выписывал газеты и вообще был начитанным человеком. Он обсуждал то, что происходило в мире, так же страстно, как его сын — ткани и купли-продажи.

Любопытство Нахамьё никогда не носило праздный характер. Это был интерес человека, пережившего две революции и три войны. Он верил, что в случае опасности сможет подсказать сыну, куда бежать и что делать.

Эрзол со смехом говорил ему:

— Отец, ну что ты все это слушаешь? Где мы, а где Голда Меир?

Нахамьё очень серьезно смотрел на сына и отвечал только одно:

— Эх, молодо-зелено. Не понимаешь ты, Эрзол... Моя вина. Информация — великая вещь, кто ею владеет, владеет миром. Это умный человек сказал. Надо знать, Эрзол!

Вот таким удивительным человеком был наш дед Нахамьё.

По стечению обстоятельств в тот день он оставался дома. Увидев бывшего свекра, Турунж растерялась. Он в ее сознании все время держался в стороне от происходившего. Он был всегда таким, каким она его запомнила в свое первое появление в доме Бабаевых — простым, сердечным человеком. И то, что она встретилась именно с ним, может, было даже хорошо.

Нахамьё знал подробности прошлого свидания, то, как приняли ее дети. И он совсем не ожидал, что Турунж явится снова — уже без всякой договоренности.

— Ты когда приехала? Почему не сообщила? Я бы тебя встретил! — выпалил Нахамьё.

— Беспокоить никого не хотела... Детей повидать приехала... Где они?

— Дома играют или носятся где-нибудь. Разве за ними уследишь?

Нахамьё засуетился. Схватил авоськи Турунж и потащил к дому.

— Постойте. Неудобно же, я тут подожду.

Турунж смутилась. Но Нахамьё ничего не желал слушать.

— Давай идем. Не чужой нам человек. Шутка сказать, мать моих внуков.

Появление Турунж в дверях вместе с Нахамьё произвело на Хаво эффект разорвавшейся бомбы. Тень страха и неприязни пробежала по ее лицу.

Турунж тоже смутилась. Ее и без того сотрясала дрожь, а тут она на мгновение почувствовала, как у нее подламывались колени от нервного напряжения.

Две женщины стояли и молча разглядывали друг друга. Турунж к такому было не привыкать. Главное, не опускать глаз, не прятать их от врага... Хаво отчего-то смутилась, сделала вид, что ей что-то срочно понадобилось у плиты.

— Ну, проходи, что остановилась, — буркнула она.

И тут Турунж увидела в проеме двери Славу. Из-за его спины выглядывали любопытные личики остальных детей. Не зная, как правильно поступить, бросилась к авоськам, оставленным у входа, стала вынимать оттуда кульки и совать их детям в руки.

— Это тебе, Игорек. Это тебе, Слава... Гена, Гена, иди сюда. Это тебе, детка.

— А я твою машинку раздавил, — выпалил Слава.

— Как? — Турунж не сразу поняла, о чем говорил сын. Потом вдруг сообразила. — Это ничего. Я вам каждому по новой машинке куплю.

Эта встреча была короткой. Дети сидели за столом, разговор не клеился, несмотря на все старания Нахамьё разрядить атмосферу. Ребята молчали, как будто воды в рот набрали. Напряженные, чужие.

Нахамьё что-то говорил о том, как они будут видеться. Говорил, что Турунж теперь может приезжать когда и сколько хочет. Турунж вдруг не выдержала. Она видела, что дети жили беззаботно, что они были ухожены, одеты, обуты... А ее мир рушился.

Турунж каким-то чужим голосом произнесла:

— Ну вот, подарки раздала... Пора идти...

Старшие дети подошли к Хаво, Гена остался сидеть неподвижно, застыв как изваяние. Он смотрел куда-то вдаль: между матерью и бабушкой. Так они и молчали. После неловкой паузы Турунж поцеловала каждого з щеку, попросила проводить до двери.

— Я все равно заберу вас к себе! Так и знайте, — выпалила она с вызовом у самого порога. И с этими словами покинула дом.

XXV

На вокзале в Махачкале Турунж встречала Аня.

— Я им не мать. Дети меня боятся...

— Ну-ка прекращай говорить глупости! — прикрикнула Аня на сестру, и они поехали домой.

Добравшись до родного дома, они, как обычно, сели на кухне.

— Рассказывай, что там приключилось, — ласково попросила рассудительная Аня.

— Приключилось... — кивнула Турунж.

Аня налила обеим чай, приготовилась слушать. Сестра, сбиваясь с пятого на десятое, начала рассказывать.

— Они хотят отобрать их у меня, совсем отобрать, навсегда... — твердила она. — Я это чувствую. Хаво распоряжается ими, как будто это ее собственность.

— Как? Каким образом?

— Разве ты не понимаешь, как она их воспитывает? В ненависти ко мне. Я должна это остановить. Я должна забрать их к себе. Я мать.

Аня закурила.

— Перестань пороть горячку! Что ты можешь дать детям, чего не даст Эрзол?

— Это мои дети! Я должна их забрать, — все повторяла и повторяла Турунж.

— А ты подумала, где им будет лучше?

— Как где? Я им мать!

Аня ей не перечила, только дымила сигаретой.

— Я позвоню Нахамьё. Предупрежу его, что ты снова приедешь.

Как и обещала, она дозвонилась до Бабаевых. Разыскала Нахамьё в санатории, где он работал, сказала, что все, что прошло, — быльем поросло, и им надо начать строить жизнь заново. Дети без матери жить не должны. Мать без детей — тоже.

Нахамьё слушал все молча, время от времени горестно вздыхая в трубку. Аня просила о невозможном: отпустить детей погулять с Турунж.

— Не знаю, что и сказать. Эрзол против будет, да и Хаво не рада тому, что Турунж явилась, когда захотела, да с угрозами... — пробовал вставить слово Нахамьё.

— Не знаю, и знать не хочу, потому что она мать. Она имеет право. Ты меня слышишь, Нахамьё?! Это ее дети. Имейте совесть.

Нахамьё только вздыхал в ответ. Каждый раз, когда жена повышала на него голос, он с ней соглашался. Женщины имели необъяснимую власть над ним.

В их доме всегда командовала Хаво, но теперь Нахамьё решил, что пришел и его черед. То ли на него так действовали слова Ани, то ли он чувствовал себя виноватым, но Нахамьё потребовал, чтобы просьба Абрамовых была уважена, и Хаво, может быть, впервые в жизни, не оставалось ничего другого, как подчиниться.

«Сумасшедшей» Турунж снова было разрешено увидеть ее детей.

С первого приезда бывшей снохи в доме Бабаевых царила нервная обстановка. Ее последний внезапный визит привел всех в оторопь, даже внешне невозмутимого Эрзола. Дети это чувствовали и заранее враждебно относились к женщине, которую практически не знали.

XXVI

Фира и Лиза подолгу обсуждали с Хаво, как далеко могло зайти увлечение Эрзола Вaley. И каждый раз эти обсуждения заканчивались фразой: «Поживем — увидим». В глубине души каждая из них думала, что это ненадолго.

Но Хаво все равно тревожилась. А вдруг неумная энергия сына заведет его не в ту сторону, вдруг какая-нибудь русская его охмурит? Не Валя, так другая... Противоядие от этих тяжелых дум было только одно: Эрзола следовало срочно женить.

Сам он относился к этой идее со смехом, но перечить матери не смел. Все чаще случались беседы, подобные этой.

— О чем ты думаешь? — спрашивала Хаво.

— Да ни о чем не думаю...

— Я знаю, о своей Валентине.

— С чего ты решила?

— Тебе, сынок, надо жениться!

— Зачем, мама?

Хаво обиженно замолкала или переводила разговор на другую тему. Но иногда она звонила Фире и просила ее о чем-то.

Как-то раз, это было вскоре после начала отношений с Валентиной, Хаво сказала мне, что на следующий день мы с ней и отцом поедem в Дербент.

Ни свет ни заря меня подняли, причесали, одели во все парадное. Мы сели в машину и поехали.

На наивный вопрос «Зачем?», отец ответил совершенно просто: «Места, где я родился, покажу. Знаешь, какая там красота!»

Дербент запечатлелся в моей памяти как величественное полотно. Город с его узкими кривыми улочками напоминал улитку. Глинобитные стены домов, узенькие оконца — от всего веяло невообразимой древностью. Когда наша машина въехала в чей-то двор и отец вышел из нее, его тут же окружили люди, которые шумели и радостно хлопали его то по плечу, то по спине.

Среди приветствовавших отца был один из самых колоритных людей в его окружении — Миша Гилядов. Самым запоминающимся у него был голос: низкий с неожиданными высокими нотками. Сразу чувствовалось, что человек с таким уникальным тембром способен на многое. Гилядов был директором ресторана в Дербенте. И ко всему прочему дальним родственником Хаво. Кстати, в этом заключалась тайна, сопутствовавшая нашей поездке, но открылась она не сразу.

Во двор входили все новые и новые люди. И все наперебой тянули его к себе с возгласами: «А помнишь то!..», «А помнишь это!..» Каждому вновь прибывшему отец приходил свое, неповторимое приветствие: «Боже мой, какой ты стал!», «Нет, вы посмотрите, кто идет!» Слухи о взлете

карьеры Эрзола уже достигли Дербента. Люди относились к отцу с уважением и почтением.

К приезду Эрзола прямо во дворе накрыли столы. В застолье приняли участие все без исключения. Начали произносить тосты. Первый, второй, третий... Веселье все нарастало. Возможно, пиршество длилось бы до бесконечности, если бы Хаво не подошла к своему сыну и, наклонившись к уху, не прошептала:

— Ты забыл, зачем мы приехали? Давай-давай, — поторопила она. — Люди ждут.

— Мама, ну чего ты, — возразил Эрзол. — Мы же только сели...

Тем не менее он тут же встал и пошел, словно его вели на привязи. Хаво, не оглядываясь, возглавила процессию.

Мы прошли по узким улочкам, на которых, казалось, все было так же, как и сто лет назад, когда по ним ходил мой предок Иллазар. Вот мы вошли в чей-то дом, где сновали взволнованные женщины, но отец на них смотреть не стал. Внимание его было приковано к столу, за которым сидели две девицы, как видно, сестры.

Эрзол с любопытством окинул их взглядом, уважительно поздоровался с хозяином дома. Мы сидели столько, сколько требовали приличия, говорили о погоде и на прочие, ни к чему не обязывающие темы, потом встали, откланялись и вернулись во двор Миши Гилядова. Веселье вспыхнуло с новой силой.

Это был маленький слепок стотысячной общины евреев, проживавшей тогда в Дербенте. Эрзолу было приятно сидеть в компании родных людей, видеть знакомые с детства лица, разговаривать на родном языке.

— Я счастлив быть здесь, счастлив, что мой сын может видеть место, где родилась наша мать, — так Эрзол начал свой тост.

Хаво сидела напряженная, как будто в ожидании чего-то важного. Улучив момент, Эрзол вдруг наклонился к ней и нежно спросил:

— Я уважил твою просьбу?

Хаво кивнула и улыбнулась. Она вообще необычайно много улыбалась, оказавшись в Дербенте — городе своей юности.

— Я приехал и посмотрел...

Хаво подозрительно посмотрела на сына. К чему тот клонил? Тот вдруг от души рассмеялся.

— Я тебя прошу, не тревожь меня больше. Это не мой путь. Давай закончим эти поиски невест. Я все равно ни на ком не женюсь.

Так раскрылась тайна поездки.

Это были смотрины, устроенные Хаво. Но неудача ее ничуть не расстроила. Не хочет, так не хочет. Главное, она удостоверилась, что Эрзол не собирался совершать глупости. Никому его не затащить под хупу или в ЗАГС, ну и хорошо. Пока сын был не женат, пока его сердцем не завладела чужая — и оттого заранее не очень любимая Хаво женщина, — положение в доме его матери, ее первенство и старшинство оставались незыблемыми. Кем она была при неженатом сыне? Королевой, если так можно выразиться. Ей выпала невероятно важная роль той, кто воспитывала его детей, вела дом, присматривала за хозяйством. И то, что он не собирался связывать свою жизнь с другой женщиной, не было катастрофой. Дети у него есть, свой долг перед родом он выполнил, а вешать еще один хомут на шею не так уж обязательно.

Больше к теме женитьбы Эрзола в доме Бабаевых не возвращались.

Удивительно, что и сам Эрзол считал, что его сыновья должны были жениться только на еврейках. Много позже, осмысливая все то, что видел в детстве, я заметил одну за-

кономерность: хотя отец вырос в еврейской семье, мог общаться на родном языке и был в определенной мере носителем еврейской традиции, женщин он выбирал русских. Почему? Это оставалась загадкой.

Прошло совсем немного времени, и мы начали воспринимать Валью как доброго друга. Она не оставляла нас без своего внимания и заботы, проверяла домашние задания, помогала с уроками, ходила на родительские собрания, потому что отцу всегда было некогда. Мы доверяли ей свои тайны, и она никогда нас не выдавала. Она выполняла еще множество других важных дел, поначалу совсем неприметных. Лишь когда она рассталась с Эрзолом, мы осознали в полной мере, сколько тепла она привнесла в жизнь семьи Бабаевых.

Валя испытывала уважение и симпатию к Хаво, и та отвечала избраннице сына тем же. Никаких скандалов и ссор, которые постоянно вспыхивали между Хаво и Турунж. С Валею все было иначе. Она ни на что не претендовала, всегда помнила о своем месте и была для нашего отца и прислужой, и помощницей, и товарищем, и советчицей.

Эрзол положил Валентине высокую зарплату — 500 рублей в месяц. Для сравнения: столько же в то время получал директор крупного предприятия, а тут простая закройщица... Та, которую любил Эрзол, ни в чем не знала нужды.

Кусок хлеба, о котором постоянно твердила Валина мать, у нее имелся. Хотя горячо влюбленная в отца Валя не могла не мечтать об их совместном будущем, о законном браке. Но Эрзол, один раз постановив, что жениться не намерен, строго следовал своему решению.

Имелась одна особенность в отношениях отца и Вали. За всю совместную жизнь Эрзол подарил Вале только ко-

лечко с бриллиантом. Все. Ни дорогих тряпок, ни других подарков. Деньги у нее были, но заработанные, не подаренные.

Это была принципиальная позиция Эрзола.

Он знал об искушениях, которые приходят вместе с большими деньгами. Они могли изменить отношение к отцу тех, кто находился с ним рядом, даже если они очень любили Эрзола. Богатство рано или поздно начинает давить на психику. Человек мысленно начинает «засовывать деньги себе в карман». Они же рядом, и их много. А желания у каждого огромные.

Эрзол это прекрасно понимал. И боролся по-своему.

Именно по этой причине он не дарил Вале подарки — чтобы уберечь от искушения позариться на его деньги. Речь не шла о жадности, это была вакцина от пагубного искушения. Он не хотел, чтобы его состояние застило глаза его избраннице. Эрзол хотел, чтобы их совместная жизнь подразумевала самостоятельность каждого. Валя должна была обеспечивать себя сама, и чтобы ценить то, что она имела, и не желать большего.

Кстати, для Эрзола такой принцип был универсальным. Точно так же сестры помощи от него не получали.

XXVII

Как и обещал Нахамьё, к третьему приезду Турунж Бабаевы подготовились, как подобало. Ее усадили за накрытый стол в доме, отобедали вместе. Конечно, Эрзол отсутствовал. Место хозяина дома занимал Нахамьё. Подавала кушанья, как всегда, Хаво.

Но Турунж чувствовала здесь себя бесконечно чужой. Она замечала, с какой теплотой дети обращались к Хаво, как та относилась к ним. Сыграть искреннюю заботу и ласковое отношение невозможно... И сердце Турунж переполняли ревность, боль и обида на всех и вся.

Теперь она уже не сомневалась, что ей не позволят забрать детей просто так. Наверное, ей суждено было довольствоваться милостыней — редкими и короткими встречами с собственными детьми. Суждено всегда зави-

сеть от Хаво и ее согласия на свидание. Думать об этом было невыносимо. Сидеть в окружении чужих, враждебно настроенных людей — мучительно.

И как контраст — ее дети находились так близко к Турунж. Протяни руку — и можно дотронуться, приглотить. Но разве они откликнутся на ее ласку? Видно же, что их всех против родной матери настроили.

Хаво молча подошла к шкафу, достала из буфета вазу с карамельками, поставила на стол. Мы тут же набросились на сладкое. Загалдели, стали спорить, кому какая достанется и у кого слаще.

Турунж смотрела на эту картину чуть не плача. Что же Бабаевы сделали с ее жизнью? Разве она не смогла бы заботиться о своих детях?

Только маленькая Эллочка, сидевшая под большими настенными часами, не принимала участия в общем веселье, а посматривала на Турунж с любопытством, словно интуитивно угадывая ее настроение.

Турунж ласково ей улыбнулась.

— Эллочка? Ты здорова? Дай-ка мне твой лобик.

Она протянула руку, дотронулась до лба ребенка. Эллочка улыбнулась. На Турунж словно повеяло теплым воздухом. Вот оно, счастье матери.

— Девочка моя! — Турунж подвинула стул поближе к дочери. Пересадила малышку на колени.

Эллочка о чем-то спросила Турунж. Та, погруженная в свои невеселые мысли, даже не услышала ее.

— Что? — переспросила она, вдруг почувствовав, что ребенок дергает ее за рукав.

— А у тебя дома есть розовые шарики?

— Шарики? Какие шарики?

— Вот эти. — Эллочка сделала глубокий вдох и выдохнула в лицо Турунж, показывая, как надувают воздушные шарики.

— А хочешь я тебе их куплю много-много?

— Хочу! — глаза девочки стали большими.

Турунж словно увидела всю ситуацию в новом свете. На них с Эллочкой никто не обращал внимание. Ну и хорошо. Почему они должны обращать внимание на остальных?

— Мы сейчас, мы ненадолго, — сказала она негромко.

Никто ей не ответил. Кажется, даже никто и не услышал, что Турунж что-то сказала. Только Хаво вдруг выглянула из кухни и бросила взгляд на «сумасшедшую» — как она там? Не чудит? Ничего не сказав, она вернулась к своим хлопотам.

Турунж, зажав рот ладонью, негромко, как в детстве, прыснула со смеху. Ей показалось, что они с Эллочкой одноклассники, которым только и оставалось, что убежать от воспитательницы-мучительницы. Мысль об этом согрела. В самом деле, почему бы не сбежать отсюда туда, где они будут счастливы. Главное, чтобы ее ребенок находился рядом с ней. Турунж встала из-за стола, подошла к Нахамье, шепнула ему, чтобы не привлекать внимание мальчиков:

— Мы в садик прогуляться.

Нахамье рассеянно улыбнулся, что-то пробурчал, но не возразил. Хаво в комнате не было. Турунж подмигнула дочке. Эллочка, ожидая что-то интересное, игру или приключение, засмеялась во все горло.

Турунж с наигранным испугом прижала указательный палец к губам.

— Тс-с, Эллочка! Тише. Пойдем отсюда.

— Куда? — так же шепотом спросила девочка.

— Погуляем.

Турунж подхватила ребенка на руки, и они вышли в соседнюю комнату.

— Покажи мне, где лежат твои игрушки? — попросила она малышку.

Эллочка, устроившись на руках, как маленький божок, молча указала пальцем в сторону входной двери.

— Разве твои игрушки там?

Девочка, блестя глазками-бусинками, озорно кивнула и улыбнулась.

— Как интересно. Тогда пойдем на улицу, — заговорщически улыбнулась Турунж.

Они вышли в сад. Яркое светило солнце.

— Девочка моя... Девочка моя... — она начала осыпать Эллочку поцелуями. Та разулыбалась.

Турунж истерично запричитала:

— Что же тебя здесь не ласкают, что ли? Девочка моя бедная. А пойдем-ка отсюда подобру-поздорову.

Эллочка на все согласно кивала.

Турунж оглянулась. Надо было только сделать последний шаг. Уйти с этого постылого двора, спрятаться от его хозяев на другом конце земли.

— Сколько можно терпеть?! — вдруг произнесла она вслух. — Они мои! Мои дети.

Турунж испуганно оглянулась. Никто из Бабаевых за ней не следил. Только немилосердно жарило солнце, и листья ослепительно сверкали изумрудным светом. Она почувствовала себя травинкой, уставшей бесконечно тянуться к свету. Она хотела тепла для себя и своих детей, и только. Никто ее не согреет, кроме Элочки. И Элочку, кроме мамы, никто не согреет.

Турунж не заметила, как почти побежала по садовой дорожке. Прочь со двора. Быстрей. Пока их никто не хватился.

Турунж выскочила на улицу, перевела дух. Нести Эллочку становилось все тяжелее, но она и не думала отпустить девочку с рук. Она мать. Своя ноша не тянет.

— Не беспокойся. Теперь все будет хорошо, — шептала Турунж. — Твоя мама с тобой, понимаешь?

Эллочка кивнула.

— Теперь мы будем всегда вместе. Всегда-всегда!

Тут Турунж спохватилась — ее сумочка, документы! Она растерянно хлопнула по карману плаща и вдруг поняла, что сжимала сумочку в руке. И когда она ее успела схватить? Женская привычка. Авоськи забыла... Ну бог с ними, с авоськами. Пусть останутся Бабаевым.

У нее было с собой немного денег. Этого хватит, чтобы уехать с дочерью туда, где их никто не отыскал бы.

Солнце жарило немилосердно, и Турунж распахнула плащ. Сильный порыв ветра швырнул ей в лицо горсть дорожной пыли, словно пробуя остановить. Но Турунж не сбавила шаг.

Вот и перекресток. Она достала кошелек. На углу стояли такси, и Турунж подбежала к одному из водителей.

— Мне до вокзала... Железнодорожного...

Все происходило, как в тумане. Водитель равнодушно кивнул. Турунж уселась в салон. Кажется, первый раз после давней поездки к Рае в Москву она ехала в легковом автомобиле. За окном проносились дома, деревья. Турунж нервно кусала губы. Скорей бы вокзал. Эллочку в машине укачало, разморило, и она заснула на руках матери.

Вдруг машина резко затормозила. Турунж испуганно посмотрела на водителя.

— Приехали, — пробурчал тот.

— Сколько я вам должна? — спросила Турунж.

Таксист поднял вверх два пальца. Турунж торопливо передала ему два рубля и, стараясь не разбудить Эллочку, вылезла из машины. На привокзальной площади было немногочленно. Она бросилась к кассам. Как всегда, билетов до Махачкалы не предвиделось. Но для Турунж главным было уехать из этого города. Любым поездом, хоть пригородной электричкой. И Турунж купила билеты до Минвод.

До отправления состава оставалось минут сорок. Эллочка проснулась и начала хныкать.

Турунж начала ее укачивать, но та не успокаивалась. Турунж вдруг поняла, что совсем не знает характера и привычек своей дочери.

— Ну чего ты, Эллочка! — упрасивала она. — Пойдем поищем буфет. — Наверное ты есть хочешь.

В станционном буфете Турунж купила Эллочке ва-трушку, и та успокоилась.

Теперь только бы уехать в Минводы. А там, Турунж надеялась, ей удастся взять билеты до Махачкалы. И все будет хорошо.

Она вышла на перрон. Состав уже подали, и пассажиры показывали билеты проводницам и проходили к своим местам. Турунж села в самом конце вагона, у окна. Незаметно для себя она задремала. Вдруг что-то гроыхнуло, женщина испуганно разлепила веки и удивленно посмотрела на Эллочку. Девочка спала. Турунж пыталась понять спросонок, что произошло.

В противоположном конце вагона двое пьяных с кем-то бранились. Турунж оглянулась и увидела милиционеров, стоявших в проходе. За их спинами промелькнуло чье-то лицо... Турунж не поверила. Эрзол?! Быть того не могло! В этот момент проснулась Эллочка и неожиданно громко, на весь вагон, захныкала.

— Хочу домой.

Плач ребенка привлек внимание стражей порядка. Турунж испуганно оглянулась и случайно встретила взглядом с одним из них, большим дядькой с черными жесткими усами. Лицо женщины покрылось испариной. Она вспомнила, как несколько лет назад точно так же на вокзале Махачкалы по вагону шли капитан и его помощник и искали ее. И она точно так же держала совсем крошечную Эллочку на руках, и та ревела на весь вагон.

Турунж зажмурилась и начала читать про себя молитву, которой научил ее Хезгий.

Чья-то рука тронула ее за плечо, она открыла глаза: прямо перед ней стояли тот самый дядька с черными усами и его молодой напарник.

— Ваши документы, гражданка, — пробурчал усатый.

— Какие документы? Я домой еду. С дочкой! — испуганно произнесла Турунж.

— Как фамилия? На ребенка документы есть?

— Это моя дочка! Дочка Эллочка! — запричитала Турунж. — Отстаньте.

Она обернулась и увидела, что в проеме двери стоял Эрзол. Значит, он ей не привиделся. И смертельная бледность покрыла ее лицо.

— Это она, — обратился он к милиционерам.

— А ну, пройдемте, — старшина грубо потянул ее за рукав.

— Оставьте меня! — Турунж сорвалась на крик.

Эллочка заплакала. Весь вагон смотрел в их сторону.

Старшина нахмурился.

— Тихо, гражданочка! Без истерики. А то сопротивление милиции оформим, — пригрозил он.

Турунж, не отпуская Эллочку, поднялась и на ватных ногах двинулась к выходу.

— Папа, папа! — обрадовалась Эллочка, увидев Эрзола.

Тот в две секунды подбежал к дочери, она потянулась к нему, но мать цепко держала ее в своих объятиях.

— Отдай, — злым шепотом приказал Эрзол.

Турунж тяжело задышала и еще плотнее прижала Эллочку к себе.

— Ты не имеешь права! — проговорила она срывающимся голосом. — Это моя дочь!

— Еще как имею, — ответил Эрзол. — Я ее опекун. Отдай по-хорошему, и мы замнем дело.

— Вы ее знаете? — вмешался в разговор старшина.

— Это моя бывшая жена. Татьяна Бабаева. Это если по-русски. А в семье мы ее звали Турунж.

Фраза «бывшая жена» вдруг вернула Турунж на землю. Она сдалась. Покорно разжала объятия, и Эрзол легко подхватил ребенка.

— Ну что, Эллочка, пойдем домой?

— Пойдем, — почти весело ответила Эллочка. — Турунж, до свидания! — помахала она рукой.

Милиционеры молча смотрели на Турунж. Та стояла, уставившись в одну точку, как будто весь мир перестал ее интересоваться.

— Спасибо, товарищи милиционеры. Выручили, — угрюмо улыбнулся Эрзол.

— Работа такая, — козырнул младший.

— Извините, если что... Мы можем идти?

— Конечно, идите! А с ней что делать? — спросил старшина Эрзола. — Вы к своей бывшей жене претензии какие-то имеете?

— Нет! — буркнул Эрзол. — Пусть катится куда хочет.

— Ну тогда, — милиционер повернулся к Турунж, — вам лучше отправиться домой и решать свои семейные дела в предусмотренном законом порядке.

Они козырнули и вышли из вагона. Турунж чувствовала, как ее щеки начала заливать краска стыда. Дыхание перехватило. Она выбежала из вагона и бросилась по перрону прочь от вокзала. Вскоре платформа закончилась, и она остановилась вдруг в растерянности посреди железнодорожных путей, словно в бескрайней пустыне, в которой не существовало ни тепла, ни любви.

Так завершилась история с похищением Элочки.

XXVIII

Дома Турунж ничего не стала рассказывать ни Ане, ни родителям. Но о происшествии с Эллочкой все равно стало известно. Ане на работу позвонил Нахамьё и, как всегда, тысячу раз оправдываясь, предупредил, что если Турунж еще раз посмеет явиться к ним в дом, они вызовут милицию, и дело простым объяснением уже не закончится.

Когда Аня узнала, в чем дело, она пришла в ужас.

— Ты что, с ума сошла? — кричала она на Турунж. — Ты понимаешь, что ты наделала?

Напрасно Турунж твердила, что она мать и имеет право видеть детей.

Аня отвечала сестре, что мать-то она мать, но лишенная прав, а по закону опекуном является ее бывший муж. И если кто-то до них дотрагивается, кто бы то ни был, даже если это Турунж, — Эрзол имеет полное право обратиться в милицию. Пусть она благодарит Бога, что все закончилось именно так.

Турунж вспылила, закричала, чтобы сестра не вмешивалась, потом заплакала.

— Однако Нахамьё звонит мне, а не тебе, — увещевала Аня. — Ты понимаешь, что могла снова попасть в тюрьму?

— Но что же мне делать? Они же мои дети! — разрыдалась Турунж.

Аня не знала, что на это возразить.

— Успокойся. Давай вместе подумаем, что делать. Надо действовать по закону. Понимаешь, по за-ко-ну! Суд у тебя отнял право опекуинства, через суд его и надо восстанавливать!

— Так разве можно?

— Конечно, — ответила Аня, обнимая ее за плечи. — И давай на этом сейчас закончим.

Пока Аня бегала по инстанциям, узнавая, какие шансы были у сестры вернуть право воспитывать своих детей, Турунж все больше и больше погружалась в пучину тоски.

Так получилось, что все заботы о постаревших родителях, легли на ее плечи. У остальных детей Абрамовых были свои семьи. Аня радовалась в душе тому, что так сложились обстоятельства. Она надеялась, что заботы и хлопоты отвлекут Турунж от тяжелых дум, но не этого не случилось. Ее ничто не радовало. Она не находила ни в чем смысла: ни в образовании, ни в карьере, ни в отношениях с мужчинами, ни в домашних заботах. Ею управляло только желание находиться рядом с детьми, ежеминутно видеть их, прикасаться к их головкам. Турунж чувствовала, что если она прислушается к словам Ани, подчинится запрету Бабаевых видеть детей, то окончательно потеряет смысл жизни.

И тогда Турунж стала при каждом удобном случае тайком от всех, даже от родителей и Ани, ездить в Кисло-

водск, чтобы хоть глазком, хоть издали посмотреть на детей. Турунж часами простаивала на улице в ожидании, когда калитка откроется, и из нее выйдут ее обожаемые ребятишки. Приближаться она опасалась.

Такое поведение не могло долго оставаться незамеченным. Кто-то из соседей рассказал о странной женщине Хаво. Та пожаловалась Эрзолу. С той поры калитку дома на улице Катыхина всегда держали на запоре.

Но никакая сила уже не могла остановить Турунж. Несколько раз она умудрилась тайком проводить Гену до школы. Однажды даже окликнула его издали. Мальчик обернулся. Увидел «настоящую маму», как он ее называл, обомлел, обрадовался, развел руками, хотел что-то крикнуть.

Турунж поспешно приложила палец к губам: «Тс-с, молчи!» И ушла.

На следующий день она купила конфет. Подошла к ограде школы, дождалась большой перемены, когда дети высыпали во двор, и, высмотрев среди них Гену, стала махать ему рукой.

Это был обычный школьный двор, огороженный железной решеткой.

Сын, увидев Турунж, бросился к ней со всех ног. Ее как магнитом притянуло к ограде, она просунула сквозь решетку руки, пытаясь дотянуться до Гены.

— Мальчик мой, — вырвалось у нее, — иди сюда, дай я тебя поцелую.

Гена подбежал к решетке и замер, разрываясь между желанием прижаться к Турунж и запретом Хаво подходить к ней. Вдруг он не выдержал, схватил Турунж за руку и стал осыпать ее поцелуями.

— Мамочка моя. Я знаю, ты — моя настоящая мама.

Турунж слушала, не веря своим ушам. Как будто исполнилось ее заветное желание.

— И остальным скажи, слышишь? Славику скажи, Игорьку, что я их мама. Слышишь? Слышишь?! — просила она, словно в горячке.

— Они мне не верят, мамочка, — прошептал мальчик.

— Я тебе конфеты принесла. На вот, возьми.

Она торопливо полезла в сумку, стала вытаскивать оттуда кулек, который уже потерял форму. Бумага порвалась, конфеты просыпались на землю. Турунж бросилась их подбирать и передавать Гене через решетку.

— Бери, родной, все бери.

Пальцы не слушались, ее неловкость передавалась мальчику. Он вдруг занервничал. Конфеты тоже выпали из его рук, и он стал торопливо их поднимать, рассовывая по карманам.

— Что ты не берешь? Бери, бери, — повторяла Турунж.

На ее глазах блестели слезы. Так они, мать и сын, плакали, передавая друг другу прикосновения, словно золотые монеты. Вдруг раздался крик.

— Вы что там делаете? Бабаев! Гена! С кем ты там разговариваешь?

Мальчик замер, как пойманный воришка.

— Иди-ка сюда! — повторил строгий голос.

Гена медленно обернулся. Прямо к нему направлялась учительница.

— Здесь учебное заведение, а не проходной двор, — закричала она издали. — Вы кто такая? Немедленно покиньте территорию учебного учреждения.

Турунж замерла. Она и так стояла за оградой! Что ей покидать-то?

— Бабаев! Я кому говорю?! Сегодня же сообщу твоему отцу, что ты разговариваешь с незнакомыми. А ну, иди сюда!

Гена растерялся, не зная, что делать, испуганно глядя то на Турунж, то на свирепую учительницу.

— Вы что на ребенка кричите? — вдруг рассердилась Турунж.

Учительница подбежала к мальчику, потащила прочь. Гена обернулся. В его тоскливом взгляде была мольба о помощи.

— Отпустите его, — закричала Турунж. — Отпустите, слышите.

Она начала трясти ограду. Учительница остановилась, обернулась и грозно нахмурилась.

— Идите отсюда!

Турунж ахнула.

— Я его мать.

— Знаем мы таких матерей. Все мы про вас знаем. По вам милиция плачет. У мальчика отец есть, он нас обо всем предупредил. Идите отсюда, женщина, я не шучу!

Гена задрожал от ярости.

— Это моя мама!

Пожилая учительница строго посмотрела на мальчика и увидела у него в руках конфеты.

— А это кто тебе дал? Нельзя брать у чужих людей. — Она выхватила одну из карамелек и бросила ее на землю. — Брось, брось немедленно, — скомандовала она, будто мальчик держал в руке крысу. — А вдруг они отравленные. Слышишь, Бабаев?!

Она ударила мальчика по руке. Конфеты посыпались на траву. Учительница стала решительно давить их каблучком, разбрызгивая коричневую начинку по сочной зелени.

— Не смей брать ничего у чужих, — приговаривала она.

— Она не чужая, она моя мама, — закричал Гена. Он бросился на учительницу с кулаками. — Это мамин подарок.

По его лицу потекли слезы. Он чувствовал, как там, за школьной оградой, замерла его мать, как она на него смотрела и ничем не могла помочь.

Турунж было невдомек, что Эрзол успел предупредить учителей, что в школу может заходить мать его детей, лишенная права их воспитывать. Она больна и опасна. Лучше внимательно присматривать за детьми, чтобы чего не вышло. Вдруг она задумает что-нибудь плохое, может даже украсть ребенка... один раз такое было...

Учительница, раскрыв глаза от изумления, слушала рассказ и кивала, рисуя себе сцены одна другой ужасней. Ей нравился этот статный мужчина, который оказался в такой нелегкой жизненной ситуации.

— Конечно, я предупрежу весь наш коллектив. Мы не допустим, чтобы дети пострадали...

И учительница присматривала. Особенно за младшим, за Геной. И как в воду глядела, вовремя заметила опасность.

— А вы, — она, на всякий случай отойдя подальше, снова обернулась к Турунж, — если еще раз приблизитесь к нашей школе, будете иметь дело с милицией.

XXIX

После происшествия в школе Турунж точно изменили. Ее раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, она стремилась видеть детей, с другой — она боялась столкнуться с Эрзолом. Каким он бывал в гневе, она прекрасно помнила.

Слезы из ее глаз лились почти непрерывно, и никакой причины для этого не требовалась. Турунж плакала и не могла остановиться, до тех пор пока ее душу не наполняла прохладная пустота, словно она добиралась-таки до заповедной территории, где царило отсутствие эмоций и долгожданный покой.

Так прошло довольно много времени. И однажды слезы перестали литься из ее глаз, как будто их источник пересох. Она решила, что наступила пора действовать.

И Турунж отправилась в очередную поездку в Кисловодск.

Прямо с вокзала, не заходя в общежитие, где ее уже знали и встречали с состраданием, она отправилась

на улицу Катыхина, заняв место на своем наблюдательном пункте в ста метрах от знакомой калитки.

Накрапывал дождь, но Турунж никуда не уходила. Эрзол несколько раз отлучался по делам и возвращался домой. Дважды прошли туда-сюда Славик и Игорь. Потом вышла Хаво, заперев калитку на замок.

По подсчетам Турунж, в доме оставались только Гена и Эллочка. Больше никого. Там мог еще находиться Алик, брат Эрзола. Но его Турунж в расчет не брала.

Она посмотрела по сторонам и решительным шагом направилась к калитке. Сердце ее гулко стучало.

«Гена откроет. Главное, вызвать его во двор, — повторяла она про себя. — Гена меня послушает». Больше ей ничего и не требовалось, лишь обнять и поцеловать хотя бы одного своего ребенка.

Вот и калитка. Турунж остановилась, тяжело дыша. Огляделась. На улице по-прежнему не было ни души. Она дернула калитку на себя, но та не поддавалась. Турунж попробовала открыть ее изнутри. В это время в окне маленького бабаевского дома, что стоял прямо у дороги, мелькнуло чье-то лицо, и на крыльцо вышел человек.

— Кто здесь? — раздался голос.

Турунж замерла, застигнутая врасплох. Со стороны двора к калитке кто-то подошел.

— Турунж?!

Голос был знакомый.

Турунж выпрямилась, калитка распахнулась, и в проеме возникла очаровательная стройная, словно статуэтка, женщина с копной рыжих волос.

Лиза!

Турунж нахмурилась. Вот уж кого не ожидала встретить. Слышала, что младшая сестра Эрзола переселилась в Кисловодск, но где именно она поселилась, Турунж не догадывалась. Лиза явилась, словно призрак, из той

части прошлой жизни, которую Турунж всеми силами старалась забыть.

— Турунж... — повторила Лиза.

Турунж молчала, не зная, что сказать. Почему-то глядя на эту юную цветущую девушку, она во всей полноте ощущала силу своей ненависти к Бабаевым.

Именно ее, Лизу, Турунж упрямо изгоняла из своих воспоминаний. И вот Лиза встала на пути к ее, Турунж, детям. Чистая душа, Лиза не помнила зла и даже не хотела слышать подробности новых трагических осложнений между двумя семьями. Она стояла и равнодушно смотрела на свою бывшую обидчицу. Ни тени страха на лице. Ни намек на упрек.

— Ты чего остановилась? — улыбнулась она. — Заходи в дом. Рада тебя видеть.

Турунж смущенно посмотрела на этого ангела во плоти и не поняла, издевалась ли над ней Лиза.

— Детей твоих нет сейчас, матери и Эрзола тоже. Так что пошли к нам, чаю попьем, — сказала Лиза немного нараспев.

Неужели она совсем не понимала, что происходило? Неужели она не была с Хаво и Эрзолом заодно? Турунж заторможено кивнула и последовала за Лизой в дом. В каждой детали его убранства чувствовалась женская рука, создавшая атмосферу уюта и тепла.

Лиза нежно обняла Турунж, чем еще сильнее смутила гостью.

— Давай проходи на кухню, не здесь же нам стоять, — с искренней приязнью настаивала Лиза.

— Да не надо ничего, — смутившись, ответила Турунж. — Я просто посижу, отдышусь.

— Какое отдышусь. Идем на кухню. Ты же с дороги, поди, устала, проголодалась. Сейчас чай поставлю.

Лиза почти насильно потянула гостью за собой.

— Как родители? Мельке, Хезгиё?

Глядя, как юная хозяйка дома хлопотала вокруг нее, Турунж почувствовала себя виноватой в каком-то ужасном проступке, который она никак не могла вспомнить.

— Спасибо, ничего, — ответила Турунж, попытавшись улыбнуться, и замолчала, не зная, что еще добавить.

Ей вдруг захотелось найти в Лизе какой-то изъян, чтобы она тоже была виновата, чтобы Турунж перестала чувствовать себя посрамленной ее добротой и открытостью.

— Я тебя сейчас печеньем угощу, только что испекла. Это твои любимые, я помню.

Турунж не переставала удивляться. Лиза помнила, какое печенье она, Турунж, любила...

Приветливая хозяйка дома с состраданием смотрела на бывшую жену Эрзола. Станным образом, Лизе всегда была симпатична эта молодая, столько перенесшая женщина. Может быть, она была не такая плохая, как о ней говорила мать. Во всяком случае, Турунж заслужила хотя бы толику тепла со стороны Бабаевых.

Лиза стала согревать ее теплотой трогательных в своей простоте слов, и отзывчивая на доброту душа Турунж начала оттаивать. Гостья даже сделала три глотка из чашки с чаем.

— А ты как живешь? — спросила Турунж надломившимся голосом.

— Мы с Исаем сюда переехали, устраиваемся тут, он работает... Ты знаешь, не так все страшно. — Лиза улыбнулась.

Турунж смотрела на нее, такую беззаботную, и представляла себя, юную, красивую, чистую, вошедшую в дом Эрзола. Тогда ее переполняла надежда на счастье с мужчиной, которого судьба определила ей в мужа.

И это счастье у нее отобрали. Кто за это ответит?

— Да... скоро Исай придет, — продолжала рассказывать Лиза. — Он подтвердит.

Что подтвердит, Турунж не поняла.

Имя Исая вызвало в памяти то, что она хотела бы забыть навсегда: как отбирали ее детей, как ее с сестрой и родителями осудили... И ко всему он, Исай, руку приложил. Что, рыжая этого не знала? Да как она смела издеваться!?

Турунж вдруг увидела все в другом свете. Теперь перед ней была уже не Лиза, а та девушка, которая украла ее, Турунж, счастье. Она чувствовала не теплоту слов, а паутину, которой ее старались опутать, обольстить, умиловать, чтобы потом еще сильнее унижить. В словах Лизы Турунж уловила подлую насмешку.

Лиза что-то говорила, но Турунж как будто оглохла. Она видела только губы лживой обидчицы, которые беззвучно открывались и закрывались, как у выброшенной на берег рыбы. Это показалось ей отвратительным.

— Что за жуткий час был для всех нас... — продолжила Лиза и осеклась, заметив, как изменилось настроение гостьи. — Турунж, успокойся. Дети твои... Слава богу, все позади.

— Позади, — эхом повторила Турунж и в упор посмотрела на Лизу ненавидящим взглядом.

— Теперь ты уже можешь с ними видаться, — пролепетала Лиза, все сильнее пугаясь. — Все устроилось...

Последнее слово вывело Турунж из себя.

— Ничего не устроилось.

Ненависть накатывала на Турунж волна за волной. Вот Лиза суетилась вокруг нее. Печенье пекла! Счастливая! У нее все было: дом, муж... надежда на будущих детей... А у Турунж? Где ее дом? Муж? И с кем ее дети?

Она как будто почувствовала забытое прикосновение к своей щеке ладони Эрзола, но в нем не было тепла или манящей нежности, только колющая боль звонкой оплеухи.

И тут какая-то недобрая сила увлекла за собой Турунж. Она поднялась, подошла к Лизе и ухватила ее за волосы. Лиза закричала от неожиданности и страха. Крик женщины подействовал на израненную душу Турунж, как катализатор. Она набросилась на Лизу в бессильной ярости, словно совершала невероятно трудную, но полезную работу, которая должна была освежить ее уставшее тело, освободить душу от переполнявших ее боли и отчаяния.

Лиза вдруг вскрикнула и упала на пол, а Турунж увидела в своей руке клочок огненно-рыжих волос. Гнев вдруг выветрился из нее.

Турунж, опомнившись, как самоубийца, который вдруг в последний момент рвется к поверхности воды, чтобы глотнуть воздуха, опрометью бросилась к двери, прочь из этого дома, от этого чудовищного мира, который сделал из нее, мягкой, доброй и нежной Турунж Абрамовой, злобное чудовище.

Кажется, ни для кого в семействе Эрзола, даже для его детей, не осталась в тайне реакция Исаея на избивание Лизы. Гнев и ярость охватили его, когда он увидел, что опять сотворила бывшая жена Эрзола. Поступок Турунж обсуждали даже соседи Бабаевых. Все негодовали. Жажда отмщения заполонила самые дальние уголки сердца Исаея.

— Она сумасшедшая, — орал он. — Понимаешь?! Сумасшедшая! Я немедленно пишу заявление в милицию, и пусть ее арестуют.

— Успокойся. С Лизой ничего страшного не произошло, — отвечал Эрзол.

— Не произошло!? Она ее чуть не убила. Клок волос выдрала. У Лизы вся голова была в крови. Ты видел?

— Выдрала — новые вырастут.

— Я не понимаю, ты что, ее защищаешь? Значит, так, если она здесь появится, я ее точно убью. Убью — веришь мне, нет?

— Верю, — спокойно ответил Эрзол. — Ну и что толку? Тебя посадят, — нахмурился Эрзол. — Говорю: она не в себе. И милиция здесь ничем не поможет. Это просто не их дело.

— Не их дело... — продолжал бушевать Исай. — А чье? Она калечит людей. Кто за это ответит?

— Турунж тебе мстит, а не Лизе, — вставил Эрзол.

Исай пришел в неистовство. Он несколько раз обежал вокруг стола, за которым сидел его деверь.

— Ты что, хочешь сказать, что она мне одному мстит? Я один виноват в ваших семейных разборках?.. И потом она, что, может сюда являться и творить, что хочет?

— Да не будет она творить, что хочет! Уверю тебя. На нее управа тоже найдется.

— Какая? У кого? В сумасшедшем доме? Так пусть она там живет, — он вдруг замер, словно в голову ему пришла какая-то мысль. Потом он снова уселся на стул, и гнев его начал стихать. — Я сам на нее найду управу.

— Придумал что? — спросил Эрзол.

— Придумаю, раз вы не можете. — Он поднял указательный палец, словно приносил торжественную клятву, и пошел к себе домой.

Исай объявил войну Турунж. Ни о каком примирении не могло быть и речи.

XXX

Тем временем Аня нашла адвоката, который пообещал, что сможет устроить дело так, чтобы Турунж вернули право воспитывать детей.

Ознакомившись с ситуацией, он рассмеялся.

— Вас обвели вокруг пальца. В вашем случае нет никаких причин не доверять ей детей. Наказание за экономическое преступление не является основанием для лишения материнских прав. Надо только с умом взяться за это дело.

Он тут же начал оглашать длинный перечень писем, заявлений, справок, которые надо было собрать и предоставить суду. Сестры слушали его с недоумением. Аня иногда кивала на мудреные слова «юрисдикция», «опека над детьми по Гражданскому праву», «ле-ги-ти-ми-зация материнских прав» и так далее. Турунж просто смотрела на него, не понимая ни слова. Ей казалось, что человек, которого сестра привела к ним в дом, говорил на иностран-

ном языке. Когда он замолчал, она испуганно посмотрела на сестру. Мол, ну и что это значит?

Аня помолчала, собираясь с мыслями, потом подошла к ящику стола, достала оттуда пачку с сигаретами и закурила. И только после этого посмотрела на адвоката.

— Любезный Мурад Иванович. А можно было бы с вами договориться так?.. М-м... — она замялась, подыскивая слова. — Мы вам заплатим по преysкуранту, сколько вы там берете.

— Рубль — час. А там уж сколько таких часов наберется.

— Вот и хорошо. Хоть двести часов. А вы сами соберете все бумаги, которые требуются, и начнете это дело.

— Конечно, Анна Хезгиевна. Именно это я и хотел предложить. Если вам некогда и вы мне доверяете, я берусь устроить все дело в наилучшем виде.

— Будьте любезны, Мурад Иванович, — Аня страдальчески улыбнулась. — А мы уж вас не обидим.

— Не сомневаюсь. Не сомневаюсь, — промурлыкал адвокат.

На том и разошлись.

XXXI

Прошел месяц после ужасной истории с избиением Лизы. Турунж больше к Бабаевым не ездила. В кисловодском доме Эрзола воцарились мир и покой. Эллочка и Гена перестали капризничать и требовать рассказывать о Турунж. Мы со Славой тоже перестали обсуждать странную женщину, про которую Хаво все время твердила, что она сумасшедшая.

Хаво была натурой сложной и противоречивой. Доброта в ней загадочным образом уживалась с суровостью и даже черствостью к тем, кого она не любила. Возможно, потому что она считала любовь к людям высшим даром, ниспосылаемым только избранным. А тот, кто хоть раз сошел с пути, указанного Богом, был его не достоин. В чем заключается этот путь, никто, кроме Хаво, сказать не мог. Да и она ощущала его как интуитивное восприятие того, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Если она что-то

считала хорошим, оно таким и оставалось навсегда, если что-то ей не нравилось, такой вердикт тоже был непоколебим.

Это ее качество унаследовал и Эрзол. То, что он один раз посчитал «неправильным», оставалось таким для него на всю жизнь. Но эти качества ее натуры открылись нам много позже. В детстве мы замечаем совсем другие вещи.

Хаво вкладывала всю душу в свою стряпню, словно огонь, который она раздувала в печи, согревал и ее сердце тоже. Посмотришь на нее и поймешь, что умение готовить — это не просто сумма неких знаний, точность рецептуры, умение смешивать одно с другим в нужных пропорциях. Хаво знала, каким будет на вкус любой съедобный ингредиент еще до того, как он попадал на кухню. К примеру, она, глядя на два абсолютно одинаковых помидора, могла точно сказать, какой из них вкусный и спелый, а какой пресный и недозрелый. Она могла безошибочно определить, из какого яйца вылупится цыпленок, а какое останется бесплодным. И этой науке не обучали ни в одной школе.

Глядя на то, как Хаво управлялась на кухне с кипящими кастрюлями и шкворчащими сковородками, можно было подумать, что вы находитесь не на кухне, а присутствуете при исполнении древнего обряда, призванного умилостливать некое доброе божество. Хаво не готовила — она священнодействовала.

Она интуитивно угадывала, какое блюдо сделает мужчину смелым, какая специя разрумянит женские щеки, какая сладость особенно понравится ребенку. У нее был свой перечень неповторимых блюд, которые я помню до сих пор. И даже если бы она сама записала бы рецепт и рассказала, что, в какой момент и сколько надо добавлять, смешивать, жарить, парить и варить, — будьте уверены, вам никогда не суждено было бы повторить ее шедевр.

Кухня была ее царством. Хаво получала удовольствие, готовя еду. И, хотя уставала, никогда не подавала виду, что ей что-то не по силам. Достаточно было отцу сообщить, что у нас будут гости, как в ней сразу просыпался вулкан. Кухня оживала, огонь яростно трещал, масло шипело, а тесто подходило так быстро, словно его надували изнутри. И через полчаса стол уже ломился от яств. Аромат, который разносился по всему дому, говорил нам о том, что вскоре пожалеет отец с друзьями.

За исключением некоторой мнительности и уверенности, что никто, кроме нее, с домашними делами справиться не сможет, она была идеальной бабушкой и мамой.

Так складывались отношения в семье.

За готовностью Хаво прощать сыну любые грехи скрывалось глубокое чувство любви, которое она всё выплескивала на сына, да никак не могла выплеснуть. Свою неизрасходованную нежность она дарила детям, почти целиком отдавая ее нам, старшим внукам. Эллочке и Гене доставалось только материальное благополучие семьи Бабаевых. Они ни в чем не знали нужды. Единственное, чего им не хватало, — простого человеческого тепла.

Возможно, причина заключалась в том, что мои младшие брат и сестра родились в то время, когда отношения матери и отца уже дали глубокую трещину. Хаво сразу почувствовала, чем это закончится. Соответственно, известие о скором появлении Гены, а потом и Элочки она встретила без особой радости.

XXXII

Казалось, после обнадеживающего обещания адвоката, что Турунж могла получить право опеки над собственными детьми, ее тоска и горе ослабят хватку. Но не тут-то было. На самом дне ее истерзанного сердца оставалась ноющая боль, которая требовала выхода. Напрасно Аня настаивала, чтобы сестра прекратила тайные поездки в Кисловодск, объясняла, что следовало дожидаться суда.

Турунж легче было умереть, чем отказаться от встреч с детьми. В своих снах она постоянно видела, как шла по улице и навстречу бежали ее дети. Она бросалась к ним, обнимала, целовала, а они радостно кричали: «Мама».

Иногда Турунж заглушала тоску изнуряющей до одури работой. Но, даже устав до полусмерти, она до физической боли ощущала отсутствие возможности прикоснуться к теплым детским головенкам, их ручкам, тельцам. И воля, и здравый смысл вдруг пасовали перед этим все-

побеждающим желанием. Все разумные доводы, которые приводила сестра Аня, сразу теряли силу.

Недели через две после того, как их адвокат подал иск в Пятигорский суд, Турунж тайком отправилась в Кисловодск. Ехала и думала, что Аня опять устроит ей взбучку. Только-только пообещала, что с этими поездками покончено, и вот опять...

Погода стояла удивительная. Солнце сияло, птицы пели, словно подавая Турунж обнадеживающий знак. С вокзала она направилась на улицу Катыхина.

Несмотря на происшествие с Лизой, Турунж решила не прятаться от Бабаевых, а прийти к ним в дом и увидеть хоть кого-то из детей.

Потянула калитку на себя. Заперто. Она замерла, не зная, что в этой ситуации предпринять. Вдруг ей показалось, что за забором во дворе мелькнула чья-то фигура. Как будто детская. Может быть, Гена или Слава... Турунж посильней дернула калитку. В палец вонзилась заноза, как будто кто-то предупреждал: «Уходи, уходи отсюда».

Она упрямо сжала губы и затрясла калитку сильнее.

— Эй! — позвала она.

Никто не отозвался. Турунж приподнялась на цыпочках, пробуя хоть кого-нибудь разглядеть.

— Славик! — позвала она. — Дети!

Тишина.

За ее спиной остановилась какая-то женщина. Турунж почувствовала ее пристальный взгляд, оглянулась, смутилась.

— Вы что, к Бабаевым приехали? — спросила прохожая.

— Да, к Бабаевым, — с вызовом ответила Турунж.

— Я соседка их. Кажется, никого нет дома.

Турунж на эти слова не прореагировала. Через минуту она услышала, как громко стукнула калитка в соседнем

доме, и все стихло. В голову полезли всякие мысли. Если дверь была заперта, значит, детей от нее прятали. Прав таких не имеют от матери детей скрывать!

Турунж затрясла калитку сильнее, но та не поддавалась. В растерянности она начала ходить вдоль забора. Соседка... Она должна знать. Турунж ринулась к ней в дом. Та встретила гостью настороженно.

— Почему мне не открывают! — накинулась Турунж на женщину.

Соседка оторопела.

— Я же говорю, ушли куда-то. Вы не волнуйтесь, мало ли... Меня Тоня зовут, посидите у меня, подождите...

Но Турунж не собиралась успокаиваться.

— Куда они могли уйти? Они же дети!

Женщина пожала плечами.

— Не хотите подождать, тогда еще раз попробуйте, — произнесла она с непонятной Турунж издевкой.

Турунж выбежала на улицу. Начала опять трясти калитку. Потом стала звать:

— Гена, Игорь!

Ее крики становились все громче. Вскоре уже не только соседка Тоня, но и жители других домов стали поглядывать в окна на расшумевшуюся.

И вдруг Турунж поняла, что вокруг нее стояла необъяснимая тишина. Она слышала, как скрипели ставни соседских домов, словно весь квартал превратился в одно огромное ухо, жадно вбиравшее в себя ее боль. И тут же Турунж услышала за своей спиной шорох шин по гравию. Прямо напротив дома резко затормозила машина.

— Гражданочка, — произнес за ее спиной чей-то хриплый голос, — вы чего тут шумите?

Турунж ничего отвечать не стала. Мало ли кто шатался по улицам? Замерла у калитки, пережидая, пока мужи-

ки отвалят. Но те не уходили. Турунж обернулась. Перед ней стояли люди в длинных серых халатах. В точно таких же халатах ходили санитары в тюремной больнице. Особняком держался третий — видно, главный: пожилой мужчина в очках.

— Вы чего тут шумите? К кому направляетесь? — еще раз обратился он к Турунж.

— В дом я иду, — угрюмо отрезала она.

— Это ваш дом?

— Был бы мой, так я б не стучала, а своим ключом дверь открыла!

Мужчина рассмеялся, сверкая очками.

— Так зачем же вы стучите? Может быть, люди отдыхают.

— Там мои дети, — чувствуя подвох, ответила Турунж. Ей стало не по себе.

Мужчина в очках понимающе кивнул.

— Вы не волнуйтесь только. Вас как зовут?

— Никак. Что вам от меня надо?

— А вот волноваться не надо, волноваться вредно, — вступил в беседу еще один в сером.

— Дети у меня там, — повторила Турунж, указывая на дом Бабаевых. — Я к ним пришла. Мать я им, — наверное, в этот момент она была похожа на беспомощную маленькую девочку. — Ну оставьте, оставьте меня, — почти запричитала она. — Я к детям приехала. Не верите? Меня здесь все знают. Я Бабаева... Турунж... Вот мой паспорт. Смотрите! — она стала протягивать доктору паспорт. Потом указала рукой на забор. — А там мои дети — тоже Бабаевы.

— Нервишки-то у вас расшатаны. Вам подлечиться надо. У нас полежать.

— Нигде мне лежать не надо. — Слезы на лице Турунж сразу высохли. Она смертельно испугалась этих людей.

Доктор в очках кивнул своим подручным. Санитары уловили намек и разошлись, точно хищники, собирающиеся напасть на жертву. Потом один подмигнул Турунж, крикнул:

— Смотри сюда!

Та посмотрела в его сторону. И в этот момент второй крепко схватил за обе кисти.

— Спокойно! Поедешь с нами, — просипел он ей на ухо.

— Ай, люди, убивают! — закричала Турунж что было силы.

Но никто не отозвался на ее крик. Никто не пришел на помощь.

— Что же это такое делается? Я же к детям приехала, зачем вы так со мной! — простонала она и начала вырываться из рук санитаров.

— Шприц! Скорее шприц! — доктор оставался хладнокровным.

Один из санитаров помчался к машине, схватил с сиденья чемоданчик. Доктор привычным движением раскрыл его, вытащил уже наполненный лекарством шприц и прямо через одежду всадил в бедро Турунж.

Она почувствовала укол. Несильный. Не обращая внимания, закричала еще громче, чувствуя, что еще одно небольшое усилие, и она освободится. И тут все поплыло перед глазами. Как будто каменная гора придавила. Руки и ноги начали неметь. Она хотела ими пошевелить и не смогла. Хотела крикнуть, но из горла вырвался только сип. И тут же эта каменная глыба потащила ее вниз. Она чувствовала, что проваливается в спасительную и теплую темень, где уже была раньше. И с самого дна той темноты до нее доносились голоса ее детей, которые напевали колыбельную: «Как скакал джигит на коне...».

Очнулась Турунж в больнице. То, что она находилась именно в лечебнице, она определила по знакомой боли в теле, от которой нельзя было и пошевелиться.

Не разлепляя век, — этой хитрости ее научили на зоне, — она попробовала понять, где находилась. Последнее, что помнила, — это лица детей. Она рвалась к ним и получила удар в спину, после которого — темнота.

Но где это было? Когда?

Перед глазами всплыла зеленая калитка, которую она трясла. И память сразу пронзило молнией: дом Эрзола, карета скорой помощи...

Турунж открыла глаза. Увидела больничные стены, тусклую лампочку на потолке, зарешеченные окна и сразу все поняла.

Она была в психушке. Дернула рукой — привязана. Попробовала пошевелить другой — то же самое.

Турунж набрала в грудь воздуха и отчаянно заголосила.

В палату тут же вбежал старичок. Врач. С ним два санитары, которых Турунж уже видела.

Старичок уселся на краешек кровати.

— Бабаева?

Женщина слабо кивнула.

— Как вас звать?

— Турунж.

— Турунж, — повторил доктор. — Ну что же вы так кричите? Здесь же еще люди, кроме вас, лежат. — Старичок говорил с ней ласково, как с маленькой. — Ну, покричали и будет. Ничего плохого мы вам не сделаем. Только немножко подлечим. Хорошо?

Турунж моргнула. Из уголков глаз покатались слезы.

— Я нормальная. Я к детям приехала. А она психушку вызвала.

— Да вы не нервничайте, — опять принялся успокаивать ее доктор. — И насчет детей не волнуйтесь, с ними

все в порядке. Подлечитесь и встретитесь, а пока зачем их пугать. Они же еще маленькие, да?

Турунж ничего не ответила. Слова доктора показались ей лживыми. Говорил с ней, точно с дурочкой.

— Полежите у нас недельку-другую и поедете к себе домой, — закончил доктор.

— Мне домой надо. Мне к детям надо, — тоскливо пробормотала женщина.

Доктор покачал головой. Гнев и ярость проснулись в душе Турунж.

— Врешь ты все, врешь — кричала она, пытаясь вырваться! — А-а! Пустите меня. Пустите меня к моим детям!

— Ну вот, теперь меры принимать точно придется, — обескуражено произнес доктор и обратился к подошедшей сестре. — Галина Сергеевна! Дайте больной один галоперидольчик, и хватит на сегодня. Пускай поспит.

Он машинально поправил одеяло на кровати Турунж, встал и, не прощаясь, вышел.

Так начался второй больничный срок нашей матери.

— Только себе хуже делаешь, — говорила ей медсестра, поглаживая по руке. — Ведь не выпустят тебя отсюда, пока так вести себя будешь, не выпустят! Понимаешь?

Турунж согласно кивала.

Довольно скоро она поняла, что ее единственный путь вырваться — притвориться спокойной.

Тянулись серые больничные будни в новом заточении. Как всегда, когда отчаяние переполняло душу, Турунж начинала плакать и становилась безучастной ко всему.

Она не знала, что Аня подняла на ноги весь Кисловск, дозвонилась до Нахамье Бабаева и узнала от него страшную новость, что сестру забрала психиатрическая неотложка. Это было именно то, чего Аня боялась. Все-таки Турунж сорвалась. Аня не знала, что именно слу-

чилось, не знала всех обстоятельств водворения сестры в больницу. Ане просто было бесконечно больно за младшую сестру. Ох, горюшко-горе.

XXXIII

Однажды, когда Эрзол, утром собирался на работу, в комнату к нему вошла Хаво с конвертом в руках.

— Тебе письмо. Почтальонша принесла.

— Что за письмо? — спросил сын.

— Письмо, как письмо! — ответила Хаво. — Я откуда знаю.

— Давай сюда, прочитаем, — весело сказал Эрзол и вскрыл конверт.

На гербовом бланке с шапкой «Городской суд г. Пятигорска» сообщалось, что гражданка Бабаева обратилась с иском о возвращении ей материнских прав над детьми, рожденными в браке с Эрзолом Бабаевым.

Он два раза перечитал казенную бумагу. Крикнул гостившую у Бабаевых Милу, чтобы она сбегала в дом к Исаю и срочно позвала его.

Хаво, услышав об Исае, тут же насторожилась. Сердце матери подсказало ей: письмо на гербовой бумаге как-то связано с Турунж.

— Она будет судиться с нами! — Эрзол сел на стул. — Хочет забрать детей к себе. Будет сама воспитывать.

— Что? Наших детей? Когда она их хочет забрать? Она же прав лишена. Разве таким можно воспитывать детей?

Эрзол пожал плечами. Он не знал, что сказать матери.

— Да они ее боятся как огня!

— Мама, я все понимаю. Давай все обсудим спокойно. Не паникуй.

— Я не паникую. Я удивляюсь, почему ты такой спокойный, — возразила Хаво горестно.

— Я просто думаю, что делать.

В этот момент в дверь постучали, и в комнату вошел Исай. В уголке его губ прилипла хлебная крошка. Вероятно, Мила вытащила его из-за стола.

— Что случилось?

— Напасть! — крикнула Хаво. — От этой...

— Мама, — поморщился Эрзол. — Не преувеличивай. Прочитай письмо, — он протянул конверт Исаю.

Тот обратил внимание, каким уставшим выглядел Эрзол. На скулах его пламенел яркий румянец. Исай аккуратно, будто обезвреживающий бомбу сапер, достал письмо на бланке и дважды прочитал про себя, смешно шевеля губами.

— И как это понимать? — спросил он, кладя письмо на стол. — Турунж хочет забрать детей себе? Воспитывать их?

— Вот именно, — ответила Хаво.

В глазах Исае заплескали яростные огоньки.

Да, дни, прошедшие с избиения Лизы, не охладили его ненависти к Турунж. Наконец-то она объявила войну. Позарилась на самое святое для Хаво — на ее внуков.

Возможно, он рассуждал о другом, но злые огоньки в его глазах свидетельствовали о том, что Исай ничего не забыл.

— А какие у нее шансы? — спросил он громко.

— Как у матери детей — большие, — спокойно ответил Эрзол, но было видно, что это равнодушие давалось ему с трудом. — Если она докажет, что может обеспечить своих детей всем необходимым, их ей вернут. Я уже консультировался.

— Докажет? — переспросил Исай.

В этот момент в комнату вошел Нахамьё. Он тепло всем улыбнулся.

— Что случилось?

Исай поздоровался с ним, а Хаво бросила сердитый взгляд на беспечного мужа. Душу ее всегда снедали подозрения, что Нахамьё тайно симпатизировал Абрамовым. В двух словах Хаво ввела Нахамьё в курс дела.

— Она сделала большое дело, — зловеще ухмыляясь, воскликнул Исай. — Догадалась обратиться к адвокату.

— Это не она. Это Анька Щербатова, — возразила Хаво. — Разве эта безумная смогла бы так все грамотно устроить? — добавила она, сердито глядя на Нахамьё.

— Мама, совершенно не важно, кто это придумал, — поморщившись, возразил Эрзол. — Важно, что теперь мы будем делать.

— Как что делать? Кто ей отдаст детей? — Хаво всплеснула руками.

— Как кто? — усмехнулся Эрзол. — По советским законам именно мать имеет большее право на воспитание детей, чем отец. Это все понимают.

— Но она не может этого делать! — возразила Хаво.

— А кто это знает, что она не может? — словно сомневаясь, заметил Эрзол. — У нее на лбу не написано, что она больная.

На этих словах Исай насторожился.

— А что если будет написано, что больная?! Тогда детей ей не отдадут? — спросил он вдруг, и в его глазах опять заплясали недобрые огоньки.

— Конечно, не отдадут, — ответил Эрзол.

Исай возбужденно прошелся по комнате, затем обернулся к другу. Тот задумчиво посмотрел на Исая. Так смотрят друг на друга два футболиста, задумавшие передать тайком пас.

— Пожалуй, не отдадут, — подтвердил Эрзол.

Лицо Исая приняло бесстрастное выражение, какое бывает у игроков в покер, когда они вдруг понимают, что у них есть шанс отыграться.

— А когда суд? — спросил он, сделав вид, что не заметил немой вопрос в глазах друга.

Эрзол взял в руки бумагу, еще раз прочитал.

— Через месяц.

Исай сосредоточенно о чем-то думал.

— Ну ладно, поживем — увидим. В конце концов надо посоветоваться с адвокатом, — заключил он, прищурившись и глядя куда-то вдаль.

Друзья еще некоторое время поговорили о том о сем и разошлись.

Только через два месяца после насильственной госпитализации Турунж выписали из больницы. Забирала ее домой сестра Роза. Специально приехала, помогла собраться.

Турунж снова оказалась в родной Махачкале. Вернулась на прежнюю работу — формовщицей в литейном цеху. И снова считала дни. Теперь ее сердце жило надеждой на суд.

Не раз и не два она заходила к Ане, спрашивала, есть ли новости... Та качала головой и разводила руками. Но вот однажды сестра сама ее встретила в конце смены

у проходной завода и радостно сообщила, что на следующей неделе состоится заседание.

Дело должно было слушаться в Пятигорске. Об этом Ане пришло извещение.

Турунж попросила повторить обнадеживающую новость, не поверила, а потом всплакнула. И эта печаль ее была светла. Домой к Мельке и Хезгий не шла, а летела. И с порога все рассказала матери.

На следующий день поделилась известием на работе: скоро, совсем скоро с ней будут дети. Женщины ахали, качали головами — многие хотя и трудились рука об руку, не знали до того момента о горе Турунж. Все желали ей выиграть дело. Турунж слушала их, и на душе ее становилось легко.

— Суд все сделает! Суд правду знает! Не может мать без детей. Никак не может! — твердила она, заступая на смену, привычно принимаясь за тяжелую работу, на которую ее обрекла судьба.

Солнце вызолотило стену старого, казенного вида, здания суда. Турунж пришла вместе с Аней — та не решилась отпустить сестру одну.

В суд входили какие-то люди: все больше сердитые мужчины. Со слов адвоката она знала, что вести заседание будет женщина. Аня говорила, что это хорошо. Турунж, вглядываясь в незнакомые женские лица, пыталась отгадать, от которой из них зависела судьба ее детей.

Без пяти одиннадцать они с Аней вошли в зал. Людей там было немного. Турунж как истица заняла место по левую руку от судьи. Ее вдруг опять охватила привычная тоска. Она собрала последние силы, чтобы выглядеть спокойной, и вдруг что-то нарушилось в ее простом плане, тревожащие воспоминания нахлынули на нее, грозя лавиной затопить сознание. Аня внушила Турунж, что все за-

кончится хорошо, и теперь она сидела здесь, живя только этой надеждой. Но она боялась увидеть своих детей. Боялась увидеть страх в их глазах.

Впрочем, ребятишек в зале не было. Турунж это сразу поняла.

— Не знаю, готова ли я к встрече с ними, — шепнула она Ане.

— Перестань! — отдернула Аня. — Главное, держись уверенно. Что я тебе говорила? Правда на твоей стороне.

Она поправила на сестре воротничок. Турунж выглядела очень хорошо.

— Ты должна произвести благоприятное впечатление, — наставляла ее Аня накануне.

Турунж согласно кивала. Она знала: все в этот раз зависело от ее здравомыслия и умения держать себя в руках. Так ее уверяли Аня и адвокат.

В зале появился Эрзол. Турунж передернуло. И как это ему все время удается — в любой ситуации выглядеть, как победитель.

Эрзол на Турунж не посмотрел. Сел рядом со своим адвокатом, грузным мужчиной, очень нервным. Он постоянно что-то шептал клиенту на ухо. Эрзол каждый раз молча кивал. Весь его облик говорил о том, что он уверен в своих силах и своей правоте.

Заседание началось с выхода судьи. Как и говорила Аня, это была милая женщина лет сорока. Турунж сразу прониклась к ней расположением. Все «встали — сели», и процесс начался.

Формальное заявление со стороны истца — плод трехчасового адвокатского труда — зачитывала сама судья. В смысл слов Турунж особо не вникала. Все это было для нее мудрено. «Исковое заявление», «приоритетные права» — тарабарщина, тогда как на самом деле все просто. Дети должны жить с матерью.

Словно угадывая мысли Турунж, судья с сочувствием посмотрела на нее. Затем она сообщила, что стороны: и отец, и мать — имеют равное право на то, чтобы дети жили с ними.

На этих словах Турунж напряглась.

— Однако, когда у отца нет особых оснований для того, чтобы дети находились обязательно с ним, то детей предпочтительно отдавать матери. Это мировая практика — слово «мировая» судья произнесла с нажимом.

Адвокат Эрзола задергался на своем стуле.

— Также суд принимает во внимание и желание детей, если они таковое могут выразить, с кем бы те хотели проживать, — закончила судья.

Наступил черед говорить Турунж. Она поднялась со своего места, и все тут же уставились на нее.

Собравшиеся в зале с интересом сравнивали жену и мужа, перешептываясь между собой: мол, чья возьмет.

Турунж стало неловко и страшно, словно под их взглядами она уменьшилась в размерах. Простые слова показались ей отлитыми из чугуна. Во рту пересохло.

Говорила она просто, с тайной надеждой, что судья поймет ее горе. Горе матери, которая осталась без детей. Что может быть страшнее?

Турунж говорила, что пострадала из-за того, что сделали с ней Бабаевы. Да, она провинилась перед законом, но все это она совершила не от легкой жизни, а оттого что в самый тяжелый момент с ней сотворили такое, на что не всякий враг отважился бы сделать со своим противником. После тюрьмы она вышла на свободу, устроилась на работу. Вот справка. Трудилась она хорошо и получала достаточно, чтобы прокормить детей. Что касалось ее здоровья, да, был срыв. Ее довели до отчаяния. Но сейчас она абсолютно здорова.

— Здорова несмотря ни на что. Несмотря на все то, что сделали со мной Бабаевы, отняв детей. Я прошу суд только об одном. Я хочу забрать детей.

Турунж замолчала.

Зал загудел...

Судья сердито посмотрела на «сочувствующих», но стучать молотком не стала. Что-то мелькнуло в ее глазах, будто она по-женски поняла горе Турунж и захотела ей помочь.

— Вы все сказали, товарищ Бабаева?

Она сделала акцент на слове «товарищ», и Турунж показалось, что судья задала вопрос с сочувствием.

— Да, — с трудом произнесла она.

— Можете садиться.

— Ты молодец, у нас все получилось, — шепнула ей сияющая Аня.

Турунж сидела, словно глухая, еще не веря своему счастью. Решалась ее судьба.

В этот момент адвокат Эрзола встал со своего места и попросил слово.

— Можно маленькое уточнение?!

— Что такое?

Адвокат попросил разрешение зачитать официальное медицинское заключение. Судья кивнула. Зал замер. Это было заключение психиатров о том, что Турунж Бабаева больна и не может иметь детей на иждивении, равно как и воспитывать их.

Адвокат передал справку судье. Та нахмурилась, и лицо ее на мгновение стало озадаченным.

Турунж слушала слова адвоката Эрзола молча. Что-либо видеть она перестала, лишь слышала монотонный мужской голос.

Судья велела вызвать детей Турунж. Они появились. Чистые, опрятные, одетые, словно на праздник. И очень

испуганные. Судья, уловив их состояние, обратилась к каждому только с одним коротким вопросом: «С кем вы хотите остаться?» Дети, как под диктовку, отвечали: «С отцом и мамой Хаво». И так четыре раза. Вплоть до маленькой Элочки.

Это был крах.

В зале поднялся шум. Судья призвала всех к порядку. Ее помощница объявила, что суд удаляется на совещание. Отсутствовала она недолго. Сурово поджав губы, зачитала постановление: «Оставить детей с отцом Эрзолом Бабаевым».

Только тогда Турунж не сдержалась, зарыдала в голос. Судья закончила чтение и посмотрела на нее.

— Гражданка Бабаева...

Плечи Турунж тряслись.

— Турунж, — повторила судья как можно мягче. — Я прошу вас, успокойтесь. Хочу вас заверить, что по советскому законодательству вы имеете право снова обратиться в гражданский суд с апелляцией по данному вопросу через определенный законом срок. Вы еще вполне можете восстановить здоровье и вернуть своих детей. Но на это вам требуется время.

Судья ударила молотком по столу.

Заседание завершилось.

Все начали расходиться. В зале осталась сидеть только Турунж. Она была не в силах подняться, словно понимая, что случилось непоправимое.

Так закончилась очередная глава жизни Турунж. Она потеряла своих детей окончательно.

XXXIV

Эрзол рассказывал нам о мироустройстве, приводя примеры из своей богатой на события жизни. Не все из этих примеров были положительными с общепринятой точки зрения, но его это не очень заботило. Он как будто делился с нами, детьми, тяжестью ноши, которую нес сам. Он не скрывал от нас почти ничего, разумеется, кроме размера состояния, которым обладал. И надо сказать, мы впитывали это знание, как губки.

Отец казался нам глыбой, скалой, которой немислимо было кому-то протiwостоять. Возможно, именно за это качество мы и любили его, какой бы иногда мучительной эта любовь ни была. Подсознательно мы перенимали жизненные принципы Эрзола. Под их воздействием формировался наш характер. В нашем народе на генетическом уровне заложено почитание главы семейства. Эта заповедь веками передавалась горскими татами от отца к сыну, от деда —

внуку. Она служила охранной грамотой моему роду, его способом выжить и сохранить свою самобытность.

Как бы ни складывались наши судьбы в дальнейшем, как бы далеко ни разводила нас жизнь, мы понимали, что связаны с отцом нерушимым кодексом горских татов. И мы все время искали способ доказать отцу, что каждый из нас — лучший, достоин его похвалы.

Эрзол считал свое отцовское чувство испорченным не любовью к нашей матери. Но, по прошествии лет, думаю, что-то другое жгло его изнутри. Причину этого беспокойства он ни объяснить нам, ни осмыслить не стремился.

Эрзол никогда ни с кем не заговаривал о Турунж. Он просто не обсуждал эту тему. Он постарался вычеркнуть ее из памяти. Урон, который наносила такая позиция отца нашим душам, не принимался в расчет. Но вне сомнений, такое положение вещей не могло не сказаться на наших судьбах и характерах.

Мы особых хлопот отцу не доставляли, за исключением Гены. Тот плохо учился. Эрзол не хотел признать, что плохая успеваемость сына стала следствием того непонимания, которое все ширилось между ними. Гена был единственным среди нас, кто испытывал к Турунж искреннюю привязанность, о которой отец, естественно, не мог не догадываться. Поведение третьего сына выглядело в глазах Эрзола укором, молчаливым напоминанием ему о том, что он совершил. И это выливалось в противостояние все-сильного отца и маленького мальчика, который не хотел уступать своих позиций.

С нами, старшими сыновьями, дела обстояли не так. Постепенно слова о том, что Турунж сумасшедшая и ее стоило опасаться, сделали свое дело. От цельного образа матери у нас остались только смутные воспоминания. Ни любви, ни жалости к ней мы не испытывали. Да и возраст приближался к подростковому, когда связь с родителями

начинает ослабевать даже у детей из семей, в которых отец и мать живут в любви и согласии.

Настоящей матерью для нас со Славой была только Хаво.

XXXV

То, что случилось с тетей Лизой, не прошло мимо нашего внимания. Мы не могли ни понять, ни объяснить, почему Турунж так поступила с нашей любимой тетей Лизой. Сколько мы себя помнили, она всегда была рядом с нами. Играла, помогала разобраться с домашними заданиями в школе, решать трудные задачи по математике, объясняла, что значат странные русские причастия и деепричастия, которых в татском языке не было. Мы относились к ней с обожанием и восторгом. И вдруг ее избили... И кто? Женщина, которая называла себя нашей матерью. Может быть, права Хаво, и Турунж в самом деле была сумасшедшей?

Эта трактовка событий «уберегла» нас, старших братьев, от того, чтобы мы испытывали добрые чувства к Турунж. Я бы очень хотел забыть, как под впечатлением рассказов взрослых о нашей матери мы шарахались от нее, пытались отогнать от себя. Ничего горше этих воспомина-

ний и вообразить нельзя. Но такова реальность, и с этим ничего поделать нельзя.

Но вот что примечательно, если мы, Слава и я, опасались Турунж, то Гена, по мере того как вырослел, стремился к матери все сильнее. Возможно, причиной такой тяги были непростые отношения с отцом. Чем нерадивее становился Гена в учебе, чем больше получал нагоняев от отца, тем сильнее мальчику хотелось находиться рядом с матерью, которая, в его представлении, была доброй, ласковой и могла уберечь от наказания.

В третьем классе он в очередной раз нахватал «двоек». Мысли о неизбежном наказании, грядущей порке, пугали его. Гена бродил по городу, все больше накручивая себя. Кисловодск он знал как свои пять пальцев. Он шел, пока не уперся в стену легочного санатория. Взобрался на дерево рядом, оттуда перебрался на нагретую солнцем крышу главного здания. И, почувствовав себя в безопасности, задремал.

Наступил вечер. Вся семья собралась на ужин. Не было только Гены.

Хаво подождала еще какое-то время... Расспросила старших внуков и даже Эллочку. Никто ничего не знал. Тогда Хаво разыскала Эрзола и рассказала, что случилось. Тот даже на секунду не допускал мысли, что с его детьми могла приключиться неприятность. Но волнение матери передалось и ему.

Эрзол взял Славу и пошел с ним искать Гену по улицам. Сумерки окутали город. За полквартала ничего не было видно. Отец всю дорогу хмурился и нервно покусывал травинку. Вернувшись домой, прошел на кухню к Хаво, о чем-то долго говорил, успокаивал, а потом велел всем ложиться спать.

— Никуда не денется, найдется, — произнес он, словно заклинание, и его брови гневно сошлись на переносице.

Возможно, он чувствовал больше, чем хотел выразить в словах. Рано утром вся семья, как обычно, поднялась: дети — в школу, Хаво — к плите, Эрзол — на работу. Только в Дом быта он не пошел, а отправился следом за детьми. У школьных ворот остановился и стал ждать в укромном месте. Обзор оттуда открывался на все дороги, которые вели к учебному заведению. Минут через десять-пятнадцать в школу потянулись дети, кто группками по два-три человека, кто поодиночке.

Вдруг Эрзол напрягся, словно хищник, — прямо перед ним, небрежно помахивая портфелем, возник Гена. Эрзол схватил сына за воротник. И тут же отвесил ему подзатыльник.

— Ты где прятался, негодник?! Отвечай!

Гена молчал, словно набрав в рот воды.

Тот случай последствий для мальчика не имел.

Он продолжал учиться без энтузиазма, принося в портфеле урожай «двоек» и «троек», отец продолжал изгонять нерадивость сына ремнем и бранью.

Однажды, после очередной порки, выждав, когда отец уйдет на работу, мальчик полез в свой тайник, где хранил накопленные деньги, выгреб все из копилки, побежал к бабушке, «стрельнул» у него на мороженое и махнул на вокзал. Он купил билет до Махачкалы, сел в поезд и поехал.

Какими-то невероятными путями он нашел нужную улицу. Номера дома он не знал, но, как говорится, язык до Киева доведет. Махачкала — город небольшой, а уж в округе все друг друга знают. Спросил у одного, у другого, где найти Турунж Абрамову. Ему указали.

Дверь мальчику открыла пожилая женщина. Гена смутился.

— Тебе кого? — спросила Мельке, подслеповато щурясь.

— Я Гена, — ответил юный гость.

— Какой Гена? — не поняла Мельке.

— Моя мама — Турунж.

Губы Мельке задрожали. Она всплеснула руками.

— Турунж, бог мой! Беги сюда скорей, — крикнула она.

Турунж выскочила. Увидела сына на пороге и замерла.

— Сынок?! — удивленно произнесла она.

Мальчик кивнул, не понимая, что ему делать дальше. Турунж побежала к нему. Крепко обняла. Вдруг спохватилась.

— Ты с кем из взрослых приехал? С отцом?

— Нет, — ответил Гена, и по лицу его пробежала тень страха. — Я один!

— Как один?

— Ну, один... к тебе приехал. Насовсем. Я жить у тебя буду.

Мать и бабушка недоверчиво посмотрели друг на друга.

— Ты что, из дома сбежал?

Гена понуро кивнул.

Женщины в один голос ахнули.

— Да ты что?! А деньги откуда? — спросила Мельке.

— Дедушка дал, и копилку свою разбил.

— Ох ты, — всплеснула руками Мельке.

Страх и смятение промелькнули в глазах ее дочери. Но Турунж быстро взяла себя в руки. Для страха здесь места не оставалось. Это просто чудо, что ее сын стоял перед ней.

Гена во все глаза глядел на мать. Смущение и радость читались на его лице. Во-первых, та, о которой он столько думал, оказалась совсем не такой, какой он ее запомнил: она как будто стала меньше ростом и старше! Но вот ее серые глаза — глаза матери — он вспомнил сразу, они излучали дивный свет.

С таким же изумлением на сына смотрела мать. Гена подросток. Большие черные глаза. Порванная на локте рубашка. Из расстегнутого ворота выступала шея — тонкая, как у цыпленка. И такая же застенчивая улыбка, как у всех в их роду.

— Настоящий Абрамов, — произнесла она, оборачиваясь к матери. — Правда?

— Пойдем деда звать! — всполошилась Мельке.

Она приобняла Гену и повела вглубь дома, к Хезгий. Мальчик, радостно улыбаясь, послушно шел за бабушкой. О дедушке Хезгий он только слышал, но еще ни разу его не видел.

Дед к тому времени почти совсем ослеп и еще сильнее похудел. Но во всем остальном оставался таким же, каким и был.

Когда Мельке сказала, кого она привела, Хезгий не поверил ушам. Подозвал мальчика к себе, ухватил за руку, провел по лицу ладонью, как бы пытаясь восполнить то, чего не могли показать его больные глаза, и замер.

Молчание прервал сам Гена. Он устал стоять и дернулся, пытаясь прервать затянувшуюся и непонятную ему церемонию встречи. Старик вздрогнул, заулыбался и принялся расспрашивать мальчика, каким чудесным образом тот оказался в Махачкале.

Гена повторил историю своего побега. Прибавил новые детали и закончил признанием, что хочет есть. Женщины тут же засуетились на кухне.

Через считанные минуты мальчик сидел во главе стола перед полной тарелкой каши и уплетал за обе щеки, заново рассказывая все свои приключения.

— У меня дважды проверяли билет, — повторил он. — И тоже спрашивали, почему я один. Я сказал, что еду к маме и ты встретишь меня на вокзале.

— Молодец, умный мальчик, — кивала Турунж.

— Но отец знает, у кого ты остановишься? — спросила Мельке. Потом сама же перебила себя. — Ну да, как же... Ты же сбежал.

Гена испуганно посмотрел на бабушку. Та переглянулась с дочерью и лица у них стали серьезными.

— Нехорошо, — прошептала Мельке.

— Образуется. Не волнуйся, все образуется, — поспешила успокоить ее Турунж.

Мальчик отставил от себя тарелку и, отдуваясь, посмотрел на взрослых. Взгляд его выражал полное довольство. А глаза стали сонными, с поволокой.

— Устал? — улыбнувшись, спросила Турунж.

Гена молча кивнул. Сил после всех приключений у него не оставалось.

— Ну пойдем, я тебя спать уложу.

Турунж попробовала поднять сына и тут же опустила на пол.

— Ух ты, какой тяжелый стал. Прямо богатырь...

Она повела Гену в спальню, где он моментально уснул. Турунж сидела у его кровати, глядя на спящего ребенка, и не верила своему счастью. Вот он, ее кровиночка, такой любимый, родной... К горлу подступил ком. Она всегда это знала: дети ее не забудут, никогда не отвернутся от нее. В уголках глаз опять закипела предательская влага, но Турунж взяла себя в руки, нежно поцеловала сына в лоб и пошла к матери.

— Мама, Всемогуший помогает нам! — воскликнула Турунж, садясь у стола.

— Ох, не говори так! Как бы Он от нас не отвернулся.

— Ничего плохого не случится, — возразила Турунж.

Мельке замотала головой.

— Не скажи, не скажи... Что мы будем с ним делать? Надо же сообщить Эрзолу.

Турунж испуганно схватила Мельке за рукав.

— Подожди. Дай хотя бы один день с ним побыть, а там решим, что делать.

На следующее утро Турунж подняла Гену ни свет ни заря. Заставила умыться, положила перед ним выстиранную и выглаженную одежду. Мальчик удивленно посмотрел на маму.

— Мы куда-то идем?

— Да, давай одевайся. Скорее.

— Куда?

— Потом скажу, ты одевайся.

Турунж присела перед сыном и помогла ему натянуть штанишки. Причесала ребенка. Подвела к зеркалу, что висело над столом. Смотрела молча, долго, что-то примеряя в уме, о чем-то раздумывая. Затем села и устроила мальчика у себе на коленях. Потом велела встать и снова пытливо посмотрела на отражение в зеркале.

— Мама, ты чего? — удивленно спросил Гена.

— Да так, сынок! Потом скажу.

Турунж была поглощена своими размышлениями. Она отвела Гену в комнату к бабушке и, усадив там ребенка, отправилась одеваться.

Через час, когда на улице уже высоко стояло солнце, они вышли из дома. Мать держала Гену за руку.

Шли по знакомой улице, и соседи с изумлением глядели на Турунж, не представляя, как хорошо она могла выглядеть. Она была одета в лучшее платье. Лицо ее светилось. И это словно делало невидимыми и женскую сумочку с перемотанной изолентой ручкой, и поношенные туфли на ногах.

На углу одной из улиц они остановились. На броской вывеске слева было выведено: «Фотоателье».

Турунж крепко сжала детскую руку.

— Зайдем! — радостно сказала она и потянула мальчика за собой.

Звякнул колокольчик, и они очутились в темной прохладной комнате с бархатными занавесями, которыми были задрапированы все стены. Гена замер.

На звук из задней комнаты вышел хозяин ателье — пожилой кумык с торчавшими, как пики, усами. Молча посмотрел на мать с ребенком.

— Фото на память можно сделать? — робко спросила Турунж.

Мужчина кивнул на стул:

— Садыс.

Турунж послушно села и тут же вскочила. Подошла к зеркалу, посмотрела на себя, потом опять уселась рядом с Геной. Напряжение отчего-то нарастало с каждой секундой. Она снова вскочила и потащила к зеркалу уже Гену. Стала причесывать его, пытаясь пригладить и без того прилизанные вихры.

Фотограф молча усмехался, глядя на эту суету. Что-то в женщине казалось ему необычным. Может быть, лихорадочный блеск в глазах. Он замер над своим фотоаппаратом, накинул на себя черную накидку и, крикнув: «Сейчас вылетит птычка!», сделал кадр.

Все осветилось ярчайшим светом. Гена зажмурился.

— Готово! — произнес фотограф, выбравшись из своего укрытия. — Приходите через три дня. Будет фотография.

Турунж слушала его с радостной улыбкой, словно он обещал ей золотые горы. Потом вышла из фотоателье, чувствуя себя счастливой маленькой девочкой.

Солнечный свет слепил. Они с Геной постояли немного, привыкая к солнцу, а потом пошли куда глаза глядят, словно их тянула вперед какая-то загадочная сила.

Турунж покупала Гене мороженое, леденцы на палочках, и ей казалось, что все люди обращали на них внимание. Впервые она этого не боялась. Не боялась людской

молвы, шепота за спиной. Она просто наслаждалась переполнявшим ее счастьем.

Турунж представляла, что с ней не только Гена, а все ее дети, и она покупала им игрушки, сахарную вату, хлопушки, и никто не кричал ей: «Вы что? По какому праву?!»

...Оглушительный свист ударил в уши. Прямо на них мчалась машина. Турунж с Геной еле успели отскочить в сторону, и пятитонный грузовик промчался мимо.

— Вы что, гражданка! Не видите? — К ним со всех ног бежал милиционер.

— Простите меня, товарищ, — залепетала Турунж. — Я не заметила.

— Не заметила! — прикрикнул постовой. — А еще мать называется.

Турунж, ничего не ответив, покрепче сжала Генину руку и потащила его за собой. Тот еле поспевал за ней. Они остановились у какой-то скамейки только минут через пять.

— Ну все, пошли домой, — сказала вдруг Турунж. — На сегодня хватит.

— А мы завтра пойдем гулять? — спросил с надеждой Гена.

Турунж улыбнулась и кивнула.

Уже вечером, когда сын уснул, она принялась вдохновенно рассказывать Мельке в мельчайших подробностях, как они провели день. Рассказывала, как Гена вел себя на улице, как хорошо показал себя в фотоателье, и даже как их чуть не сбила машина.

Мельке слушала внимательно и качала головой.

— Да ты рассуди сама... — вдруг сказала она.

Турунж удивленно на нее посмотрела.

— Мам, о чем ты?

— Ты думаешь их всех забрать? Как же ты их всех прокормишь?

— Я такого не говорила.

— Как же, не говорила. Я ж по твоим глазам вижу: «Вот бы их всех забрать».

Турунж испуганно посмотрела на мать.

— Что ты себе удумала? Ты что, не понимаешь, что тебе их всех не прокормить. А-а?!

Улыбка сползла с лица Турунж. Она вдруг вскочила с виноватым видом, начала хлопотать, и разговор сам собой закончился.

Утром их поднял стук в дверь.

Турунж, не понимая, кто это мог быть в такой ранний час, подошла к двери. На пороге стояла Аня.

— Ну и что ты творишь? — накинулась та с ходу.

— Что такое? — испуганно спросила Турунж.

— А то ты не знаешь.

Аня прошла вглубь дома, распахнула дверь в комнату Турунж и увидела безмятежно спящего Гену.

— Все понятно, — громко произнесла она.

— Тише ты, ребенка разбудишь! — бросилась к ней Турунж.

— Да уж давно пора его будить, — не понижая голоса, произнесла Аня.

Турунж потащила ее на кухню.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? — дождавшись, пока ей нальют чаю, принялась за свое Аня.

— А что такое?

— Ты спрашиваешь, что такое? Мне Нахамьё звонил Говорил, что Гена пропал. Вчера им кто-то позвонил из Махачкалы, сказал, что видел тебя на улицах с ребенком. Эрзол просил передать, что детей тебе никто забрать не позволит. У тебя запрет. Понятно?

Турунж слушала молча. Она вспомнила свои вчерашние грезы о прогулках с детьми. И вот теперь выходило, что ничего этого не могло быть.

— Тебе надо отправить его к Эрзолу! — настаивала Аня. — Да ты меня слышишь или нет?

Турунж сидела безучастная к крикам Ани. Плата за ее наивность оказалась достаточно высокой. Теперь Эрзол мог запросто лишить ее права видиться с детьми. Она оказалась не в силах оценить великодушные Бабаевых. Они прислали ей предупреждение через Аню, а вполне могли вызвать милицию.

— Я понимаю, — прошептала она. — Я все исправлю. Только я ему сама это скажу, хорошо?

— Кому скажешь? Что скажешь? — не поняла Аня.

— Гене. Про то, что ему лучше к отцу вернуться.

— Поступай, как хочешь, сестренка! Только не доводи дело до скандала. Я с Нахамье уже обо всем договорилась.

— О чем? — не поняла Турунж.

— Гену отвезет в Кисловодск Мила.

Мила была сестрой Эрзола. Она училась в Махачкалинском педагогическом институте на факультете иностранных языков и постоянно навещала в Кисловодск к матери.

— Она Гену отвезет, — успокоила Аня. — Не думаешь же ты ребенка одного отправить.

Турунж ничего не ответила. Она, как лунатик, ходила из угла в угол. Аня даже сразу не поняла, что сестра собирала вещи сына. Через час Турунж вошла в спальню.

Гена заворочался и открыл глаза. Улыбка просияла на его лице.

— Доброе утро, мамочка.

— Доброе утро, сынок.

— Какой чудесный сон я видел. Будто мы с тобой плывем на большом корабле куда-то далеко-далеко, что даже края земли не видно, а вокруг корабля волны, и ветер свищет, а мы с тобой стоим на его палубе и нам хоть бы хны. Вот бы так на самом деле, а? Мам?

Турунж вымученно улыбнулась. Подошла к кровати. Села на краешек и ласково потрепала сына по голове.

— Конечно, Геночка! Мы так когда-нибудь обязательно сделаем. А сейчас послушай меня внимательно.

Мальчик насторожился.

— Ты сейчас оденешься, позавтракаешь, и мы с тобой пойдем на вокзал.

— Зачем? — спросил Гена. — Мы с тобой куда-то опять поедем? А как же фотография? Я хочу забрать фотографию.

Турунж опустила голову. Ей было невыносимо смотреть в эти ясные доверчивые глаза.

— Понимаешь, Геночка! — она судорожно вздохнула... — Пойми меня, сынок. Тебе придется вернуться в Кисловодск. К отцу.

Ребенок замер. Как будто тень от крыла черной птицы легла на его лицо.

— Ты только не кричи, не расстраивайся, послушай меня... Понимаешь...

— Что? — спросил Гена шепотом, приподнимаясь на локте.

— Посмотри... — мать обвела рукой стены их спальни, показала на убогий стол, что стоял в углу. — Ты видишь, как мы живем? Я тебя даже... — Она замерла. — Я тебя даже... прокормить не смогу...

— Мамочка...

— Не говори ничего... Послушай меня... Вот... Ты не можешь жить, как я. В Кисловодске у тебя всё есть. Понимаешь? Лучше будет, если ты вернешься к отцу. — Тут силы окончательно покинули Турунж, и она зарыдала, уткнувшись в плечо ребенка. — Я все равно буду тебя навещать... Я обязательно к вам приеду. Вот увидишь, обязательно... А у отца тебе будет лучше. Понимаешь?

— А как же фотография? — неожиданно вспомнил Гена. — Мы сходим за фотографией?

Мать покачала головой.

— Мы не успеем, Геночка. Скоро тетя Мила придет. Она отвезет тебя в Кисловодск. Отец ждет... А фотографию я обязательно возьму. Вот увидишь... И потом тебе вышлю, — прошептала Турунж. — Ты только не плачь, сынок.

Гена молчал. Потом начал послушно собираться. За все оставшееся время он не произнес ни слова. И ни разу не взглянул на мать.

А фотографию, которую он так хотел получить, Турунж забрала на следующий день. И бережно хранила, иногда показывая случайным людям, и плакала, рассказывая, что у нее тоже были дети.

Счастливая и безмятежная женщина взирала на мир с этой фотографии. Рядом с ней с зажмуренными глазами сидел замерший от предвкушения чуда мальчик. Один из ее сыновей.

XXXVI

Все вернулась на круги своя. Дети снова собрались под одной крышей, ссорились, дрались, бегали наперегонки. И потихоньку учились жизни, копируя своего отца. Эрзол справедливо считал личный пример самым лучшим учебником жизни. Он не собирался скрывать что-либо от своих сыновей и не думал выводить в люди на фальшивых примерах хрестоматийных «учителей жизни». Повседневная реальность, как она есть, была для него лучшим учебником, в котором находилось место для всего: радости, огорчений, смелости, авантюризма и глупости.

Жизнь детей была наполнена чередой обыденных, на первый взгляд, событий, особый смысл которым придает только детство. По воскресеньям Нахамьё водил нас в городскую баню. Как полагалось, мы ждали своей очереди, сдавали одежду, получали номерки и шли в парную. Нахамьё нас

драил, мыл, «скоблил». Никаких шампуней, ничего, кроме грубого коричневого мыла не было, а вот заботы и любви — сколько угодно. Эта забота до сих пор согревает, и воскресают в памяти прикосновения его рук, его улыбка.

Бабаевы были первыми евреями, которые появились в районе, в следующие пять лет туда переехало еще сто еврейских семей. Они обживались на новом месте, принося свои традиции и ритуалы.

На Песах из Дагестана приглашали раввина. Он резал птицу и барашка, которых Хаво покупала на рынке. Мясо разделялось по всем правилам кашрута.

Затем Хаво пекла мацу, перемалывала грецкие орехи, смешивая их с медом — это было на сладкое, — и начинался праздник. На следующий день она угощала мацой и сладким русских соседей. Соответственно, когда приходил черед православной Пасхи, те приносили в дом Бабаевых крашенные яйца и испеченные куличи со сладким творогом.

Однако сильнее всего в нашу память врезались воспоминания о лакомствах, которые готовила Хаво. Самое незабываемое называлось руры. Из кошерного мяса готовила фарш, который ей помогал крутить каждый из детей по очереди. Затем она мыла кишки, набивала их фаршем, в который добавляла лук, чеснок, перец, и вывешивала все это сушиться в теньке.

Обрабатывал колбаски только ветер. Так они и висели в коридоре, обдуваемые сквозняком, распространяя едва заметный волнующий запах.

Делали руры в ноябре, а к Новому году они, как правило, были уже готовы.

Перед тем как подать к столу, Хаво жарила их над огнем, жир стекал в специальную чашу, в которую затем добавляли чай: старинный рецепт, который передавался татскими женщинами из поколения в поколение.

Другим обязательным блюдом была тара. Бралось все то же кошерное мясо, рубилось или пропускалось через мясорубку, затем в фарш добавлялся мелко нарезанный лук, а из полученной смеси лепились маленькие тефтели.

Готовили еще хингарпол. Для него брали молодой лук, мелко нарезали и замешивали в тесто, напичканное другой зеленью. Из теста делали клецки, которые варили в курином бульоне... Туда же добавлялась курага, чеснок, молотый орех и немного уксуса.

На Новый год — этот праздник непослушания — нас, детей, посылали в магазин за шампанским. Как правило, отец выдавал нам десять рублей. Одна из их забав состояла в том, чтобы не сразу бежать в магазин, а попытаться заработать еще больше, вложив эти деньги в дело. На улице нас, братьев Бабаевых, поджидала компания друзей, и мы начинали играть в «секу» — карточную игру на деньги.

Однажды мы, ухватив за хвост свой фарт, довели выигрыш до тридцати рублей, но что-то в механизме удачи сбилось, и мы спустили все обратно. У нас осталось только семь рублей, которых, правда, хватило на шампанское, конфеты, мандарины и сладости к новогоднему столу.

Так мы и жили счастливо и радостно.

XXXVII

Гена нашел настоящий револьвер. Повезло пацану! Считайте, сказочный подарок послала ему жизнь. Он, захлебываясь от восторга, рассказал мне о своем приобретении.

— Откуда ты его взял?!

— Нашел!!! — Детские глаза горели от счастья.

Это было так заразительно. Точно по проводнику счастье передалось от одного к другому. Гена остался со своим сокровищем, а я помчался к Славе рассказать и ему о нашей удаче. Глаза старшего брата тоже загорелись.

— Бежим покажу, — позвал я.

Наперегонки мы понеслись туда, где играл Гена. Тот сидел на камне в позе мыслителя и изучал свою находку. Изредка прищуривал глаз и поднимал руку с пистолетом, воображая себя то ли бравым разбойником, то ли отважным милиционером. Он готов был раствориться в вороненой стали... Как будто в том дуле, куда он время от вре-

мени заглядывал одним глазом, находилась воронка, что засасывала его в воображаемый круговорот опасностей.

Мы со Славой с завистью походили вокруг Гены, который ни на секунду не выпускал пистолет из рук, понимая, что мы, старшие братья, если завладеем его находкой, то уже не отдадим. И побежали домой. Обоих распирало желание рассказать о находке отцу.

В тот воскресный день Эрзол сидел дома и подремывал, разморенный после вкусного обеда. Первым в комнату влетел я.

— Пап, представляешь, Генка настоящий револьвер нашел! На карьере.

— Что? — Эрзол разлепил глаза.

— Пистолет!..

— Какой пистолет? — Отец смахнул с себя остатки сонной слабости.

— Настоящий! Вот такой и такой!

Я стал показывать размер дула, разводя руки, как заправский рыбак.

Эрзол поднялся с дивана и внимательно меня слушал. Потом хмыкнул и нахмурился.

— Игорек... — Он прошелся по комнате, разминая плечи, выглянул в окно. — Послушай, пойдика к Гене и постарайся аккуратно забрать у него пистолет. Только аккуратно. И принеси его мне.

Я застыл на несколько секунд, потом развернулся и опрометью помчался обратно к карьере.

Но младшего брата на прежнем месте не оказалось. Пришлось нам со Славой побегать по соседним пустырям и оврагам, прежде чем мы его нашли на дальнем пустыре. Гена настороженно посмотрел на нас, но убежать не стал.

— Чего надо?

— Да так, посмотреть... — бросил Слава.

— Здорово, да?! — спросил Гена. Глаза его блеснули от восторга.

Как зачарованные, мы следили за братом, который показывал нам пистолет то с одного, то с другого бока.

— Я теперь сильный, — горделиво сказал Гена. — Кого хочешь слушаться заставлю! Понятно?

Нам со Славой ничего не оставалось, как послушно соглашаться.

— Дай поддержать, — в какой-то момент взмолился Славик.

— Нет, — замотал головой младший, недоверчиво глядя на нас.

— Да ладно, дай поддержать, — настаивал Слава.

— А что мне за это будет? — спросил Гена.

— А я... а я тебе двадцать копеек дам.

Гена на секунду задумался прикидывая в уме за и против соблазнительной сделки.

— Только недолго, — вдруг согласился он.

Он протянул Славике пистолет. Протянул нерешительно, будто еще раздумывая, отпускать или не стоит. Но Слава уже ухватил за дуло и потянул на себя. Секунду между братьями шла борьба. Слава победил и выхватил у Гены оружие. Не раздумывая, тут же развернулся и бросился со всех ног к дому.

Гена — за ним. Следом я.

Так все трое и мчались, пока не добежали до нашего двора и пуль не влетели в комнату, где у окна за столом сидел отец и слушал радио.

Заметив нас, отец встал, протянул руку в нашу сторону, и Слава послушно отдал ему пистолет. Эрзол молча взял оружие, внимательно осмотрел его со всех сторон. Гнев переполнял его.

Гена с ужасом смотрел на отца. Тот молча вышел из комнаты, прошел во двор и там со всей силы начал бить

револьвером о камень: крак, крак, крак. Дети молчали, втянув головы в плечи.

Вскоре отец вернулся в комнату. Лицо его было хмурым и сосредоточенным. Он подошел к своему креслу и уселся в него.

— Ну, чего встали? — спросил он, словно ничего не произошло. — Идите играйте.

Мы выбежали во двор. У камня валялись обломки того, что пять минут назад было самой заманчивой игрушкой на свете. Гена зарыдал. А отец у себя в комнате облегченно выдохнул. Беда миновала его детей.

— Тебе не кажется, что ты бываешь с ними очень строг? — как-то спросила сына Хаво.

— Строг? Мам, ты не знаешь, что значит быть строгим. Дети сами не понимают, чего они хотят. Мир для них, как трубка с разноцветными стекляшками. Как ни поверни, все интересно. Но половина из этого — обман. Им надо учиться различать, что полезно, а что опасно. Также и школа. Не будут первыми — ничего не достигнут. Ты знаешь, как сейчас трудно пробиться евреям? Надо быть лучшими из лучших, если ты хочешь, чтобы все было в ажуре. Для этого я из них все соки и выжимаю.

Единственное, чего Эрзол не учитывал, так это взрывной характер своих детей, унаследованный от него же. Характер, который не хотел покоряться его жесткой рациональной системе воспитания.

Мы никогда не замечали, когда именно и у кого отец интересовался нашими делами. Но руку на пульсе он держал всегда.

— Как они себя ведут? — спрашивал он у Хаво.

— Как могут себя вести дети? Ты помнишь, как вел себя сам?

— Хулиганил, как только мог. Но вы меня баловали.

- И твоих детей надо баловать.
- Не разбалуй окончательно.
- Не бойся, на то они и дети.
- Держи их в строгости. Не позволяй им слишком много.
- Как будто мы от тебя много с отцом требовали? — Хаво усмехнулась и перевернула очередной блин.
- Они сами не знают, чего хотят.
- Но, сынок, что делать, если они не всегда легко усваивают знания. Все дети такие.
- Значит, надо нанять репетиторов.
- Хаво согласно кивала. Она жалела нас и понимала, сколь тверд гранит науки.

XXXVIII

Наш отец много колесил по югу России. Знакомился, наводил мосты. Частенько в его портфеле лежали такие суммы денег, что, знай об этом воры и грабители, — их хватало, — за ним бы охотились, как за инкассатором сберкассы.

Конечно, слухи ходили разные, но точный размер состояния моего отца был для всех тайной за семью печатями. В те годы неожиданно расцвела так называемая новая форма социалистического хозяйствования. Государство, видя тяжелое положение с нараставшим в стране дефицитом, разрешило артельные или цеховые предприятия при колхозах. И сразу же орда предприимчивых людей кинулась осваивать выгодное дело. Чего только ни выпускали: фотографии популярных артистов, изделия из сатина (они были тогда особенно популярны), одежду, даже обувь. Товары эти расходились неплохо. Все были довольны. Колхозы имели живые деньги, а подпольные цеховики неве-

роятную выручку. Вместе с цеховиками тут же появились и «охотники». Это был новый вид «бомбил», которые грабили не государство — с ним связываться было опасно, — а частных — добычу легкую. Главный трюк заключался в том, чтобы посадить жертву на наживку. Но с моим отцом такие фокусы не проходили.

Однажды отец узнал, что в Ленинграде появился новый вид обслуживания — салоны полуфабрикатов. Изделия там шили чуть-чуть незавершенными. Не всем было по карману сшить платье в ателье, да и готовое было проблемой купить. Зато многие имели дома швейные машинки, которые позволяли подогнать полуфабрикат по фигуре. И если ткань была модной и высокого качества, то недостающую одежду расхватавали, как горячие пирожки.

Идея показалась отцу перспективной. Он хотел посмотреть на месте, что это такое. С собой решил взять старшего Славика. Пусть увидит столичный город. Возможно, уже тогда в Эрзоле зрела идея — по возможности приобщать своих детей к делу.

Вместе с ними в Питер отправился и Исай Адамов с закройщиком по фамилии Кам. Кама взяли не просто так. У него в Ленинграде жил и работал влиятельный родственник, заместитель председателя Ленисполкома.

На вокзале их встретили, поселили в шикарную по тем временам гостинице «Октябрьская», и отец пошел разузнавать, что и как. Все, что ему рассказывали, соответствовало действительности. Полуфабрикаты, незавершенные изделия, привлекали покупателей. Выпуск такого вида продукции имело смысл наладить в Кисловодске, Ессентуках... Схема вырисовывалась заманчивой.

Эрзол решал дела стремительно. Суть заинтересовавшего его процесса он схватывал на лету, тут же продумывал варианты в цепочке «снабжение — производство —

сбыт» и выдавал уже готовый план, который оставалось только реализовать.

Он относился к работе, как к битве, после которой обязательно должны быть минуты отдыха. Бодрость и силы для нового дня он черпал в обильных застольях.

Но не брать же ему с собой ребенка в ресторан вечером, да и незачем мальчику было слушать взрослые разговоры. И Эрзол решил отправить Славу на квартиру к тому самому заместителю председателя Лениспокома, родственнику Каму. Поставили в известность хозяев, обо всем договорились.

Времена тогда были спокойные. Отец решил, что Славик был уже достаточно взрослым, чтобы самостоятельно найти дорогу. Наш отец написал ребенку на бумажке телефон и адрес и беспечно отправил сына в большой город. Сам с Исаем и Камом поехал в ресторан. Там внимание Эрзола привлекли две девушки. Сказать, что они были интересными, — значило ничего не сказать. Все было при них: фигуры, молодость, веселье...

Эрзол глаз не мог оторвать от красавиц. Дамы тоже обратили на него внимание, стали подмигивать. Так девушки оказались за столиком, где сидел Эрзол с компанией. Позвали официанта, заказали еще шампанское, деликатесы. Завязался веселый разговор ни о чем. Выяснилось, что одну избранницу звали Илоной, другую — Светой. Именно эти вполне могли быть выдуманными, но это никого не волновало.

Девушки осушали бокалы с шампанским и становились все более говорливыми и веселыми.

— Нет, нет и нет, — выпалила Света, покручивая золотую цепочку с кулоном, — это была моя идея прийти сюда с подругой. — Почему бы нам сегодня не развлечься. Как ты?

Она ткнула пальцем в Исаю. Тот заерзал, не зная что ответить. По части порока Исая был совершенно невинен.

— Милый мой, — со смехом произнесла вторая девица, — у меня не глаз, а алмаз, лучше рентгена. Я не выношу тихонь. Если ты тихоня, мне с тобой не по пути. У меня в душе — огонь! — Илона рассмеялась.

Исай смутился, а Эрзол захохотал. Затем он налил всем водки и поднял тост.

Он стал травить байки про родной Дагестан. И чем больше говорил, тем больше смеялись за столом. Энергия была в Эрзоле ключом. Флирт с Илоной действовал на него живительно, понемногу освобождая от дневной усталости. Вскоре Эрзол уловил, что их девушки как будто замирают при упоминании денег, — он специально как бы невзначай затрагивал эту тему. Говорил, что, например, в день знакомства может взять и увезти понравившуюся ему девушку в Сочи. (По тем временам, высшая степень роскошного образа жизни.) Эрзол чувствовал, как росло восхищение случайных спутниц, когда он благодушно обещал устроить все, что они захотят.

В какой-то момент девушки сказали, что им нужно в дамскую комнату. Как только они удалились, к Эрзолу подошел метродотель.

— Я очень извиняюсь, — начал пожилой мужчина, — тут такое дело...

— Что за дело? — равнодушно спросил Эрзол.

Метродотель страдальчески поморщился.

— Я хотел вас предупредить. Вам не стоит слишком тесно общаться с этими девицами.

— Почему же? — Эрзол расхохотался.

— Это может быть для вас небезопасно.

— Небезопасно? — Эрзол и Исай согнулись от хохота. — Чем же это таким они опасны?

Метродотель пожал плечами.

— Та девица, с которой вы сидите... — понизив голос, начал он.

— И что же она?

— Вы знаете, кто она такая?

— Отрава, сушая отрава. — Эрзол опять захохотал во все горло. Ему вторил Исай, того поддержал Кам.

Ситуация начинала его забавлять.

— Лучше считайте, что так оно и есть, — покачал головой работник ресторана. — Но я знаю, что говорю.

— Послушайте, даже если они не очень хорошие, — вмешался в разговор Исай, — нельзя сказать, чтобы нам от этого было плохо.

И мужчины опять засмеялись.

— Ну как знаете... Мое дело предупредить. — Метрдотель снова пожал плечами и отошел от столика.

— Чего это он? — спросил у друга Исай — Ты не понял?

— Да не бери в голову, — рассмеялся Эрзол. — И не таких видали.

В этот момент к столу вернулись девушки. Обсуждать ситуацию было неприлично. Веселье возобновилось с новой силой.

Незаметно пролетело время. Когда огромные часы в ресторане «Октябрьский» пробили полночь, отец предложил девушкам проводить их до дома. Выяснилось, что те жили довольно далеко: где-то за городом. Для большинства командировочных того времени это могло стать огромной проблемой. Но только не для Эрзола.

— Вызовем такси! — небрежно бросил он.

— Это будет стоить рублей пятьдесят! — ахнули девушки.

— Я же сказал: не проблема, — отчеканил Эрзол.

Девушки переглянулись.

Кам ехать отказался, сказал, что вернется в гостиницу и ляжет спать. Эрзол с Исаем, обхватив девиц за талии, направились к подъехавшему такси. Добирались больше

часа. Таксист даже не знал тех мест — девицы показывали ему дорогу.

Наконец они велели остановиться. Эрзол вышел и удивленно начал вглядываться в темноту. Ни намска на жилье.

— А куда мы приехали?

Девицы жеманно захихикали.

— Что, испугались?

Эрзол усмехнулся.

— Я просто домов не вижу.

— А они чуть дальше. Вон за теми сосенками, — рас-
смеялись девицы.

Эрзол расплатился, и они с Исаем пошли за своими наядами по узенькой тропинке через лесок.

— Мальчики, здесь рядом, — все время приговаривали девицы.

Вдали тускло засветились огонек в окне. Спутницы Эрзола и Исаю вдруг занервничали.

Неожиданно Эрзол услышал шепот:

— Чего ты психуешь? Я сама их обработаю.

Они вошли во двор и поднялись по ступенькам покосившегося крылечка.

— Мальчики, мы на месте, — прошептали обе и, как по команде, поднесли пальцы к губам.

Эрзол вошел в сени вслед за своими новыми знакомыми. В одной из комнат за неплотно прикрытой дверью он увидел пять или шесть мужиков в наколках, сидевших за столом и резавшихся в карты.

И тут Эрзол обернулся и громко, на весь дом, спросил у Исаю по-русски:

— Ты отлить не хочешь? — заржал, настолько естественно, насколько позволяли его актерские способности. И тут же по-татски тихо добавил: — Исая, это воровская малина! Тикать надо! — И снова по-русски: — Покажи мне, где здесь сортир?

Не дожидаясь ответа, схватил Исаю за руку и потащил к выходу.

Спустившись с крыльца, они, не сговариваясь, что было помчались прочь от дома.

Маневр их был столь неожиданным, что обитатели хибары сначала не сообразили, что произошло, а когда поняли, что добыча уходила у них из рук, кинулись следом.

— Окружай! — закричал самый мелкий и проворный и, засвистев, припустил за жертвами.

Следом за ним повыскакивали дюжие мужики.

— Лови фраеров, — закричал один из них.

Исай и Эрзол слышали за своей спиной топот и крики: «Держи их! Держи!».

Правду говорят, Бог приходит к евреям, когда они оказываются на краю гибели.

Через кусты и овраги Эрзол и Исай не бежали — они через них перелетали. Вдруг деревья расступились, и горе-ухажеры очутились на пустынном ночном шоссе Москва — Ленинград.

Глаза ослепил свет фар.

— Останови машину, — закричал Эрзол Исаю.

Исай замахал руками и бросился наперерез трехтонке. Машина заскрежетала тормозами. Не дожидаясь приглашения, Исай вскочил на подножку.

— Гони! — крикнул он водиле.

На другую подножку, со стороны шофера, вскочил Эрзол. В руке он держал несколько смятых червонцев. Вид денег успокаивающе подействовал на дальнобойщика.

— Давай жми, приятель, не то все погорим! — прохрипел Эрзол.

Перепуганный водитель дал по газам, и грузовик, набирая скорость, растаял в ночной мгле. Следом на дорогу выскочили бандиты.

Исай послал им неприличный жест: «Попробуйте, догоните, твари!»

Только к четырем часам утра Эрзол и Исай добрались до своей гостиницы.

Но на этом их приключения не закончились. Усталые мужчины поднялись в номер, мечтая только об одном — упасть в кровать. Но не тут-то было. Дверь их комнаты никто не открывал. Ключей они с собой не брали. Дежурная по этажу куда-то ушла. Как они ни стучали, Кам не отвечал. Эрзол почуял неладное. Наконец через полчаса привели ночную горничную с ключами, та отворила дверь. Внутри никого не оказалось.

— А наш товарищ?.. — теряя терпение, закричал Эрзол.

Губы горничной стали тонкими, как лезвия бритвы.

— Товарищ ваш проштрафился.

— Как это? — охнул Исай.

— Говорите яснее, — потребовал Эрзол.

Горничная, пылая праведным гневом, придирчиво оглядела помятый костюм Эрзола, потом перевела взгляд на Исайа, из пиджака которого торчали сосновые иголки, и возвела глаза к потолку.

— Да-а, — протянула она. — Теперь понятно...

— Да говори толком, что стряслось! — заорал Эрзол.

Губы горничной стали еще тоньше. И рассказала, что пару часов назад гостиницу осматривал народный патруль, и Кама застали с двумя дамами. По тем временам — суровая «аморалка».

Эрзол бросился вниз к администраторше. Оказалось, Кам сидел в «обезьяннике», и его надо было оттуда вызволить.

Пока Исай выяснял отношения с районным отделением милиции, деньгами доказывая, что высокая нравствен-

ность не отрицает общение с женщинами, Эрзол готовился ко сну.

В этот момент в номере зазвонил телефон:

— Товарищ Бабаев?

— Да!

— Лейтенант Устинов. Невское линейное отделение милиции.

Эрзол почувствовал неладное.

— Что случилось?

— У вас сын не пропадал?

Остатки сна моментально улетучились.

— Нет! Он у моих друзей! — уверенно произнес отец.

— А по нашим данным, он не у них. Как зовут вашего сына?

— Слава.

— Все верно. Фамилия Бабаев?

— Да!

— Он сидит перед нами в отделении.

— За что вы его упекли?

— Никто его ни за что не упекал. Мальчик потерялся.

— Как потерялся?!

— А вот так... Линейный наряд подобрал его вечером на улице. Ребенок плакал и не знал, куда идти.

— Я же ему все объяснил! — закричал Эрзол. — Дайте ему трубку!

— Товарищ Бабаев, туда провод не дотянется. Собирайтесь и приезжайте за сыном.

Лейтенант продиктовал адрес.

Эрзол вскочил. Он не спал, но все было как во сне. Ночь. Тусклые фонари Невского. Такси. Опять водитель.

Вскоре он вошел в отделение милиции. Славик бросился к нему на шею. Милиционеры укоризненно смотрели на разгильдяя отца. Шатаясь от усталости, Эрзол с сыном помчались на такси обратно в гостиницу.

В пять утра Эрзол в третий раз за ночь вошел в своей номер.

— Что случилось? — спросил он строго Славу.

— Я заблудился.

— Почему сразу же не позвонил сюда, в гостиницу?

— Я звонил, — начал оправдываться мальчик. — А тут никто трубку не брал.

— Ну конечно, Кама-то из номера вытурили, — не удержался от замечания Исай.

— И что ты делал?

— Гулял.

Эрзол расхохотался.

— Ну и ночка, а, Исай!

Усталые и изможденные, они наконец уснули.

Так закончились невероятные приключения татов в Ленинграде.

XXXIX

Валя подала завтрак на стол, села на краешек табурета и осторожно взглянула на Эрзола. Пока он не отдохнет после поездки, она не хотела его беспокоить, боясь нарваться на тяжелый, раздраженный взгляд. Но кажется, теперь отоспался, пришел в себя.

Ну что за характер! Молчит-молчит, хмурится, а потом вдруг разразится смехом или начнет рассказывать такие истории, которые слушаешь и не понимаешь, где выдумка, а где правда.

Послушать Эрзола, вся его жизнь — одно сплошное приключение. Вот хотя бы рассказ о Ленинграде! Где там было, а где — небыль?..

Таких, как он, действительно мало. Валя и полюбила его именно за непохожесть. В нем даже на расстоянии ощущалась сила, которую так ценят женщины. Многие сами на него «вешались»... Валя смирилась с этим и не корила Эрзола. Он такой, какой есть. Неумный, хочет

всего и сразу. В работе, жизни, любви, удовольствии... Сильный, без сантиментов... Ей казалось, он умел находить выход из любой безнадежной ситуации.

Они были вместе уже давно, но он умел иногда прикоснуться к ней так, что ее всю обжигало, словно в первый раз. Словно случайно может дернуть за рукав, ущипнуть за щечку, а то прошептать на ухо что-то такое, отчего кожа сразу покрывается мурашками и тело становится податливым. Или вдруг неожиданно встанет — и нет его... О причинах отлучек он никогда не говорил. Чаще всего он уходил по работе, иногда просто к друзьям, которые были не менее важны, чем все его дела.

К друзьям Эрзол относился особо. Можно сказать, трепетно. С ними он был тем, что точнее всего передает значение слова «совершенный». Он был идеальным другом — надежным, помогал, казалось, в безвыходных ситуациях, задействовал все свои связи. Этого никто не мог отрицать. Круг его знакомых был обширен, но настоящих друзей — пересчитать по пальцам.

С Борисом Буглаком он выпивал, устраивал пирушки и полностью доверял ему. Знал, что Борис не подведет в любой ситуации. Борис поставлял Эрзолу ткани: «ликвиды» и «неликвиды», из которых тот шил прекрасные костюмы. Это был невинный бизнес. Советское законодательство не поощряло его, но особенно и не наказывало. В наши дни его назвали бы блестящим креативом.

Вторым близким к отцу человеком был Миша Гилядов, умелый и находчивый бизнесмен. Начинал в Дербенте с сети столовых-ресторанов и затем дорос до должности начальника треста. Так же, как и отец, он был не в состоянии пройти мимо выгодного дела...

Леня Боднев — третий член их компании — обладал самой непримечательной профессией. Он был часовщи-

ком, державшим мастерскую в Краснодаре. Что может быть скромнее? Но на деле он проворачивал такие операции, что закачаешься, тесно общался с большими начальниками из крайкома партии и облисполкома. Наблюдая, какие люди съезжались к его застолью, можно было поверить, что в Советском Союзе реальная демократия — простой часовщик общался на равных с всемогущими властями предержащими.

Круг друзей Эрзола образовывал своеобразную мафию. Каждый из них делал свою работу, но из их связей складывалась такая паутина, которая могла опутать целую вселенную. Эрзол умел быть полезным людям. Не всем, но очень многим.

Компания отца собиралась вместе по вечерам, иногда засиживались допоздна. Обычно друзья общались, коротая время за картами и разговорами за жизнь... Тогда же они решали и свои рабочие дела.

У каждого из этих мужчин, знавших друг друга как облупленных были неповторимые черты характеров, своего рода фишки, которыми они пользовались, как талисманами, и над которыми могли запросто смеяться, не боясь при этом оскорбить друг друга: кто-то любил хвастаться своими победами над слабым полом, кто-то рассказывал одни и те же анекдоты, вызывающие неизменный гогот, кто-то был не в меру скуповат... Года, проведенные вместе, связывали их крепче цемента. Игра в карты, выпивка, походы в ресторан, обсуждение дел...

И за карточным столом — острое любопытство в голосе каждого:

— Так, что открылось?

И тишина, за которым следовал смех Лени Боднева. Тот с притворным ужасом, отвечал:

— Пара вальтов.

Ему вторил Гельман:

— Прикуп. Беру три.

Повисала пауза, которую нарушал Гилядов:

— Ну тогда я только одну — себе.

Потом слышались голоса:

— Налей вина... А ты помнишь ту курносую, которую вчера видел в магазине...

И разговор переходил на невероятно сальные мужские разговоры об их донжуанских подвигах, и все это под смех и красноречивые тосты.

Так проходили вечера.

XL

Валя иногда жалела, что связалась с Эрзолом. С ним никогда нельзя было чувствовать себя спокойной. Наоборот, отдых с ним граничил с пребыванием у камчатского гейзера: когда он начнет извержение, предсказать было невозможно.

Эрзол был вспыльчив. Ревновал. Один раз Валя танцевала на каком-то торжестве с приятелем Эрзола, уважаемым человеком, старше его. Эрзол молча наблюдал. Вечер закончился, и он не проронил ни слова по дороге. Но едва они переступили порог, вдруг жестко ухватил Валю за локоть и спросил, понизив голос:

— Зачем ты ему это позволила?

— Ты о чем?!

Валя попыталась вырваться.

— Что ты ему сказала? Он смотрел на тебя такими масляными глазами!

— Что ты такое говоришь?!

— То, что вижу... И ты... — он угрожающе замолчал.

— Перестань, — вспыхнула Валя, — несешь чушь. Тебе с пьяных глаз привиделось.

Эрзол взмахнул рукой. Собирался только поугагать ее, проучить, но инстинкты оказались стремительней. Удар пришелся по щеке. Наотмашь. Валя едва не упала.

— А-а... — она глухо охнула и осела. — Что же ты делаешь, изверг? С ума сошел?! Что ты делаешь?

Эрзол замер, словно разбуженный собственной яростью и совершенно обессиленный пришедшим ей на смену сожалением. Он поднялся и, словно сомнамбула, вышел из комнаты.

Прошла минута, полчаса, час. Один дотронулся до другого. Не специально, просто так получилось, но это обычное прикосновение сделало больше, чем сотни слов. Они вернулись в спальню. На глазах у Вали еще блестели слезы. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, а потом в тяжелом безмолвии сошлись вплотную. Эрзол впился в ее губы поцелуем, она обмякла в его объятиях.

— Ну ладно, я была не права. Давай? — прошептала она первая.

— Давай.

Потом послышался мягкий голос Валентины:

— Эрзол, ты меня сильно любишь?

— Люблю-люблю, раз я с тобой. Чего еще больше? Это все слова.

Наверное, для него такое признание было более чем достаточным.

Эрзол умел быть жестким и даже жестоким с другими. Но точно так же он был беспощаден к самому себе. Те, кто не видел Эрзола за работой, полагали, что деньги сами текли к нему рекой, но Валя знала, какой труд за этой легкостью стоял. Она была в курсе всех его фантастиче-

ских успехов на деловом поприще, но умела хранить язык за зубами, так что Эрзол всецело ей доверял.

Он уже давно не был простым закройщиком. Из рядового специалиста он превратился в удачливого бизнесмена с неизбежной для того времени спецификой. На языке тех лет он назывался «организатором цехового бизнеса».

Список его успешных дел тогда никто бы не решился вывесить на доске объявлений, но с точки зрения наших дней в них не было ничего преступного. Он никого не грабил, ничего не воровал, он просто действовал не по инструкциям, умело находя слабые места тогдашнего планового производства.

Иногда он просил меня:

— Игорек, отнеси пару свертков с вещами в универмаг, отдашь в отдел верхней одежды.

На деле таких свертков могло быть семь или восемь. В каждом из них лежало по пять костюмов. Мы вместе с друзьями вприпрыжку бежали с поклажей по городу. Кому бы в голову пришло остановить пацанов и посмотреть, что мы несли?

Эрзол умел благодарить одним негромким словом или улыбкой. Повторю, он не считал сантименты обязательным элементом педагогического процесса. Суровость и практицизм, только полезное и никаких пустых развлечений — вот козыри его системы воспитания, главной опорой которой были практические навыки.

Эрзол начал работать, когда ему едва исполнилось тринадцать. Он был убежден: чем раньше человек узнает цену деньгам, тем быстрее учится их добывать. Добывать! В этом он видел главное предназначение мужчины. И опираясь на свои представления о мироустройстве, он блестяще справлялся со своей задачей. Именно поэтому Эрзол стремился, чтобы дети освоили его подход к делу.

Схема работы была такой: ателье отдавало на реализацию вещи, которые проходили по всем бухгалтериям

и учитывались на складах, отмечались в товарных накладных. Как только они уходили с прилавков, их место тут же занимали точно такие же, но неучтенные. Проверяющим казалось, что один и тот же красавец костюм подолгу висит в торговом зале, не находя своего покупателя, тогда как, прежде чем наряд закрывали и костюм считался официально проданным, на бедной вешалке успевало побывать пять-шесть однотипных пар пиджаков и брюк.

Эрзол зарабатывал по-крупному, и страх не съедал его душу. Деньги для него были не просто средством для безбедного существования. Это была награда в вечной погоне за призрачным счастьем, которое он, как всякий из нас, надеялся обрести.

Люди считали его счастливым. И как всякий удачливый человек, он обзавелся армией завистников. Эрзол это прекрасно понимал, но, вместо того чтобы держать их подальше от себя, превращал врагов в друзей.

Ему удалось невозможное: сделать частью своего великого финансового круговорота всех ключевых игроков из местных проверяющих и контролирующих органов: начальника ОБХСС, кисловодских и ессентукских милиционеров, прокуроров, судей. Он организовал вокруг себя надежную армию защитников, которую щедро кормил и которая не уставала благодарить судьбу, что она свела их с таким человеком.

У Эрзола был перебитый нос боксера, что вызывало невольное уважение у всех, кто знакомился с ним. Таковую же боксерскую хватку и реакцию, способность всегда постоять за себя он хотел передать и нам, его детям. Выражалось это всегда в одной простой фразе: «Если крепко стоишь на ногах, то так же и живешь».

Этот принцип как будто растворялся в нашей крови, оседал в сознании, превращаясь в фундамент будущих поступков и решений.

Однажды вечером мы собрались в общей комнате. Приближалось время ужина. Эрзол пришел домой в очень хорошем настроении.

— Мама, накрывай на стол! — громко сказал он. — Это тебе подарок.

Хаво посмотрела на сына с удивлением. Тот держал в руке свой портфель и больше ничего.

— Тебе-тебе, — напуская на себя наигранное безразличие, произнес Эрзол и расстегнул замок. — Спрячь.

На этих словах язычок замка отскочил, отец перевернул портфель над столом, словно это была труба, и из темной утробы саквояжа хлынуло нечто, похожее на ворох осенних листьев.

Деньги!

Они сыпались, как из рога изобилия, постепенно образовав на столе целую гору. Мы изумленно смотрели на этот фокус, гадая, чем все закончится.

Хаво охнула от восторга. Эрзол хмыкнул, удовлетворенный ее реакцией.

— Это твое, мама, — повторил он. — Сегодня был неплохой день, можно сказать жаркий, — сказал он, обращаясь ко всем, — но игра стоила свеч.

XLI

Сила проявлялась у Эрзола по-разному, даже тогда, когда, например, он чувствовал себя совершенно разбитым или больным. Демонстрация своей мощи была частью его способа существования: и ублажая домашних, и тайно или явно подавляя их.

Во время одной из своих бесчисленных командировок он зашел в магазин. Там было все так, как в любом магазине необъятного Советского Союза. Скучный выбор на полках обычно не оставлял надежды, что покупатель подберет себе что-то приличное из одежды. Но при большом везении можно было получить действительно качественные вещи, как правило, привезенные из Прибалтики.

И в тот раз Валя была с ним. Ее взгляд среди десятка наваленных друг на друга тряпок вдруг безошибочно распознала нечто стоящее. Так ловец жемчуга чувствует среди темного ила неясное свечение.

Валя ничего не сказала, просто бросила восхищенный взгляд на полку, а Эрзол его заметил.

— Что, понравилось?

Это была кофточка. Трикотажный шедевр очаровал Валу. Фасон и расцветка идеально подходили к ее фигуре. Найти вещь, которая шла, было большой редкостью и потому так радовало.

В душе женщины заиграла музыка, заглушившая вопрос Эрзола.

«Оглохла, что ли? — услышала она и очнулась. — Посмотри, а тут неплохой выбор».

Валя поспешно кивнула и полезла в сумочку, выискивая в ней кошелек. Она уже давно усвоила, что все «радости жизни» должна покупать себе сама, и только сама.

Но в тот раз Эрзол повел себя по-другому. Возможно, восхищенный взгляд Вали затронул в его душе какую-то струну.

— Стой. Спрячь кошелек. Я сам куплю эту кофту. Тебе и Миле. Я же вижу, она тебе понравилась.

Эрзол шагнул к прилавку. На ощупь определил качество материала, добротность кроя — все то, чего непосвященный никогда не смог бы разглядеть, — и после этого сказал удовлетворенно:

— Беру! Вот эти две! — и он указал продавщице на серую и сиреневую кофты. — Пробейте.

Валя благодарно улыбнулась.

— Мне сиреневую, — сказала она просто и протянула к кофте руку.

— Стой!

Валя испуганно замерла.

Эрзол выхватил из ее рук кофту и швырнул обратно продавщице.

— Мила выберет кофточку первой!

Голубая венка нервно забилась у воротника Валиного платья. Она распознала шипение змеи, шевельнувшейся

в груди Эрзола, и сигнал опасности парализовал ее. Она замерла.

Секунду или две они молчали, словно пережидая грозу. Затем Валя вышла из магазина.

Эрзол, нахмурившись, выбил чек, забрал обе кофточ-ки и выскочил следом. Валя стояла у дверей. Как она однажды сказала подруге: «У него не душа, а костер. Близко не подходи — обожжешься».

Казалось, вечер был безнадежно испорчен. Они молча сидели в гостиничном номере, пытались разговаривать, но горький осадок обиды остался надолго.

Может быть, еще и потому, что история с кофточкой имела неожиданное продолжение. Они вернулись из командировки, и начался ритуал дарения подарков. Дошла очередь до Милы. Эрзол развернул обе кофты, положил их на стол:

— Выбирай.

— Мне серую, — крикнула Мила и схватила ту самую, которую для нее приготовила Валя.

В тот момент на лице Вали появилась странная улыбка, будто она и не улыбнулась вовсе, а губу прикусила. Она вспомнила сцену в магазине и ярость, охватившую Эрзола, когда она на секунду позволила себе забыть, чьим деньгам обязана собственному счастью.

Он не мог терпеть покушения на свою территорию, так же, как и сомнения в его праве главенствовать в том мире, который он создал.

Его территория, даже если на нее никто не покушался, всегда должна была принадлежать только ему и никому другому. Отец был собственником и в отношении Вали.

XLII

Эрзол, наблюдая за тем, как ловко обращались с тканью десятки его подручных, закройщиков, портных, не мог не задуматься о том, сколько костюмов они шили из материала, который ему поставлял Буглак. Но если удастся заполучить больше ткани, доходы можно резко увеличить.

Эрзол так хорошо знал свое дело и так прочувствовал всю комбинаторику намечавшейся сделки, что мог без расчетов и выкладок экономистов точно сказать, какая схема будет самой выигрышной. Он не совершал невероятных открытий, но ему удавалось действовать точно по тому плану, который он намечал.

Оставалось только свести одного человека с другим, третьего с четвертым. У одного попросить, другому отдать, у третьего забрать, четвертому подарить, и тогда пятому ты сможешь все продать за очень хорошие деньги.

Все было очень просто. Проще, чем Соломону построить великий храм. Но почему тогда среди евреев так мало таких, как Эрзол?

Связи во властных структурах, в горкоме или обкоме, придавали всем его начинаниям небывалую силу. Это Эрзол понимал. Но связи были лишь средством, не более. Повторю, требовались интуиция и воля, чтобы разглядеть возможность, понять, как ее использовать с максимальным эффектом, и реализовать наиболее простым и выгодным способом.

Именно Борис Буглак однажды познакомил отца с могущественным чиновником из Москвы Юрием Ивановичем Лобовым. Тот был большим начальником в Курортторге — главке, ведающем торговлей в курортных городах СССР. Лобов был высоким дородным мужчиной. Держался с большим достоинством, говорил размеренно, что придавало его словам дополнительную значимость.

С начальниками такого уровня всегда надо держать ухо востро. Никогда точно не знаешь, чем дело обернется. Общение с этой категорией людей напоминает рыбалку. Повезет — выудишь щуку, не повезет — тщедушного пескаря.

Одеваться Лобов умел: темный твидовый костюм, белая сорочка, яркий галстук, в нагрудном кармане щегольский платочек — ни дать ни взять герой западной киноленты.

Каждый раз он начинал с того, что хвалил Кисловодск: — У вас мягкий климат. Одно удовольствие дышать этим воздухом. А жить-то как хорошо...

— Секрет в том, — рассмеялся Боря Буглак, — что все жители этого города считают себя безнадежными грешниками.

Лобов удивленно поднял брови.

— Мягкий климат развращает. Что людям остается делать? — с хитрецей в глазах пояснил Борис.

— Спиваться, — хохотнул Лобов.

— Только если они дураки, — возразил Эрзол. — Умные самоотверженно вкалывают на себя. — Он сделал паузу, предоставляя Лобову время осмыслить намек.

— Мне нравится Кисловодск, — откликнулся Лобов. — Это самый привлекательный город в предгорье Кавказа. Генерал Ермолов сто лет назад знал, что делал.

— Да, и в Кисловодск и Ессентуки круглый год набивается больше народу, чем в трамвай в час пик, — поддержал разговор Борис.

— Спорить не буду, летом сюда попасть — безнадежное дело, — согласился Лобов. — Если вы, конечно, не секретарь обкома.

— Суть в том, что Кисловодск хорош сам по себе, — вернулся Эрзол к прерванной мысли. — Ни один курорт не сравнится с нашим старым добрым городом.

— И я подозреваю, — откликнулся Лобов, — что каждый житель в нем полон задумок, как сделать что-то необычное...

— А при наличии хороших составляющих из замысла выйдет потрясающая польза, — вклинился Буглак. — В общем, Эрзол, прав или нет, я знаю одно...

— Отдыхающие готовы тратить свои честно заработанные на всю катушку, — перебил его Эрзол как бы между прочим. — Вы же отдохали здесь, — обратился он к Лобову. — Видели своими глазами, что и как происходит. На второй день после приезда люди начинают прикидывать, на что бы еще спустить скопленное за год.

— Так отчего же не решить проблемы граждан? С грандиозным масштабом. Правильно думаю, товарищи? — Лобов расхохотался.

Эрзол замер. Лицо его покрылось испариной. Неужели удастся расшевелить этот сонный город?

— За вашу супругу, Юрий Иванович! — произнес он, вставая.

Московский гость поморщился.

— Что это ты о ней заговорил?

— Наверняка знает толк в моде, — ответил Эрзол.

Буглак и Лобов переглянулись.

Юрий Иванович кивнул.

— Это единственное, в чем она разбирается. Как куда еду, целый поминальник с собой дает. Это купи, то купи. Сюда зайди, туда зайди. Недавно был в Париже... — гость выдержал паузу, предлагая собеседникам оценить недосыгаемость места, которое он посетил. — Так она попросила меня шинели привезти.

— «Шанель»... — поправил гостя Борис.

— Я сразу и не сообразил, — рассмеялся Юрий Иванович. — Дырку в голове мне просверлила! «Привези мне эту шинель». А где я ее возьму?

— И что, привезли? — вежливо поинтересовался Эрзол.

— Какое там! Во-первых, сплошные совещания. Во-вторых, шагу одному ступить нельзя. Тут же куратор с Лубянки под локоток. Привез ей из Парижа ручку, да и ту на совещании выдали! Так она меня чуть со свету не сжила за то, что я ей эту шинель не привез! Вот такие дела.

Мужчины засмеялись.

Застолье еще продолжалось некоторое время.

А на следующий день Эрзол передал Юрию Ивановичу презент.

— Это для вашей супруги, — сказал он просто.

Московский начальник молча схватил пакет и победоносно пошел дальше по делам.

Эрзол обернулся к Борису — похлопал по плечу и сказал:

— Ну, посмотрим, какой клев будет.

— Ты о чем, Леша?

— Идейка одна родилась. — Эрзол хитро прищурился.

Прошел день. И к нему на работу заглянул Буглак.

— Приходи вечером в ресторан. Лобов хочет увидеться.

Встречи чаще всего проходили в ресторане «Чайка», которым к тому времени руководил Исай Адамов. За короткий срок он умудрился сменить должность директора двух затрапезных столовок на заведующего рестораном. Да каким!

Этот ресторан был похож на него самого — небольшой, уютный, управляемый волей человека, от взгляда которого ничто не могло укрыться.

К назначенному часу в ресторан пришли Эрзол с Борисом. Лобов не стал долго ходить вокруг да около.

— Спасибо тебе за подарок, — произнес московский чиновник. — Жена в восторге.

— А что? — удивился Буглак и посмотрел на Эрзола.

Тот сидел с непроницаемым лицом.

— Как ты узнал, что она искала именно такое?.. — вместо ответа спросил Лобов. — Из-за бугра привезли?

— Нет. Наше производство. Обычное платье.

— Обычное?! — усмехнулся Юрий Иванович. — Не морочь мне голову. Не хуже той самой «Шанели» будет, что я привезти хотел. Супруга осталась довольна. Да она сама сейчас здесь будет! Спасибо скажет.

Юрий Иванович посмотрел на часы. В ту же минуту на пороге ресторана «Чайка» появилась женщина. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что она принадлежала к высшему свету, если можно было так назвать советскую элиту. Неземной красоты и изящества

дама подошла к их столику, официант услужливо подставил ей стул.

Красавица села, приветливо протянула руку Эрзолу.

— Спасибо вам за подарок. Право, я не поверила, что такое могут шить у нас. А муж утверждал, что вы это откуда-то привозите.

— Да нет. Сами шьем, — повторил Эрзол.

— А выглядит будто из-за кордона, — женщина мило улыbnулась и склонила прекрасную головку влево, словно указывая на тот самый «кордон». — Вы просто молодец. Крой не подделаешь.

Эрзол кивнул.

— У меня есть помощники.

— А где вы этому учились?

— У своего отца... В Махачкале... Это Дагестан. В принципе мы можем наладить массовое производство платьев такого уровня. И не только платьев, но и мужских костюмов.

— Отличная идея, — кивнул Лобов.

— И вашей жене не придется ездить в Париж.

— А вот это плохо, — рассмеялся Лобов. — Совсем без Парижа нельзя. Без Парижа женщина совсем расстроится.

— Тогда только как туристка. Но не за платьями. Такие платья мы сами можем производить!

Юрий Иванович Лобов стал серьезным.

— Интересно-интересно. Что для этого надо?

— Ваше разрешение.

— Что требуется разрешить? — теперь и Лобов слушал серьезно.

— Цех... При Курортторге. Будем шить костюмы там.

— А материал где возьмете?

— У меня, — отозвался Борис Буглак. — Вы знаете, Юрий Иванович, сколько хорошего материала гниет на наших базах?

— Догадываюсь! — вздохнул собеседник. — И в чем причина?

— Потому что дорого. Или некрасиво. Или плохого качества. А мы шьем из хороших тканей по хорошим лекалам. Будем делать вещи не хуже этой Европы. Понимаете?

— Не пройдет, — скептически хмыкнул Лобов. — Вы знаете, сколько согласований надо на вашу затею? Нужно выбить фонды. А это выход на Главк, он без Госплана тоже ничего решать не будет. Сотни вопросов возникнут. Мол, что это за умельцы такие?

— А мы без фондов, — хитро сказал Бабаев.

— Как же без фондов?

— Будем брать неликвид. У нас в ателье мастера из чего угодно костюмы пошьют.

— Без фондов? — задумчиво произнес московский чиновник, посмотрев на своего друга Буглака. — Без фондов можно... Только нужна лицензия на продажу.

— Именно, — выдохнул Эрзол.

— Ну, тогда по рукам, — хлопнул по столу Лобов. — Разрешение на открытие цеха при Курортторге вы получите.

Через месяц на стол товарища Кузнецова, управляющего кисловодским Промторгом, легло постановление, подписанное лично Юрием Ивановичем Лобовым. В Кисловодском торге создавался цех по пошиву трикотажных и иных изделий. Начальником цеха назначался Бабаев Алексей Наумович.

Цех, названный им «по переработке неликвидов», на самом деле шил изделия, которые моментально улетали с прилавков. Причина была проста — уценка. Это было золотое правило советской торговли. Безукоризненно работала гнилая философия: «что дешевле, то лучше». Но для продукции, выходившей из це-

хов Эрзола Бабаева, дешевизна не означала отсутствие высокого качества: на него работали лучшие закройщики города.

XLIII

Была обычная суббота. Эрзол и Валя только позавтракали. Они сидели на веранде и строили планы на день. Но тут выбежала из дома Хаво с перекосенным лицом.

— Исаея арестовали, только что звонила Лиза.

Валя замерла.

— Я знал, что рано или поздно это случится, — пробормотал Эрзол.

Чтобы понять, что случилось с Исаем, надо рассказать предысторию вопроса.

Спустя пару лет после появления Исаея в Кисловодске он стал директором «Чайки», самого известного ресторана в нашем городе. Там прошли самые счастливые годы его карьеры.

При Исае «Чайка» стала чем-то вроде городского талисмана. Расположенное почти в центре города заведение считалось образцом обслуживания.

К нему ходили завсегдатаи, в основном городские дельцы. И не потому, что просто хотели поесть: гости знали, что в заведении Исаю получают именно то, что заслуживали, — уважение и участие.

Обычные посетители в нем чувствовали себя большими людьми, важные чиновники — вершителями судеб, а деловые люди просто наслаждались той атмосферой, которую создал для них предприимчивый Исай.

При этой роскошной точке общепита имелась своя футбольная команда, которую также содержал Исай. У игроков была своя экипировка, за команду выступал звездный футболист Алик — брат Эрзола, которого тот устроил работать к Исаю поваром. Впрочем, поварская должность Алика была чистой формальностью.

Но все это являлось видимой частью айсберга. «Чайка» представляла собой империю. По всему городу действовали ее «колонии» — маленькие кафешки, которые открывались под эгидой ресторана. У каждого такого заведения имелся свой директор, но бухгалтерия была единой. Вся выручка стекалась в ресторан и уже оттуда уходила в городскую казну. Именно на этом и держалась финансовая империя Исаю.

Внешне он напоминал Наполеона. Так же, как французский гений, задира голову и был уверен с собственной значимости. Больше всего на свете он любил произносить речи. Удивительно точно и метко выступал на собраниях, подготавливал длинные доклады о победе социализма и других вещах, которые Эрзол всегда пропускал мимо ушей.

Как-то Жора Тумасян, армянин, ученик повара в ресторане Исаю, вместе с другом украли с ресторанного склада полбочки икры. Вечно голодные парнишки шестнадцатилетних семнадцати лет не смогли устоять перед соблазном сытно поесть.

Парней задержали по заявлению завскладом «Чайки». В момент их ареста Исай в городе не было. Расследование прошло стремительно.

Вел дознание молоденький лейтенант, мечтавший проявить себя с лучшей стороны и повысить уровень раскрываемости преступлений в районе.

— По десять лет лагерей вам светит. Понятно? Напишите чистосердечное, будет вам ходатайство в суд о сотрудничестве. Получите меньше...

Лейтенант не задумывался о том, что он ломал судьбы совсем молодых ребят.

В момент, когда задержанные уже обмакивали перья в чернильницы, чтобы подписать признания, дверь в кабинет неожиданно распахнулась. На пороге возник Исай Адамов.

Яростно посмотрел на лейтенанта и вошел в кабинет. В его взгляде сквозило презрение, брезгливость, а еще торжество победителя. Незванный гость обвел взглядом помещение.

— Можете себе представить, — со смешком произнес Исай, поглядывая на лейтенанта. — Ваше начальство решило, что этим соплякам пора покинуть кабинет.

— Это с какой стати? — спросил лейтенант, который не понимал, что происходило.

— Сразу видно, что о вас никто не заботится. Не общает о решениях. Я поговорил с вашим начальством, — Исай назвал имя, которое в городе значило очень много. — Дело будет закрыто.

— Они украл икру и практически сознались в преступлении. — На лице лейтенанта вновь появилось выражение озабоченности, словно он был начинающим шахматистом, которому предстояло сыграть сеанс одновременной игры сразу с двумя гроссмейстерами международного класса.

— В наши дни, молодой человек, все очень относительно, — по-отечески мягко произнес Исай.

— Они признались... — настаивал лейтенант.

Исай вопросительно посмотрел на офицера, потом перевел взгляд на Жору Тумасяна и его друга.

— Почти признались...

Исай расхохотался.

— Вы ошиблись! И знаете почему? Я директор ресторана «Чайка». Между прочим, я не представился: меня зовут Исай Адамов.

— Я вас знаю, — пробормотал лейтенант.

— Так вот, я заявляю, что никакой кражи не было.

— Была.

— А я утверждаю, что не было. И покончим с формальностями. Я уйду и уведу этих двух сопляков с собой.

Лейтенант замер, не зная, что предпринять. Его рука потянулась к телефону и вдруг остановилась на полпути. Видимо, он понял, что проиграл эту битву.

— Если начальство приказало... то ступайте.

Мальчишки вскочили и на ватных ногах вышли из кабинета.

— Так-то лучше, — миролюбиво заметил Исай и протянул лейтенанту руку. Тот с отвращением ее пожал.

И Исай с гордо поднятой головой покинул кабинет районного следователя.

Пацаны поджидали его на улице.

Они молча двинулись прочь от отделения милиции. Так, в полном молчании, прошли квартал или полтора, и вдруг Исай разразился хохотом. Прохожие даже останавливались, удивленно глядя на него.

— Ой, я не могу. Я ведь практически взял лейтенанта на понт. — Страх промелькнул на лицах юношей. — Не волнуйтесь. У его начальника я был на самом деле.

Исай опять залился хохотом.

— Ты помнишь его лицо?

Веселье Исай передалось Жоре, потом его другу. Через секунду все трое гоготали. Они указывали друг на друга пальцами и мычали сквозь смех: «А как он на вас посмотрел...»

— Я думал, он сейчас обделается со страху...

На следующий день кладовщица, которая обнаружила пропажу и подняла тревогу, была уволена, а двое поварят переведены в разряд поваров.

Больше о той икре никто в ресторане не вспоминал, словно ничего не произошло. С той поры парни были преданы своему директору, как родному отцу.

Почему Исай так поступил? Что им двигало? Может, свою роль сыграло то, что Исай был фанатом футбола, а двое его помощников повара прекрасно проявили себя как игроки его команды. И кладовщицу он уволил вовсе не потому, чтобы отомстить за пацанов, просто ее неумеренное любопытство и попытки совать нос не в свои дела уже давно злили Исайа... А тут представился случай решить все проблемы сразу. Поступи он иначе, это был бы не Исай Адамов.

Он был почти всемогущ в городе. Он хорошо знал первого секретаря партии Мураховского, привечал в своем ресторане самых уважаемых людей города и без увеличения мог считать себя человеком, которому было по плечу обойти даже Уголовный кодекс. Это Исайа в итоге и погубило.

В одной из кафешек, работавших под его началом, директором была одна незаурядная особа — весьма привлекательная дама, обладавшая еле уловимым шармом, который не удавалось сразу распознать, но который ощущался, как аромат духов после расставания. При внешности роко-

вой красавицы с ближайшего рынка она была не лишена деловой жилки.

Она принадлежала к тому типу женщин, которые тащат все в дом. Так она тащила-тащила, да и пробила хорошую дыру в «запасном парашюте» Исай — попросту говоря, в черной кассе, которая позволяла Адамову всегда оставаться на плаву. Когда Исай понял, что его обворовывают, гневу его не было предела. Он тоже «брал», но брал у государства, а эта стерва крала у Исай.

Голодные мальчишки и зажавшаяся заведующая были для него, как говорят в Одессе, двумя большими разницами.

Он предупредил кого надо в городской администрации и тут же незамедлительно уволил проштрафившуюся заведующую. Покидая свое кресло, оскорбленная подчиненная Исай якобы пообещала: «Еще посмотрим, кто кого!»

Исай взбесился от такой наглости. Он захотел проучить тетку: не просто уволить, а уволить с треском, по уголовной статье.

— Понимаешь, — говорил он своему знакомому прокурору, — либо я, либо она. Третьего не дано.

— Остынь, чем она тебе не угодила, — пробовал тот его образумить.

— Тебе этого не понять. И что она обо мне подумает? Что у меня кишка тонка?! — взорвался Исай. — Это не вариант. Она меня обманула. Она обманула наше государство. Я буду выглядеть посмешищем в глазах деловых людей, если оставлю все, как есть... Кто я после этого буду? Если обычная завкафе будет меня обманывать?! Нет, этому не бывать.

— Ну, смотри сам, — ответил друг. — Мы тебе поможем, но на твоём месте я бы с такой стервой не связывался.

Исай упрямо мотнул головой.

В итоге против бывшей заведующей завели дело, и Исай успокоился. Тут-то его и поджидал коварный удар. У хищной блондинки нашлись влиятельные друзья в Москве. Она рассказала им об Исаевых теневых схемах. Ее с пониманием выслушали. Нужные люди оказались и в системе ОБХСС. В результате из Москвы в Кисловодск отправили следователя по особым поручениям.

Так закрутился маховик дела.

Друзей Исаия из местных органов строго предупредили, что, если они хотя бы словечко разболтают, их повяжут вместе. Поэтому все молчали, пока столичные следователи копали. Исай ни о чем не догадывался. «В этом городе мне ничего не грозит», — повторял он не раз. И когда над его головой грянул гром, просто не поверил своим ушам.

— Берут на испуг, — бросил он Эрзолу.

И тут же кинулся к своим друзьям-прокурорам, попросил их уладить дело. Более того, подключил к этому и самого Эрзола. И тому, и другому пообещали, попросили не волноваться, а потом неожиданно выяснилось, что никто ничем помочь не мог.

Дело курировали из Москвы, и это было серьезно. В столичных кабинетах люди ждали повышения, может быть, премии, потому что дело было плевое, все карты открыты, виновный найден.

Другой на месте Исаия стал бы «горьким реалистом», но тот продолжал парить в облаках. Он не мог поверить, что его кто бы то ни было мог свалить в Кисловодске! Тем более его бывшая подчиненная... Ему просто требовалось время, чтобы выйти на нужных людей. Надеялся где-нибудь отсидеться, а там обязательно найдется кто-то покруче этих деловых из Москвы. Тот, кто сможет все уладить.

«Покой и время, покой и время», — повторял он, словно заклинание. Вот две вещи, которые были для него нужнее, чем воздух.

— Я что-нибудь придумаю, Эрзол, — говорил он нашему отцу. — Вот увидишь. Мне только время дай. Не будешь же ты говорить, что ничего нельзя исправить. Дело не настолько серьезное. Я кого-нибудь найду.

— Где будешь отсиживаться? — спросил Эрзол хмуро.

— Для начала у тебя.

— У меня?..

— А что, тебе не нравится?

— Да нет, ничего, — Эрзол равнодушно хмыкнул, как будто Исай попросил о безделице. — И сколько ты думаешь у меня прятаться?

— Пока в Москве не помогут.

— Ты не понимаешь всю серьезность положения! — Эрзол сделал паузу. — Подумай хорошо, где ты будешь отсиживаться. Ко мне придут в первую очередь.

Исай только молча кивнул.

Однажды утром в дом Бабаевых постучали. Хаво открыла дверь: на пороге стояли люди в форме.

Хаво поджала губы, как всегда, когда была чем-то недовольна, но не собиралась уступать ни грана из того, что с таким трудом завоевала.

— Здравствуйте, гражданочка! Разрешите пройти, — сказал один из стражей порядка.

— Бумага есть? По какому праву? — спросила она строго.

Пока она ходила за очками, пробовала прочесть документ, который был для нее не читаем, Исай успел махнуть задами через огород в тот самый овраг, который начинался сразу за участком. Нехожеными тропами по берегу реки ушел в безопасное место, где его никто никогда не сыскал бы.

Бригада следователей тогда обшарила весь дом. Хаво, как хорошая актриса, ходила и причитала, что

люди совсем стыд потеряли, на соседей напраслину возводят.

— Нет у нас никакого Исяя! Ну и что, что муж дочери? У него свой ум есть.

В итоге оперативники ушли от Бабаевых не солоно хлебавши. Исай еще некоторое время прятался в Кисловодске, потом он пробрался в Москву и стал там жить по общежитиям для командировочных. С помощью знакомых по чужим документам устроился в тихой неприметной гостинице на окраине столицы. Действовал, как опытный конспиратор. Лизе были оставлены подробные инструкции, что следовало отвечать, если в дом заявятся сыщики. «Где муж, не знаю! Вам он нужен, вы его и ищите. Мне он не сказал, куда уехал». Такой был человек. Со стороны его жизнь напоминала приключенческий роман...

Друзья Исяя в скором времени передали Лизе, где он прятался. Не раз и не два она навещала мужа в Москве, следуя всем его хитроумным инструкциям. Приезжая в Москву, никогда сразу не ехала по нужному адресу, а часами прогуливалась по магазинам, изображая провинциалку, которая пыталась отовариться сразу всем на свете.

Исай все еще жил надеждой, что сможет что-то переломить в ходе следствия, спустить дело на тормозах. Эта мысль сидела в нем занозой.

Вот и в этот раз ему понадобились какие-то документы по ресторану «Чайка». Все это напоминало игру в русскую рулетку, но он передал Лизе весточку, чтобы она привезла в Москву какие-то бумаги.

Лизой двигала странная логика. Иногда она поражалась собственному спокойствию. Впрочем, с ее мужем следовало быть всегда готовой ко всему. Его судьба была полна самых неожиданных поворотов. И каждый раз Исай

оказывался на гребне волны. Неужели теперь может быть иначе? Она в это не верила.

— Фарт, фарт и еще раз фарт, — повторял про себя Исай.

Вот и в тот день, бродя по ГУМу, пытаясь заметить, не следил ли кто за ней, Лиза поймала себя на мысли, что уже почти ничего не боялась. На смену испугу пришла бодрость, словно все это не имело к ней никакого отношения.

Лиза походила еще по улицам, почувствовала, что замерзла. Можно было уже отправляться в гостиницу. Она вошла в метро, доехала до нужной станции, потом на троллейбусе — до гостиницы. Прошла мимо администратора, сухо кивнув. Ее никто не остановил. Не спросил, к кому она шла. Лиза облегченно вздохнула.

Постучала условленным стуком в дверь. На пороге показался Исай.

Молча обнял жену.

— Как добралась?

— Нормально?

— Никто за тобой не шел? Проверяла?

— А то как же. Все, как ты велел.

— Умничка, — Исай поцеловал Лизу.

— Как тебе здесь? — спросила она, оглядывая крошечный номер.

— Нормально. Как дома? Какие новости? Рассказывай, — и тут же, не дожидаясь, добавил: — Ты похудела немного. Вот подожди, скоро все это закончится. Поедем на юг отдыхать.

— Да на какой еще юг?

Исай загадочно пожал плечами. Потом улыбнулся.

— На какой захочешь. Деньги есть.

Так они сидели и разговаривали... Исай позвонил дежурной, заказал чай и кофе. Через какое-то время в дверь постучали.

Исай поднялся.

— Вот и чай. Подожди, сейчас продолжим.

Он открыл дверь... Из коридора потянуло легким запахом дефицитного растворимого кофе.

Перед ним стояли двое мужчин. Исай успел заметить за их спинами еще четверых.

Рефлексы сработали быстрее, чем мозг. Он всем телом навалился на дверь, пытаясь ее захлопнуть. Ему это почти удалось. Оставался лишь сантиметр зора...

Лиза услышала странный шум и выглянула из комнаты.

Исай изо всех сил напрягся, пытаясь захлопнуть дверь, лицо его было красным от натуги. И тут снаружи ударили так, что он отлетел на середину комнаты. В номер ввалились незнакомцы.

— Исай! — закричала Лиза что есть мочи.

Милиционеры тут же накинулись на ее мужа. Исай повалили на пол. Все остальное было простой формальностью.

Вошла горничная, но уже без кофе, за ней вторая. Старший из оперов в синем плаще представил их как понятых, они быстро подписали все необходимые бумаги, и Исай увели.

Последнее, что он услышал, был Лизин крик:

— Исай, прости меня! Я не хотела.

Винил ли он Лизу в роковом финале? Возможно. Как бы то ни было, на этом его партизанская эпопея закончилась.

И был суд. И было торжество советской справедливости. Исай признали виновным и осудили на семь лет колонии.

Была ли это кара небес за беды нашей матери или роковое стечение обстоятельств? С точки зрения рядового обывателя, все выглядело как простая месть той самой заведующей, которую Исай задумал посадить. А на самом деле кто знает?

В итоге Исаю этапировали в Архангельск. Эрзол несколько раз туда ездил. Но вот что значит деятельная натура! Даже в тюрьме Исай не пропал. Организовал художественную самодеятельность, собрал из зэков хор, если не такой профессиональный, как хор имени Пятницкого, так, по крайней мере такой же громкий. И через полсрока смог выйти по условно-досрочному.

Можно сказать, что в тюрьме он приобрел иной опыт, и ничто дурное не коснулось его души. Во всяком случае после освобождения он предстал пред друзьями и родственниками прежним: неугомонным, предприимчивым и с массой невероятных идей.

XLIV

Тем временем мы подрастали, заставляя нашего отца все чаще задумываться о нашем будущем. О том, чтобы позволить нам сделать самостоятельный выбор, даже речи не заходило. Уверенным в чем-то можно быть, только если делаешь это сам. Поэтому, кем стать его детям, Эрзол тоже решал сам.

Однажды в дружеской компании Леня Буглак представил нашему отцу высокого представительного мужчину:

— Знакомься, Стас Беляков.

Эрзолу Стас сразу понравился. Он был ректором филиала Всесоюзного заочного института советской торговли. К тому же прекрасно играл на гитаре.

Знакомство быстро переросло в приятельство.

Это была компания людей, которых связывали общие интересы: Леня Боднев, Стас Беляков, Борис Буглак. Они встречались так часто, как позволяли им дела. Их посиделки трудно было назвать отдыхом, ибо, развлекаясь, они продолжали решать деловые вопросы.

Именно во время одной из таких встреч Стас и узнал, что у Эрзола нет высшего образования.

— Это правда? — спросил Стас, вытаскивая жирную маслину из банки.

Эрзол кивнул.

Глаза Стаса округлились.

— Это ты зря. Ты уже вырос. Такими делами ворочаешь! Тебе надо иметь высшее образование.

— У меня аттестата о среднем даже нет, — сказал Эрзол так, словно хвастался.

Он не стеснялся признаваться в своих недостатках, умея даже из них извлечь выгоду.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Это непорядок! — рубанул Стас. — Иди поступай в вечернюю школу. Получишь аттестат, а потом ко мне. И все будет в ажуре. А еще лучше, если бы и в партию вступил... — Стас сделал паузу. — Понимаешь? Ты производственник, тебе в партию легче вступить, пока номенклатурой не стал. Кстати, чтобы ею стать, опять же надо иметь партбилет. Просто необходимо...

Отец отмахнулся. Но мысль о возможном продвижении вверх в нем засела крепко.

Через какое-то время в компании друзей Стас снова завел разговор:

— Посмотри, твои друзья все у меня учатся!

Это был вызов и призыв к действию. Действительно, половина из тех, кого знал Эрзол, учились в заочном институте у Стаса Беякова. Надо прямо сказать, эти люди тянулись не столько к знаниям, они у них уже были, — по крайней мере в своей профессии, — сколько к должностям, которые в те годы требовали обязательного наличия диплома о высшем образовании.

— Поступишь, и все будет, как надо, — твердил Стас.

В итоге Эрзол пошел в вечернюю школу. Решиться на это требовалось определенное мужество, хотя за партами там было немало таких же, как он, переростков. Война у их поколения отняла возможность учиться.

Вместе с собой Эрзол посадил за парту и Валю. Она была нужна ему как талисман, как палочка-выручалочка, да и просто за компанию. Не сидеть же одному! Иначе зачем женщины?

Валя на все безропотно соглашалась, хотя у нее уже был аттестат о среднем образовании.

XLV

С той поры отец по-новому стал смотреть и на образование своих детей.

Каждое воскресенье мы по очереди подходили к его креслу, в котором он восседал, словно строгий судья, и подавали свои дневники с оценками. Перед тем как отправиться «на ковер», мы желали друг другу удачи. Тяжелее всех приходилось Гене, который учился все так же плохо.

Но в десятом классе пришла пора и Славе испытать горечь отцовских упреков. Правда, не столько из-за успеваемости, сколько из-за планов отца. Как-то в разговоре со Стасом Беляковым тот обронил фразу, что если у Славы будет золотая медаль, то ему не составит труда поступить в Краснодарский политехнический на факультет виноделия.

Именно тогда в голове отца и созрел план.

Однако оценки в дневнике Славы красноречиво говорили о том, что парень на золотую медаль самостоятельно не вытянет. Это была чистая правда.

— Тебе надо поднажать, а то не выиграешь, — говорил отец Славе, когда, случалось, обнаруживал у него в дневнике четверки.

Старший сын учился неплохо, но для медали требовалось еще лучше.

Эрзол не стал мучить Славу обучением в дневной школе. Отец сделал ход конем — договорился о переводе сына в вечернюю школу, которую сам оканчивал. Слава сдал все экзамены на «отлично» и вышел из вечерней школы с золотой медалью.

В тот день Слава чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Когда он показывал отцу свой аттестат, его взгляд красноречиво говорил: «Папа, я сделал так, как ты хотел».

Отец был доволен.

Ничто так не окрыляет в молодости, как похвала кумира. А то, что отец был для нас кумиром, сомневаться не приходится. Мы его боготворили.

Теперь, когда Слава выиграл первый раунд, ему стало казаться, что все позади.

Но не тут-то было.

Итак, отец выбрал для Славы винодельческий факультет. Эрзол не понаслышке знал о заработках директоров винных заводов и посчитал, что обеспечил лучшее будущее для своего старшего сына.

Слава никогда не пытался спорить с отцом. Когда он сидел перед ним, ноги и руки его словно наливались свинцом, а мысли улетучивались. Советы отца всегда воспринимались как приказ, обсуждать который было бессмысленно.

Что не получилось в тот раз у отца с институтом, неизвестно. Но только золотого медалиста Славу на первом же экзамене «срезали» — поставили четверку. Пульсирую-

щая боль пронзила Эрзола, когда он узнал об этом. В этой боли было все — и нежелание отказываться от своих далеко идущих планов, и ощущение, что его предали. И он был не готов с этим смириться. Если ему и суждено стать неудачником, то только не в этом случае...

Он слушал голос Вали, которая объясняла ему, что Слава не виноват, и не верил своим ушам. Такого не могло быть. Его военный поход не должен был закончиться поражением. Как громко кричали вороны, предрекавшие победу... Значит, все еще можно было исправить.

Он так расхваливал успехи своего сына, что заставил друзей поверить в то, что Слава справится сам, без его и их помощи. И вдруг осечка. Требовалась срочная помощь. Несмотря на то что была уже поздняя ночь, Эрзол позвонил своему другу Стасу Белякову и рассказал о промахе.

— Это надо исправить, — твердил он. — Тут просто недоразумение, понимаешь? Мальчик может учиться.

Беляков пообещал отцу, что сделает все возможное, обратится к ректору Краснодарского политехнического, и все будет в ажуре. Эрзол может успокоиться.

Стас выполнил свое обещание. Включил все рычаги, остальные экзамены Слава сдал, как надо, и старшего сына Эрзола Бабаева зачислили на факультет виноделия.

Так впервые в жизни Слава оказался вне дома, предоставленный сам себе и коварной «свободе». Я с нетерпением ожидал своей очереди.

XLVI

Отец решил, что будет хорошо, если оба сына поступят учиться в один вуз. Но мне он выбрал другую специальность. Меня он решил определить на факультет «Технологии консервирования». В ту пору это было перспективным направлением, которое переживало бурный подъем.

Я пошел учиться в выпускной десятый класс, а отец отправился на прием к директору. Его интересовал только один вопрос: шансы его сына на золотую медаль. К визиту Эрзола Бабаева в школе отнеслись с пониманием: директор прервал урок и уединился с важным посетителем.

— Посмотрим, какие дела у Игоря, — сказал он, открывая журнал успеваемости.

Учитель стал водить пальцем по строчкам, что-то подсчитывая в уме. Внешне он напоминал доктора, который готовился вынести вердикт безнадежному пациенту.

— Все понятно, — сказал директор и снял очки. — Нужно подтянуть несколько предметов: математику,

русский язык и химию. И могу вас уверить, у вашего сына все будет в порядке.

Эрзол умел быть благодарным и делал для директора и его школы буквально все. Он обшивал учителей, помогал деньгами, дарил подарки, лишь бы только для его второго сына были созданы тепличные условия.

Вечером того дня, когда отец разговаривал с директором, он позвал меня, усадил напротив и сказал:

— Сынок, иди и выжми из себя все, что можно. Ты должен получить золотую медаль.

Однако в словах отца я расслышал не только ласковое обещание. В них крылась угроза. И я взялся за учебу из-за отчаяния. Я вдруг почувствовал желание учиться. На языке психологов это называется мотивацией.

Репетитором русского языка стала начинающая школьная учительница словесности Анастасия Ефимовна. Она долго не соглашалась брать у Эрзола Бабаева деньги, но отец настоял. Он это умел.

Словесница проводила занятия в своем доме-развалюхе — обычном кисловодском жилье. Я проходил в кухню, просторную, пропахшую борщом, антрацитом и дымом, и садился у окна — учить правила. На полу и беленых стенах дрожали солнечные блики.

С русским языком было все более-менее нормально. А вот сочинения по литературе, особенно по русской классике: Пушкину, Лермонтову, Толстому, Гоголю — все это надо было серьезно подтягивать...

В наших занятиях было еще одно затруднение. Токи и флюиды, исходившие от молодой учительницы, мешали мне сосредоточиться. Я смотрел на ее лицо и думал, кто ее такой создал. Как можно было придумать такие красивые черты?

Ей едва исполнилось двадцать пять. Она была небольшого роста, хорошо сложена, с нежным личиком. Правда, руки у нее были крупноватые. Рыжие волосы она собира-

ла в пучок. Глядя на нее, я думал, что красивее женщины еще не видел.

Боже мой, если бы Анастасия Ефимовна знала, как я в нее тогда был влюблен! Когда она смотрела на меня, я словно проваливался в омут и забывал обо всех суффиксах и спряжениях. Не понимаю, как шестнадцатилетний пацан при этом умудрялся усвоить знания. Я уже подзабыл правила, которым она меня учила, а вот она сама не уходит из памяти.

Перед всеми моими репетиторами отец поставил одну цель — сын должен окончить школу с золотой медалью.

Самым уязвимым местом оставалась химия. Экзамен по этому предмету был обязательным в Краснодарском политехе. Может быть, поэтому репетитором по химии отец выбрал совершенно неожиданного человека — гения в своей области.

Он был инвалидом — не мог ходить. В Кисловодск его доставили на коляске. Что с ним произошло, мы не знали. Говорили, что до «катастрофы», — как взрослые называли причину заболевания химика, — он работал в научно-исследовательском институте, там и получил дозу радиоактивного облучения. После этого у мужчины отнялись ноги.

У химика было вытянутое узкое лицо, тонкие бескровные губы и большие черные глаза, в которых сквозила тоска человека, знающего, что он может умереть в любую секунду. Знакомые моего учителя говорили о нем с восхищением. Он буквально жил своей наукой.

В наш город его привела вера в местного знахаря, который лечил все болезни пчелиным ядом.

Как на химика вышел отец, я не знаю. Эрзол однажды сообщил мне, что педагог найден. Да какой: москвич! Одно это поднимало его авторитет в глазах провинциального мальчика. Но главным было то, что он, как хороший

нападающий, умел «обвести» нас вокруг нашей же лени и заставить полюбить свой предмет.

В его пересказе химия была тайной, к которой он общал ученика. Все, что до того казалось скучным и непонятным — строение вещества, понятие валентности, химическая формула бензольного кольца, — вдруг стало интересным.

Иногда мне хотелось убежать из той траншеи, куда загнала меня отцовская воля, — траншеи сыновнего послушания. Но, как солдат, выполняющий свою воинскую повинность, я знал, что от нее не отвертеться. Я всегда слышал строгий голос отца, который спрашивал меня: «Все ли силы я отдал тому, чему стоило их отдать?»

Правда, иногда настигал и страх поражения. И тогда с бьющимся сердцем я вылетал из «окопа», бежал с пацанами играть в футбол, в «секу» и мечтал о немыслимой свободе, которая никак не приходила.

XLVII

Школьные экзамены, когда пришла пора, я сдал на «отлично», кроме сочинения. Тут Анастасия Ефимовна оказалась бессильна. Мне все-таки поставили четверку. Тем не менее серебряная медаль была у меня в кармане, и отца я все же не подвел.

За месяц до сдачи вступительных экзаменов меня и Валентину, которая была приставлена присматривать за мной, отправили в Краснодар.

Отец позаботился, чтобы мы с ней ни в чем не нуждались. Поселились сначала на квартире его друга Стаса Белякова — ректора филиала Всесоюзного заочного института советской торговли. Так я впервые увидел, как жили другие люди. Это напоминало ситуацию, как будто всю жизнь ты болел за «Спартак» и вдруг неожиданно оказался на трибуне с болельщиками «Динамо». В нашем доме гость всегда был священной фигурой. Гостям предназначалось и повышенное внимание к его просьбам хозяйки

дома, и лучшие блюда и кушания во время застолья. Для них готовились яства, за них поднимались тосты. Иногда мне кажется, свершения отца не в последнюю очередь были рассчитаны на то, чтобы поразить друзей и вызвать их одобрительные возгласы.

В доме Стаса Белякова все шло по-другому. Главными были, семья и хозяин дома... Все остальное было вторичным. Каждый вечер его жена готовила потрясающие блюда, но вовсе не потому, что они ждали кого-то к ужину, а чтобы порадовать самих себя, включая главу семьи.

Тогда-то я и узнал, что, оказывается, гость не всегда значит так много, как было заведено у отца. И хотя мы остановились в доме Белякова на короткий срок, урок я усвоил на всю жизнь.

Весь месяц, готовясь к вступительным экзаменам, я провел, как в кошмарном сне. И пошел на первый экзамен по химии с поднятым забралом, слепо веря в свою планиду и гениального репетитора.

В аудитории, в которой уже сидели остальные абитуриенты, царил благоговейная тишина. Председатель экзаменационной комиссии — пожилая преподавательница — ласково мне улыбнулась и предложила тянуть билет. Вдохнув, я вытащил наугад полоску бумаги. Пробежал глазами, посмотрел на членов комиссии и, чеканя слова, произнес:

— Я готов отвечать.

Ученые мужи переглянулись. Педагог слева ласково улыбнулся и сказал:

— Вы можете идти готовиться. У вас есть время.

— Я буду отвечать сразу, — повторил я.

— Без подготовки? — переспросила председатель комиссии.

— Без, — подтвердил я.

— Подумайте, молодой человек. Вас никто не торопит.

— Не делайте себе хуже.

Похоже, они все задались целью отговорить меня от-
вечать.

— В этом нет необходимости, — настаивал я. —
Я готов.

Члены экзаменационной комиссии переглянулись,
председатель пожала плечами с видом палача, которого
приговоренный умоляет побыстрее закончить казнь.

— Ну что ж, воля ваша.

Я встал перед ними и начал шпарить все, что знал.
Когда я замолчал, экзаменаторы переглянулись. С таким
здесь нечасто сталкивались. По их лицам было件нятно,
что я победил. Из аудитории я выходил, чувствуя, как
за моей спиной трепетали невидимые крылья.

— Ну что? — бросилась ко мне Валя, вся пунцовая
от переживаний.

Я выдержал драматическую паузу, потом счастливо
улыбнулся.

— Пятерка!

Так состоялось мое поступление.

На следующий день мы с Валентиной отправились
в Сочи. Это была наша награда за хороший результат. Там
меня уже дожидались отец, Слава и остальные члены се-
мейства.

Черноморье пробуждает аппетит к жизни. Каждый
ищет там особых радостей. Туда приезжают почти все
с одной целью: расслабиться, может, закрутить курортный
роман.

В первый же день ближе к вечеру мы решили прогу-
ляться. Набережная дышала покоем и остатками дневного
зноя.

— Устал? — неожиданно спросил меня отец.

— Немного!

— Через два дня забудешь.

Минут пять мы шли молча.

— Правда, здорово? — спросил отец.

— Что?

— Ощущать победу?

Я подумал.

— Очень!

— Тогда пойдем праздновать.

Мое зачисление в институт мы отмечали в ресторане «Ахун», который принадлежал Мише Гельману. За окном бушевало роскошное лето, окрашенное во все оттенки желтого. Свои нотки в палитру вносили заходящее солнце, увядающая зелень, даже загар курортников. И в черной коре эвкалиптов виделись солнечные отблески. Жизнь торжествовала, и люди не могли не откликнуться на это чудо. Друзья отца Леня Боднев и Стас Беляков, Валентина, мои братья, какие-то мужчины и женщины, которых я ни разу до того не видел, сидели за столом и радовались торжественному моменту. Этот вечер запечатлелся в памяти как символ безбрежного счастья. Друзья отца поздравляли Эрзола, как будто это он сдал все экзамены на «отлично». В каком-то смысле это действительно была победа отца.

Посреди празднества Эрзол негромко обратился ко мне:

— Ты должен был победить, и ты победил.

— Если по-честному, то я старался, пап.

— Я это видел, — Эрзол посмотрел на меня одобрительно.

В этом жесте было больше похвалы и благодарности, чем в десятке речей, что произносились за праздничным столом. Мне вдруг захотелось рассказать ему, чего мне стоило выдержать вступительное испытание.

— Когда начался экзамен по химии, я пошел отвечать сразу, даже не попросив времени на подготовку. Папа, они

этого не ожидали. Другие готовились по два часа, а я справился минут за пятнадцать.

Отец с гордостью посмотрел на меня.

— Так и надо, сын. — Потом одобрительно похлопал меня по спине. — Запомни: если хочешь чего-то добиться, выжимай себя досуха.

На следующий день после торжества отец повел всю нашу шумную компанию в валютную «Березку». Тогда это был недостижимый для большинства «оазис гнивающего Запада» — мечта советского человека, место, где можно было купить абсолютно все. Подарок он решил сделать каждому, даже Валентине, что, зная о его принципах, было необычно.

У меня глаза разбегались. Что взять? Я посмотрел за окно. Вдали плескалось синее море... И выбор был сделан: фирменные плавки, которыми тогда могли похвастаться очень немногие. Оно и понятно. В стране сатиновых трусов нижнее белье не выдерживало никакой критики.

А потом был прогретый солнцем пляж и внимание девчонок — награда иного сорта, мимо которой никто из Бабаевых-мужчин пройти не мог.

Вечером отец опять повел нас в ресторан Миши Гельмана. Он был дотошным и рачительным хозяином и вникал во все мелочи: проверял скатерти, насколько те были чистыми; смотрел, правильно ли сервировали столы; строго присматривал за официантками.

Одевался Миша, как денди, видимо, все в той же «Березке». Носил модные солнечные очки и каждый вечер появлялся в новых, привлекая к себе всеобщее внимание.

Мы сидели в его ресторане большой шумной компанией. К отцу все время подходили поздороваться незнакомые нам, детям, люди, выражали свое почтение. С каждым Эрзол перекидывался парой-тройкой слов.

Мы все это замечали и запоминали. Тот вечер стал первым, когда отец посчитал, что мы достигли того возраста, когда нас пора вводить в бесконечный круг своих знакомых и приятелей. Эту церемонию он называл началом выстраивания нашей карьеры.

Однако вернемся к Мише Гельману. Когда к нему приходили его друзья, в частности, наш отец, Миша был само радушие. Он знал, по какому поводу мы собрались, и все время трепал меня по плечу и подначивал.

— Как поживает будущий крупный деятель советской торговли?

Я молча краснел. Никаким деятелем я себя не ощущал.

В тот вечер Миша снял свои очки, внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Тебя ждет большое будущее. Помани мои слова. Устроенные дети — это счастье родителей! Поймешь, когда своими обзаведешься.

И тут общий неспешный разговор прервал отец. Он поднялся с бокалом шампанского, и за столом сразу воцарилась тишина.

У отца было несколько таких фраз, с которых он начинал каждый свой тост. Это не было правилом. Это был спасательный круг, который он бросал всеобщему застолью.

— Поймите меня правильно, выслушайте меня внимательно, — начал Эрзол. — Я хотел бы по пять капель на каждый зуб за... — И отец стал говорить о своих друзьях... Это была великая речь. — Наше единение, наша дружба как никогда сильны, так же, как и наша способность помогать друг другу в ответственные минуты жизни. Я хотел бы поднять тост за нашего друга Стаса Беякова, который делает очень много для тех, кто учится. Наверное, скоро я и сам стану его студентом, и это для меня тоже повод для большой гордости, когда в одном городе, в одном крае будут учиться два моих сына и я сам.

Может быть, впервые в жизни Эрзол чувствовал себя успокоенным. Все, к чему он шел, свершалось так, как он того хотел. И это было лучшей наградой.

XLVIII

Поступление в институт ознаменовало конец целой эпохи — моего детства. Начиналась почти взрослая жизнь. Ни школы, ни футбола, ни отца, ни Хаво... Только мы со Славой.

Мы с братом впервые оказались вне стен дома. Лекции, семинары, конспекты... Все это было увлекательно и романтично, как легкий аромат французского одеколона. Учеба не была для нас тяжелой, многое схватывали на лету. Чего не понимали, разбирали с педагогами. Нам помогали и нас опекали.

Отец благодаря Стасу Белякову завел знакомство с ректором политеха Яковом Дмитриевичем Рудаковым, знаменитым в Краснодаре человеком. Уроженец Донбасса, он начал свою карьеру в тридцатых годах секретарем комитета комсомола металлургического завода имени Кирова в Макеевке — городе, который теперь на карте не сы-

скать. Потом судьба занесла его в Махачкалу, где он работал главным механиком нефтяного треста.

Рудаков трудился в должности директора тепловой электростанции, когда ему поступило неожиданное предложение стать ректором Краснодарского политехнического института.

Отец, не обременяя нас своим присутствием и предоставив свободу действий, старался контролировать ситуацию и прийти на помощь, если таковая понадобилась бы. Единственное, что вызвало наше негодование, — он не разрешил нам поселиться в общежитии, где царил вольный дух студенческой жизни вдали от родителей со всеми вытекающими последствиями. Отец снял квартиру в центре города, неподалеку от института, и мы стали жить там.

Само жилье досталось почти случайно. Ее предложил Стас Беляков. Он был в почтенном возрасте, что не мешало ему иметь молодую любовницу — диктора местного телевидения Галину. У той было две квартиры. В одной жили они с мамой, другую сдавала.

Именно тогда, узнав, что мы намерены поселиться в общежитии, Стас и сказал приятелю:

— Зачем твоим ребятам в общежитии мучиться, когда есть квартира! Для тебя это копейки...

Мы увидели Галину, когда вместе с отцом поехали смотреть будущее жилье. Красавица! Отец, выждав момент, шепнул Стасу:

— Хороша девица.

Стас погрозил пальцем: мол, не смей!

— Обижаешь, — рассмеялся Эрзол.

Что касалось наличных денег, то он не спешил нас баловать — выделял небольшую сумму, чтобы мы сытно питались. И ни копейки сверху на всякого рода соблазны. Он считал, что дармовые деньги расслабляют, заставляют терять ориентир, лишают воли и желания развиваться.

Деньги нам все же требовались, и мы с братом решили начать самостоятельно зарабатывать. Я делал контрольные работы отстающим студентам, Слава подрабатывал каким-то другим способом.

В шестнадцать-семнадцать лет мы, практически еще дети, ничего не знающие о скрытых в нас способностях, учились тому, что отец называл «изюминкой жизни»: уметь разглядеть то, что лежит на поверхности, но остается не замеченным другими, и сделать так, чтобы обнаруженная возможность приносила нам пользу. Мы учились избавляться от жалости к себе, проявляя волю и характер так же, как и наш отец.

Конечно, помимо учебы и зарабатывания средств нас влекли и неизбежные спутники молодости: танцы, девушки, первые романтические свидания.

Сначала эта сторона жизни завладела мыслями Славы. На первых курсах института он влюбился. Брат был видным парнем. Боксер с фигурой атлета — девчонкам он очень нравился. А ему пришлось по душе наша соседка Зоя, дочь полковника, жившая в квартире на одной лестничной площадке с нашей... Он поднимался по лестнице, а она спускалась, читая книгу. Встреча их была неизбежна. Слава заглянул в голубые глаза девушки и утонул в них. Глядя на нее, Слава чувствовал себя пьяным. Он потерял голову, лишился дара речи.

Это чувство напоминало спуск с вершины горы по снежной трассе, когда от восторга захватывает дух. В юности любая страсть возвышает и делает тебя сильнее.

Само собой разумеется, за случайной встречей последовали свидания, прогулки под луной, чуть позже — поцелуи в подъезде.

Вполне возможно, так бы и продолжалось, но неожиданно полковник, отец Зои, уехал в дальнюю командировку, и девушка оказалась предоставлена сама себе.

Молодые люди не выдержали этого искушения и бросились нагонять упущенное время.

Не скучал и я, получив в свое распоряжение всю квартиру.

Так начиналась наша студенческая молодость.

XLIX

Мой отец не зря стремился вывести нас в люди, мечтал, чтобы мы получили высшее образование. Он вообще ценил науку, хотя бы только в прикладном значении этого слова. Высшее образование позволяло ему подняться на тот уровень, где он мог бы развернуться во всю ширь своего предпринимательского таланта. И Эрзол поставил перед собой цель: получить высшее образование.

К тому времени они с Валею окончили вечернюю школу, и Эрзол получил аттестат зрелости. Это стало очередной взятой высотой. Теперь он мог идти дальше.

Как и ожидалось, Эрзол поступил в Краснодарский филиал Всесоюзного заочного института советской торговли. Вместе с отцом пошла учиться и Валентина.

В этом учебном заведении образование получала специфическая публика. В Москве головное здание вуза находилось в двух остановках автобуса от станции метро

«Речной вокзал». Местные жители всегда удивлялись, когда два раза в год (в институте проходили зимние и летние сессии) резко менялся контингент пассажиров городского транспорта. В такие периоды салоны автобусов вдруг заполнялись женщинами и мужчинами в дорогих одеждах, которых было не купить в магазине. Это ехали на учебу работники сферы торговли. Примерно та же картина наблюдалась и в Краснодаре.

Краснодарский филиал отец и Валентина окончили, особо не утруждая себя учебой. Все — педагоги института в первую очередь — прекрасно понимали, что для таких практиков, как Эрзол Бабаев, учеба — это необходимая, но все же формальность. Все, что ему требовалось, он уже знал и кого угодно сам научить мог бы. А с тем, что диплом о высшем образовании был необходимым атрибутом, никто не спорил.

Эрзол в меру сил помогал преподавателям решить ту или иную бытовую проблему и в ответ получал послабления во время зачетов и экзаменов.

Экзамены он сдавал по всему югу России — во всех филиалах ВЗИСТА: Орджоникидзе, Ростов, Курск, Волгоград. И всегда с ним рядом находилась Валентина.

После получения диплома о высшем образовании отец вступил в КПСС. Теперь у него было все необходимое для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. Эрзол не мог не понимать, что слова о светлом будущем — это пустые фразы. Заработать не умели, а рассуждали о процветании...

Весь его жизненный опыт доказывал, что миром правили и будут править ум и сила. Он хорошо понимал, что для достижения высокого положения в обществе еврею надо быть в десять раз умнее и сильнее, чем другим. И он старался.

L

Конец весны обычно знаменовал собой начало танцевального сезона.

Городской парк культуры в Краснодаре в ту пору был местом народных гуляний, хотя собирались здесь в основном студенты и местная шпана. Идти туда следовало парням чуть поддатými, для куража.

Танцы устраивали по субботам и воскресеньям. Приезжал какой-нибудь ансамбль, приходили подростки, набегала шпана и студенты. Кто-то хотел найти девушку своей мечты, а кто-то хотел приятно провести время.

Начало мероприятия обычно ознаменовывалось тем, что на всех дорожках, ведущих к танцплощадке, появлялось множество девушек в нарядных платьях и обязательно с платочками на шеях. Парни одевались, по тогдашней моде очень живописно: кто в шароварах и рубашках, кто в брюках и тельняшках навывпуск.

Как заведено, барышни стреляли глазами в сторону кавалеров — присматривали партнера в танцах. Не тушевались и ребята. Я старался выбрать самых красивых девушек. Наверное, подсознательно чувствовал некое превосходство. В чем оно заключалось, я толком не мог объяснить, просто понимал, что оно есть.

Моей избранницей стала симпатичная блондинка. У нее были большие карие глаза, смотревшие на мир озорно и с любопытством.

...Мы встречались уже неделю. О своих прошлых романах девушка ничего не рассказывала, словно ее жизнь до нашей встречи была чистым листом бумаги.

— Давай пройдемся по Красной, — однажды предложила она.

Была такая улица в Краснодаре.

Каждое слово, произнесенное ее нежным голосом, отзывалось у меня в душе сладкой песней.

Мы неспешно прогуливались, когда вдруг наперерез нам двинулся парень из тех, о которых говорят: «в брюках клеш и финский нож».

— Отойдем, поговорить надо, — сказал он, кривовато ухмыльнувшись.

В стороне стояли еще трое таких же, с нагловатыми ухмылками. Не похоже было, чтобы они собирались о чем-то разговаривать. Не успел и глазом моргнуть, как последовал удар в челюсть, и я уже лежал на земле. Парни присоединились к избиению. Надо сказать, они выбрали довольно убедительный способ общаться. И красноречие тут было бессильно.

— Может, мне кто-нибудь расскажет, за что?

— Хочешь узнать, — ухмыльнулся главный, верзила под метр девяносто, — приходи в субботу на танцы. Там тебе объяснят.

Они молчали, готовые к новой схватке.

— Хорошо, — пробормотал я.

Я оглянулся. Девушки и след простыл. Чертыхаясь и зажимая окровавленный нос рукой, пошел домой. Рассказал все брату.

— У нее кто-то был до тебя? — спросил Слава, выслушав мою историю.

— Говорила, что свободна.

— Наверняка у нее что-то было с одним из этих козлов.

— Может быть. — Разбитая скула отозвалась ноющей болью. — Короче, они назначили стрелку в следующую субботу на танцах.

Слава махнул рукой:

— Забудь! Зачем они тебе нужны?

На этом разговор закончился.

Я пошел спать. Мысли о том, что меня избили и обидчики не получают отпора, были мучительнее, чем боль в заживающих ссадинах. Эти парни задели мою гордость. Мечтания о мести были приятными, смелыми и манящими.

Отказ от встречи был равнозначен поражению. Пусть уж лучше изобьют. В итоге я собрал команду из десяти-пятнадцати человек.

Страшно мне было в пятницу, а в субботу вечером я успокоился. Мы с друзьями собрались в условленном месте и отправились на танцы, где нас поджидала такая же, как наша, компания обидчиков. Я шел к ним и слышал, как гулко билось в груди мое сердце. Лицо верзилы исказила уже виденная мной ухмылочка.

Остановились напротив друг друга. Я его сознательно провоцировал на удар.

— Ну что? — спросил я. — Объяснимся?

Не успел закончить фразу, как почувствовал, что куда-то лечу. И тут я услышал Славин голос:

— Теперь со мной поговори.

Славка появился неожиданно, словно где-то неподалеку поджидал начало драки.

— Ты кто такой? — изумленно спросил верзила.

— Брат, — Слава кивнул в мою сторону.

— Ах, брат!.. Братик твой улетел, и ты сейчас там будешь.

— Всем отойти в сторону, — вдруг закричал Слава так, что даже видавшие виды мужики струхнули. — Один на один будем...

Шпана расступилась, образовав полукруг.

Их главарь, еще ничего не понимая, оценивающе смерил Славу взглядом. Сердце брата горело огнем. Глаза его превратились в две щели. Ему надо было только поймать противника полновесным ударом правой в скулу — такой удар мог повалить даже быка.

Верзила кинулся первым. Слава увернулся. Он был терпелив. Кружил вокруг врага, не удаляясь и не приближаясь, ожидая, когда последует очередной удар. А парень бил наотмашь, со всей дури, сам не понимая, что выматывает себя, сбивая дыхание и постоянно промазывая. Вдруг он сделал рывок. Слава увернулся и в ту же секунду выбросил вперед левую руку. Он сделал это инстинктивно, снизу вверх, и противник даже не успел среагировать. Я услышал только треск — то ли костей, то ли зубов.

Парень нелепо дернулся, застыл, и Слава провел серию коротких ударов по корпусу. Верзила начал сгибаться. Вокруг собирались зеваки. Поднялся шум-гам.

Когда лицо рябого стало напоминать кровавое месиво, мужики бросились к Славе с криком:

— Остановись! Ты его убьешь!

Трое или четверо попытались скрутить брата. Не сразу, но им это удалось. Драка закончилась.

Зеваки, недовольные быстрым окончанием зрелища, потянулись на танцевальную площадку. Я подошел к Славе.

— Ты зачем сюда приперся?! — рявкнул он на меня. — Я же сказал тебе: не ходи, забьют!

Я только пожал плечами. Не прийти я не мог. Мы молча пошли домой. Мой нос был разбит, но нас не покидало ощущение пойманной удачи.

— Ты как там появился? — спросил я, когда мы уже были дома.

— Да я не поверил, что ты успокоишься, — ответил Слава. — Знал, что ты настырный. Вот и решил пойти следом проконтролировать.

Мне оставалось только улыбнуться. И это был один из самых важных уроков братской любви, который подарила нам молодость.

ЛИ

Мы учились в Краснодаре, и об этом стало известно нашей матери. Здесь жил ее родной брат Захар Абрамов, который перебрался сюда из Махачкалы. Он завел семью, женился на русской, открыл свое ателье. Точнее ателье было государственным, и он занимал должность заведующего, что по тем временам подразумевало, что он распоряжался числившимися там людьми и всем имуществом, как будто заведение было его собственным. Соответственно у него водились кое-какие деньги, и он слыл успешным человеком, хотя, конечно, его дело и сравнивать нельзя было с размахом Эрзола.

Каждый раз, приезжая в Краснодар, мать останавливалась у брата. От него же она узнавала последние новости. Он, сколько мог, старался материально поддерживать ее. Захара отличало и то, что он никогда не вмешивался в чужие дела и не обсуждал острые темы. Про себя он считал,

что Турунж не повезло с замужеством, она просто вышла не за того парня. Но раз поделаться с этим ничего было нельзя, то следовало все забыть, а не бередить рану. Мы считали Захара идеальным дядей.

Однажды утром я опаздывал на лекцию и чуть не бегом выскочил из дома. Если автобус уйдет без меня, то провести мне занятие за дверью аудитории, что было совсем некстати. На автобусной остановке меня окликнула бедно одетая женщина:

— Сыно-о-ок! — она бросилась ко мне.

Передо мной стояла Турунж. Я даже не сразу узнал ее. Постаревшая, погрузневшая. Под глазами темные круги. Она стояла и ласково улыбалась.

У меня от неожиданности запылали уши.

— Сынок!.. — повторила чуть слышно Турунж и сделала шаг навстречу.

— Ты как здесь... оказалась?.. Слушай, я в институт спешу...

Турунж поняла, что я чувствовал себя не в своей тарелке. Ее как будто ударили по лицу. Сердце ее остановилось, а потом бешено застучало. Ноги стали ватными, но она постаралась не подать вида, что ей совсем худо.

— Я у Захара остановилась... — сказала она. — Просто проведать вас со Славиком приехала. Вот, это вам, — она протянула корзинку, которую держала в руке.

Я почти умоляюще проговорил:

— Ну не надо! У нас все есть. Оставь это себе. Я тебя прошу! Не приезжай просто так, без предупреждения, не карауль нас, хорошо? И не вози ничего. У нас все есть. Спешу... Если опоздаю на лекцию, ругать будут. Увидимся в другой раз, ага?!

Турунж замерла, ей казалось, что если она сделает хоть одно движение, то рухнет на землю. Не такой в ее

мечтах должна была стать эта встреча. Ей-то всего и надо было, чтобы сын ее обнял да поцеловал. Но этого не произошло.

— Слава дома... Слушай, я не буду ждать автобуса, пешком пойду. Опаздываю сильно... — Я повернулся и пошел от остановки, а потом не выдержал — побежал что было сил. А наша мама так и осталась стоять, не понимая, что ей делать.

Вечером Турунж все-таки пришла ненадолго к нам со Славой. Мы посидели, поговорили, обменялись дежурными фразами:

— Как дела?

— Все хорошо.

— А у тебя?

— Тоже нормально.

И разошлись. Говорить больше было не о чем.

Турунж приезжала к нам несколько раз, пока мы учились в Краснодаре. Она стремилась хоть одним глазком увидеть своих сыновей. О большем она, наверное, и сама не мечтала. Мы этого не понимали.

Турунж часто видела своих детей во сне. Практически каждый день. И всегда они были маленькими. Играли в песочнице, шалили дома на ковре. Иногда падали, начинали плакать. Она пробовала им помочь, вскакивала, но никогда не могла прийти на выручку. Она порывалась бежать, а на ее пути вставали преграды, хотела подойти — руки и ноги оказывались опутанными какими-то сетями, из которых она не могла выбраться. И тогда она начинала кричать, громко, не по-человечески. И тут же стены рушились перед ней, закрывая от нее детей...

С годами дети стали для нее просто прекрасным воспоминанием, сказочными персонажами. Какими-то мифическими сыновьями и дочкой. Турунж знала, что они у нее

есть, но до них она не могла ни дотянуться, ни ощутить их тепло и ласку.

Она нас поджидала чаще всего на улице, когда мы спешили в институт, но мы стеснялись ее бедности, болезненности, странности... Стеснялись того, что она была одета в четыре платья — одно на другое — во все, что имела.

И мы были глухи к ее любви.

Впоследствии каждый раз, когда мы эти моменты вспоминали, нам становилось не по себе. Но тогда что мы понимали? Вчерашние подростки, только-только вступавшие в жизнь, мы по-прежнему считали мать чужим человеком, больной женщиной. Мы не могли понять степень страданий ее истерзанной души.

Когда мы ее встречали, то перед нами как будто вставал образ отца, который вложил в нас всю душу, деньги. Мы считали себя не вправе предавать его, понимая под предательством то, что им и быть не могло, — крупицу тепла, которого ждала от нас наша мама.

И каждый раз, когда я об этом вспоминаю, хочется крикнуть: «ПРОСТИ НАС, МАМА, ПРОСТИ!»

LII

Секретарь горкома партии товарищ Мураховский отвечал за идеологию в городе Кисловодске. Он тратил на него столько же времени и сил, сколько парфюмер на создание легендарного аромата. Однажды, выглянув утром из окна своего дома, он с удивлением увидел, как напротив, — как раз там, где располагались заброшенные склады Старого рынка, сутились люди в спецовках и желтых касках. Точно муравьи, они кружили вокруг полуразвалившихся складов, перетаскивая из грузовиков банки с красками.

Строительный сектор не входил в ведение Мураховского, но, будучи секретарем по идеологии, он в определенной степени чувствовал себя ответственным за все душевные порывы жителей города, к которым, безусловно, относились и строительные проекты.

Мураховский кинулся к телефону, как утопающий бросается к спасательному кругу, и набрал номер.

— Алло, Мураховский говорит. Сан-Саных, скажи мне, что за стройка на Старом рынке идет? С чьего ведома и что они строят?!

На другом конце провода что-то забулькало. Мураховский брезгливо посмотрел на трубку и выдохнул:

— Жду, доложишь.

Через десять минут телефон зазвонил. Мураховский отработанным движением подхватил трубку.

— Цех? Какой цех? Кто дал разрешение? — Он встал. — Почему я не знаю?! С кем согласовано? Прекратить!

Секретарь бросил трубку на рычаг телефона и недовольно вернулся за стол. Аппетит пропал начисто. Он еще пробовал ковырять вилкой в тарелке, но делал это по инерции. Обеспокоенная жена отошла от окна и под села к мужу поближе. Обычно ее полный бюст действовал на самочувствие Мураховского благотворно.

— Дорогой, что стряслось?

Мураховский отложил вилку.

— Это ненадолго, дорогая. Просто... — Мураховский задумался. — В нашем городе что-то происходит. Не могу понять что... Какая-то стройка идет, а я не знаю, кто и зачем ее начал? Если «сверху»? — Он возвел глаза к потолку. — Если сверху — это ничего! — произнес он уважительно. — Но почему я как секретарь горкома об этом не знаю? Или я больше не секретарь?

Глаза супруги расширились.

— Как? Ты не секретарь?

— Сплюнь! Я секретарь! Но... — и Мураховский снова посмотрел на потолок. — Что-то я недопонимаю, — прошептал он.

— Ты должен что-то предпринять, — тоже шепнула в ответ супруга. Она считала, что умные слова лучше произносить тихо, тогда на них обращают больше внимания.

Мураховский кивнул. Его лоб прорезали три морщины. Благодарная супруга пододвинула к нему тарелку с борщом. Когда он был съеден, Мураховский снова подошел к окну. Движение техники на Старом рынке прекратилось. Секретарь удовлетворенно икнул.

— Затихли! — победно возвестил он жене.

— Я же говорила! Значит, ты все-таки секретарь, — сказала та, восхищенная мужественным поступком своего супруга.

Всю ночь товарищ Мураховский видел сладкие сны, но под утро был разбужен грохотом строительной техники. Он подбежал к окну и увидел, что недалеко от его дома огромный экскаватор копал землю, будто голодная собака рылась в поисках костей. Дрожащей рукой Мураховский схватился за телефон.

— По какому праву? — закричал он.

Мужской голос объяснил ему, что стройка идет на объектах, подведомственных московскому главку Курортснаба.

Сердце у Мураховского упало, и он тоскливо поморщился.

— Это по распоряжению из Москвы, — прошептал он улыбавшейся жене. — Что-то в городе происходит. Или произойдет.

Жена охнула и посмотрела на кастрюлю с красным борщом, которая сиротливо застыла на белоснежной газовой плите, привезенной из Финляндии.

— Надо позвонить председателю горисполкома, — сказал вдруг Мураховский.

Все это время первый помощник Эрзола, закройщик Юра Лисовец, безвылазно сидел в городской библиотеке, срисовывая из доступных зарубежных журналов мод фасоны новых мужских и женских костюмов.

На перестройку заброшенных складов у Эрзола ушел почти месяц.

Сам он бегал между Домом быта и Старым рынком. Один из вечеров потратил на неожиданный визит к своему старому знакомому — директору швейного ПТУ Иосифу Петровичу Петухову.

Иосиф Петрович, мужчина лет пятидесяти, даже дома ходил в пиджаке и галстуке. У них с женой была традиция, которой они следовали вне зависимости от погоды и времени года, — пить чай из самовара на веранде.

Встреча проходила по раз и навсегда заведенному ритуалу. Обменявшись ничего не значащими фразами с хозяйкой, Эрзол смотрел на цветущий сад, который скрывал обитателей дома от любопытных глаз. Затем мужчины переходили к обсуждению последней игры «Локомотив» — «Спартак». Спор о нападающих ненадолго отвлекал их от самых насущных проблем швейных ателье — нехватки мастеров и их поголовной бестолковости. В этой теме, как и в футболе, мужчины были экспертами.

— Петрович, мне девочки твои нужны, — неожиданно выпалил Эрзол.

Директор открыл рот и опасливо посмотрел на жену.

— Зачем? — понизив голос, спросил он, рисуя в уме картины одна другой скабрешней.

— Мастерицы нужны, — тоже перешел на шепот Эрзол. — Толковые. Цех у меня открывается.

— Какой цех?

— По пошиву неликвида. Я его на Старом рынке хочу построить.

— Ах, вона ты куда. — Петрович, который отращивал острую бородку в подражание Феликсу Дзержинскому, затряс ею в беззвучном смехе. — Ты моих девочек знаешь. Бери любую.

— Мне одна не нужна. Мне целый выпуск нужен. Ну как, по рукам?

— А чего же не по рукам. Пиши от себя заявку, сделаем распределение. Только оклад им приличный положи.

— У меня от выработки премия идет. Чем больше пошьют, тем больше получат.

Мужчины еще о чем-то поговорили, потом Эрзол раскланялся и стал собираться домой. Довольный, он шел по вечернему городу, весело насвистывая «Тореадор, смелее в бой». Проблема с кадрами для цеха была решена. У Эрзола даже кровь закипала при мысли об этом. Эх!

На следующий день Эрзол Бабаев явился к председателю горисполкома и написал заявление с просьбой разрешить сделать пристройку к новому цеху на Старом рынке. Секретарша, принимая заявление, хмыкнула.

— У председателя совещание, никого принять не сможет. Но вы, Алексей Наумович, заявление оставьте, я передам.

Бабаев галантно улыбнулся и протянул девушке бумажный пакетик. Секретарша заинтригованно развернула его и достала красивый шелковый платок.

— Ох, Алексей Наумович, — расплылась она в улыбке, — умеете вы к девушкам подход найти.

— Какой же это подход? Это от чистого сердца.

— Чистое сердце и шелковый платочек радует, — пропела секретарша. — Очень приятно.

Она набросила платок на шею, подошла к зеркалу и стала себя рассматривать, бросая в отражении игривые взгляды на просителя-посетителя. Потом как бы невзначай подошла к Эрзолу вплотную.

— Тут вчера на совещании ваше имя упоминали. Я краем уха слышала. Товарищ Мураховский возмущался, кричал, кто это вам разрешил стройки в городе затевать?

Председатель исполкома его поддержал. В общем, вы меня не выдавайте, но, по-моему, вам придется подождать со строительством.

Эрзол внимательно выслушал, кивнул, благодаря за информацию, и тихо покинул приемную.

Через два часа он уже звонил Лобову в Москву.

— А-а, Алексей, рад слышать! Как идут дела в цехе?

— Я вашей жене кое-что из наших новых экспериментальных образцов передал.

— Спасибо, спасибо... — замурлыкали на том конце провода. — Получили. Было велено передать тебе слова огромной благодарности.

— Приятно слышать.

— Говори, зачем звонишь? Слышал, обижать тебя там стали?

— Да есть проблемка. Расширяться хотим, а разрешения на строительство не дают. Может, вы как-то поспособствуете?

— Ты имеешь в виду Григорьева? Председателя горисполкома? Я ему позвоню. Не волнуйся.

Эрзол благодарно вздохнул. Дело было за ответным ходом товарища Мураховского.

На следующий день отец опять зашел в приемную председателя горисполкома. Секретарша встретила его лучезарной улыбкой:

— Ах, галантный мужчина. А у меня для вас новости. Сергей Николаевич подписал ваше заявление. Можете продолжать стройку.

Не веря своим глазам, Эрзол взял бумагу, пробежал по ней глазами, и улыбка медленно сползла с его лица. На бумаге внизу размашистым почерком председателя была выведена резолюция: «Начинать только после согласования с архитектором города».

Эрзол помолчал, мысленно штурмуя последний бастион.

— Как скоро будет заседание по архитектурному благоустройству города? — спросил он помощницу председателя.

Та зашуршала бумагами и минуты через три благополучно вынырнула, держа в руках по две папки.

— Ближайшее через три месяца.

— Раньше решать нечего?

— Ну, вы же понимаете, Алексей Наумович. Комиссия по архитектурному градоустройству многочисленная. Чтобы всех собрать, надо договариваться. На это уходит по три месяца. Быстрее — никак.

— Понятно.

Прощавшись, Эрзол стремительно покинул приемную.

Помощница председателя сочувственно посмотрела ему вслед. Такой представительный мужчина, и вот надо же — без жены...

Эрзол играл в карты с друзьями на веранде дома бухгалтера.

— Что нового? — спросил Борис Буглак.

— Был в горисполкоме. Оставил заявление насчет пристройки к цеху.

— Каков ответ?

— Написали: «Согласовать с архитектором города».

— Так в чем проблема?

Эрзол сделал большой глоток пива.

— Проблема в том, что это случится только через три месяца, а цех нам нужен завтра.

— И что делать? — спросил Борис.

— Козырными ходить будем! — и Эрзол сбросил на стол туза.

На следующий день секретарю горкома Мураховскому стало плохо в рабочем кабинете. Врач «скорой» конста-

тировал предынфарктное состояние. Верного ленинца отправили в реанимацию.

На следующий день его перевели в обычное отделение, оттуда напрямик в санаторий. Повторный консилиум рекомендовал еще месяц восстановительного лечения в профилактории. В итоге секретарь горкома появился дома только через три месяца.

Мураховский вошел в родную квартиру. Боже мой, как же давно его здесь не было. Сладостная дрожь охватила все его тело, растроганный секретарь подошел к окну. Вид родной улицы согревал душу. Товарищ Мураховский задумчиво посмотрел во двор. Потом на Старый рынок и замер. Протер очки. Картинка так и не изменилась. Прямо посреди Старого рынка высилось двухэтажное фабричное здание. Новенькое, как будто с иголки, с отвратительно яркими стенами.

Лицо секретаря побагровело. Он потянулся к телефонной трубке.

— Тебе плохо? — ласково спросила жена.

— Нет, — прохрипел Мураховский. — Набирай номер. Жена, с трудом попадая пальцем в диск, набрала.

— Сан-Саных! Что за фабрика выросла у меня перед окном? Кто разрешил? В центре города! Выясните!

Секретарь бросил трубку. Через три минуты раздался звонок.

— Да, Сан-Саных! Кто построил? Бабаев!!! Цех по переработке неликвидов? — лицо Мураховского приобрело синюшный оттенок, голос сорвался на визг. — В горком его вызвать! Завтра же! Да как он смел?!

Он набрал в легкие побольше воздуха, чтобы вынести окончательный приговор, но тут на другом конце провода ему что-то сказали.

— Как?.. — ахнул он. Его лицо стало почти багровым. — Из самого ЦК разрешение?! А я и не расслышал,

связь такая плохая... — Мураховский сделал паузу. Посмотрел в окно. Даже очки снял. — Слушай, Сан-Саныч, я тут подумал, может, и не надо никого в горком вызывать. Может, прав Бабаев? Ты знаешь, я более внимательно рассмотрел. А ведь ничего цех смотрится. Прямо как жилой дом! Даже пейзаж украшает. Опять же пустырь исчез.

Мураховский осторожно положил трубку.

— Вот шельмец! — он вытер вспотевший лоб. — Ну шельмец, так шельмец! Без разрешения архитектора, без всего! Просто по звонку сверху. И что за связи у этого человека?!

А через несколько дней Эрзол столкнулся нос к носу с другом Мураховского — председателем горисполкома. Тот остановил его, покачал головой и произнес:

— Алексей, я же сказал — согласовать, а ты взял да выстроил. Тебе палец дай, а ты всю руку откусишь.

— Слушай, открой секрет, как тебе это удастся? — спросил Эрзола Борис Буглак, когда друзья опять резались в карты на веранде.

Друзья хитро переглянулись.

— Как бы не прищучили тебя!

— Да за что меня щучить? Я ведь ничего плохого не делаю.

— И мы так думаем! Можно сказать, не было бы тебя, ходил бы наш народ голым.

Все дружно расхохотались.

— Ну что? — поднял рюмку Эрзол. — За начало славных дел?

— За начало славных дел! — хором отозвались двое других.

Мужчины чокнулись.

Через пару дней, прогуливаясь неподалеку от цеха, Эрзол Бабаев наткнулся на лестницу за холмом, которая

вела вниз под землю. Заинтригованный, он сделал пару шагов вниз и наткнулся на металлическую дверь с надписью: «Осторожно, вход воспрещен». Это было городское бомбоубежище, оставшееся со времен войны.

— А ведь хороший склад может получиться! — воскликнул Эрзол.

Уже на следующий день он был на приеме у председателя горисполкома. Разговор занял не более двадцати минут. Из кабинета отец вышел, помахивая бумажкой — разрешением на аренду.

Напрасно городской военком протестовал, что в случае войны с Китаем весь город погибнет, потому что некуда будет спрятаться.

С Бабаевым ничего поделать было нельзя! Но на чем держалась его сила, никто из друзей так и не понял. Только отец знал секрет своего успеха. Но никому его не раскрывал.

LIII

Мы с братом успешно окончили первые курсы в институте. Отец продолжал опекать нас, периодически появляясь в Краснодаре.

Приходил он всегда с Валентиной. Она быстро собирала на стол, и мы часами рассказывали отцу о своем житье-бытье. Эрзол в такие минуты выглядел довольным. Сидел, внимательно слушал нас, часто с суровым и недоверчивым выражением лица, и лишь изредка улыбался, многозначительно приговаривая: «Ну ладно».

Валя незаметно сновала за нашими спинами, то ставя, то убирая тарелки со стола. За несколько часов пребывания в нашей холостяцкой квартире она каким-то непостижимым образом умудрялась наполнить ее домашним уютом.

Однажды, это было на третьем курсе, отец приехал к нам один. Молча вошел в квартиру, бросил в прихожей свой толстый портфель и прошел, не раздеваясь, в гостиную. Сел за стол.

— Чаю налей, — велел он.

Я пошел ставить чайник.

— А где Валя? — спросил я, понимая, что происходило что-то странное.

Отец отчего-то с яростью посмотрел на меня.

Разговор продолжился в обычном режиме. «Как дела, что нового в институте» и так далее. Но от нас не укрылось, что отцу было не по себе.

Вечером, когда он ушел и мы остались вдвоем, я спросил у Славы:

— Ты в курсе, что с Вале́й?

Тот настороженно посмотрел на меня, потом неопределенно пожал плечами.

— Я не понимаю твоих знаков! — вспыхнул я.

Слава поморщился.

— Они расстались, — сказал он.

— Как?! Одиннадцать лет вместе.

В ответ Слава снова пожал плечами. Больше мы об этом не говорили. Слава ушел к Зое, я занялся учебой. Но сосредоточиться на занятиях было трудно. Для меня Валя была второй мамой, очень близким человеком. Мне казалось, что я у нее ходил в любимцах... И вдруг ее не стало в нашей жизни. Это было равносильно предательству. Я еще не умел переносить подобные удары судьбы, и сильно горевал.

Я надеялся, что Валя с отцом помирятся, что все сказанное Славой окажется ошибкой, но дни проходили за днями, неделя за неделей, а Валя больше не приходила. И только тогда я понял: все, это навсегда.

То, что между ними произошло на самом деле, я узнал лишь годы спустя.

Летом Валя вдруг почувствовала, что с ней происходило что-то не то. Ее фигура заметно округлилась, что для

женщины в ее возрасте было досадно, и вдобавок ее начали одолевать неожиданные приступы слабости.

Сначала она все списала на простуду. Но шли дни, а слабость не проходила, к тому же дополнилась тошнотой. Валя всерьез забеспокоилась и пошла к врачу.

Пока молча смотрела на врача, мывшего руки перед осмотром, она вся изнервничалась. Ей мерещилось грозное: «тяжелая болезнь» или что-нибудь еще более ужасное. Но врач после осмотра вдруг весело взглянул на нее и бросил короткое:

— Поздравляю!

Валя опешила.

— С чем?

— Поздравляю вас, Валентина... — врач заглянул в историю болезни, выискивая отчество. — У вас будет ребенок.

Стены поплыли перед глазами. Если бы она не сидела, упала бы.

— Какой срок? — спросила она.

— Четвертый месяц.

Валя прикусила губу и, забыв попрощаться, вышла из кабинета. Домой к Эрзолу она идти не решилась. Пошла к матери.

— Я беременна, — с ходу выпалила она.

Мать всплеснула руками и тоже испугалась.

— Ты думаешь, Эрзол не разрешит?

— Не знаю. Наверное, привык, что от меня таких сюрпризов ждать нечего.

И в самом деле, за одиннадцать лет совместной жизни Эрзол перестал опасаться, что у него мог появиться еще один ребенок, и вдруг такое.

На следующий день на работе, она уловив момент, подошла к Эрзолу.

— Поговорить надо, — сказала она.

— Что такое? — буркнул тот.

— Я беременна.

— Как?! — Эрзол уставился на нее, словно она сообщила, что Луна упала на Землю.

— Третий месяц.

Валя замолчала, опустив голову, потом посмотрела на Эрзола.

— Ты чего такой? Убить, что ли, меня хочешь? Думаешь, я нарочно?

Что-то странное появлялось в глазах Эрзола по мере того, как он слышал Валины слова. К подобному он готов не был. В черных углях, вдруг заменивших его глаза, полыхало страдание, которое переходило в ярость. Он думал не о ее беременности, а о том, что она его обманула, сделала нечто такое, что ломало его планы... Но если это было так... Пламя взметнулось в его душе, но он его затушил невидимыми слезами. Эрзол прошелся по комнате.

— Ошибки быть не может?

— Да какая ошибка, бог с тобой, — вымученно улыбнулась Валя.

Больше Эрзол ничего не сказал, чувствуя, как в голове роились сотни вопросов, он вышел из кабинета.

Домой Эрзол вернулся мрачнее тучи. На кухне у плиты возилась Лиза, собираясь засунуть в печь огромную лепешку.

Она отставила противень, заметив, что на Эрзоле лица не было.

— Что с тобой?

Эрзол долго смотрел в окно, потом не выдержал, начал рассказывать. Лиза схватилась за голову.

— Да как она могла! Специально.... Захомутать тебя решила.

— Лиза, ты чего?

Реакция сестры изумила Эрзола, но слова о том, что Валя решила его «захомутать», вероятно, пали на благодатную почву.

— Она тебе не жена! — воскликнула Лиза. Глаза ее округлились. — Пусть аборт делает, нельзя допустить еще одного ребенка. Своих четверых еще не поднял.

Боль в затылке Эрзола вдруг усилилась, свет в комнате показался тусклым.

— Но срок уже слишком большой, кто возьмется это сделать?

— У тебя много знакомых, найди кого-нибудь.

— Может, мне на ней жениться?

Лиза замерла, словно в нее ударила молния.

— Ты с ума сошел. Скажи об этом матери, у нее разрыв сердца будет! — Лиза забегала по кухне. — Ты что делаешь? Нельзя каждый раз наступать на одни и те же грабли! Ведь тебя используют. Она должна была тебя предупредить.

Это было самым страшным словом для отца. Больше всего на свете он боялся, что его кто-то собирался использовать.

— К тому же она не еврейка, — выпалила Лиза.

Она все больше и больше волновалась. Еще ни разу она не говорила того, что думает. И вот теперь ее как будто прорвало.

В иной ситуации подобная реакция насторожила бы Эрзола. Но тут он и сам был готов с ней согласиться.

— Чем тебе сейчас плохо? — продолжала Лиза. — Нужна женщина? Пожалуйста, вот она, под боком. Бери! Пусть живет! Никто не гонит! Но в ЗАГС зачем идти? Это она захотела? Я сама с ней поговорю.

— Угомонись, — Эрзол хлопнул рукой по столу.

Лиза широко раскрыла глаза, будто брат в самом деле переступил какую-то черту.

— Уж лучше я умру, чем ты женишься!

Она выпалила это неожиданно, с такой яростью, что Эрзол вздрогнул. Это признание было словно применение запрещенного приема в борьбе, как удар псд дых, но... оно действовало.

Эрзол достал из буфета бутылку водки, налил себе полный стакан, выпил.

Попробовал читать газету. Там было все то же. Пятилетка за четыре года. Брежнев ведет переговоры с Цеденбалом. Все это так далеко от его жизни, от проблем, прервавших спокойное существование. Он опять вернулся на кухню, приготовил чай и стал пить: стакан за стаканом, все время о чем-то напряженно размышляя.

Глухое недовольство Валея все росло и росло в нем. Спустя одиннадцать лет он наконец почувствовал сильное желание расставить все точки над «і»!

На следующее утро в Доме быта он застал Валью, явившуюся раньше всех.

— Ты что, так и не уходил с работы? — тихо спросила она, войдя в его кабинет. Не дождалась ответа, взяла что-то со стола: какие-то лекала, заготовку, отрез ткани, — Эрзол даже не разглядел что, и повернулась, собираясь уйти.

— Останься, — еле слышно велел он ей.

Валю замерла.

— Зачем?

— Сядь, — приказал он. В голосе его звучали металлические нотки. — Я тут подумал о том, что ты мне вчера сказала. Тебе надо прервать беременность.

— Ты с ума сошел? На таком сроке аборт никто не делает.

— А я сказал: сделаешь, — с угрозой в голосе произнес Эрзол. — Захмутать меня хочешь? Мне этот выродок не нужен!

Валя вышла из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь. Это был тот самый миг, когда теряешь всю любовь.

Остаток рабочего дня она ни с кем не разговаривала, ни на кого не глядела. Только когда в цеху появлялся Эрзол, Валя как будто становилась меньше, словно незримая сила отталкивала ее прочь, за пределы его власти.

Накануне вечером Хаво и Лиза остались на кухне одни.

— Ты заметила, как она выглядит?

— Мама, ты о чем?

— Да все о том же. Валька... — первый раз Хаво назвала ее так. — Странно выглядит.

— Да вроде как всегда, — протянула Лиза.

— Что ты мне говоришь?! — раздраженно заметила Хаво. — У меня что, глаз нет. Ты на нее сама посмотри.

— Ты про что, мам?

— Ох, вы дети, дети... учи вас, не учи.... — начала раздражаться Хаво. — Ладно, проживем — увидим.

Она помолчала какое-то время, занятая своими делами. Потом вдруг повернулась к Лизе и сказала:

— А ты все-таки посмотри на Вальку. Что-то она пополнила. Понимаешь?

Лиза всплеснула руками и уставилась на Хаво.

— Да ты что...

Хаво возвела глаза к потолку.

— Мама, этого же быть не может. Я с ней раз об этом говорила. Она предохраняется.

— Ты мне это брось! Я что, разве что-то сказала? Посмотри сама, а потом скажешь, права я или нет... Это тебе не вывих. Так просто не вправишь.

Лиза помолчала, раздумывая над словами матери.

— Неужели она специально?

— Не знаю, что я могу думать? Для вас разве слово матери закон?! Я просто вижу и говорю, понятно? — Хаво

загремела кастрюлями. — Одиннадцать лет вместе. Шутка ли... Что у нее там на уме делается, кто знает?

И когда на следующий день брат сказал о беременности Валентины, Лиза взорвалась. Ее позиция по отношению к будущему ребенку Валентины была непримирима. Хаво могла оказывать помощь русским, могла быть с ними мила, но она ни за что в жизни не согласилась бы смешать с ними кровь своего рода. Так гласил закон ее предков.

Валя мыкалась дня два, а потом сама нашла врача через знакомых. Когда Эрзол сказал: «Мне этот выродок не нужен», он убил в ней все чувства к нему, надежду на будущее.

В назначенный час Валентина пришла на подпольную квартиру. Она чувствовала себя утомленной, не способной сделать ни одного движения рукой. Спроси ее тогда, на какой улице она находится, она и не ответила бы.

Домой она добиралась почти вслепую. У нее были деньги на такси, но, как назло, ни один частник не хотел ехать в ту глушь, где находился ее дом. Пришлось ждать рейсовый автобус. Она все вспоминала слова врача: «У вас была бы двойня... Мальчики».

Валя плохо помнила, как она добралась до дома. Открыла дверь и потеряла сознание в прихожей, насмерть перепугав свою мать.

Сколько пролежала в постели? Кажется, она потеряла счет дням. Видимо, ее надо было спасать после того, что с ней произошло, но это было некому сделать. Только ее мать зачем-то говорила Валентине ужасные вещи, пронзающие ее, как ржавые прутья.

— Он тебя развратил. Лишил сыновей. А теперь у тебя осталась только пропащая душа. А если ты больше не сможешь рожать... Ты об этом подумала?

Валя слушала молча, ничего не отвечая, и только слезы лились у нее из глаз.

Однажды в дверь их дома постучали. На пороге стоял Эрзол с букетом цветов в руках. Когда Валя об этом узнала, она попросила мать не пускать его.

— Скажи ему, что мне плохо! Болею я, — сказала она и накрылась с головой одеялом.

Через стену Валя слышала бодрый голос Эрзола и ответы ее матери, что дочь больна.

Когда входная дверь захлопнулась и за окном раздались звуки отъехавшей машины, Валя позвала мать и велела выкинуть цветы, которые он оставил.

Только через неделю она наконец смогла встать и пойти на работу. В Доме быта все было по-прежнему. И казалось, все смотрели на нее с сочувствием.

Когда Валя увидела Эрзола, она кивнула ему, как хорошему знакомому, не более. И ни в первый вечер, ни во второй к нему домой не пошла. Они встречались на работе, как и раньше. Он пытался шутить, о чем-то заговаривал, но она либо не понимала смысла слов, либо делала вид, что не слышит его. Что-то в их отношениях поломалось, как ломается механизм в детских игрушках.

Мать Вали, видя ее состояние, иной раз подходила к дочери, обнимала ее, и они вдвоем принимались рыдать.

— Лучше бы ты их оставила, — сказала мать однажды. — Мы бы их воспитали.

— Да? — истерично откликнулась Валя. — Но теперь-то уж чего?

И замолчала.

Прошло недели три, и Валя на работу не вышла. Эрзол позвонил ей домой. Мать сказала, что дочь больна и подходить к телефону не будет.

Эрзол в раздражении швырнул трубку и не стал больше звонить.

— Захочет — появится, — кинул Эрзол в сердцах.

Через неделю, когда Валя так и не появилась на работе, он вдруг понял, что дело было неладно. Сел на такси и поехал к ней домой. Постучал. Долго никто ему не открывал. Наконец на пороге появилась недовольная шумом Валина мать.

— Ну чего расшумелись? — спросила она.

Эрзол остолбенел

— Вы меня не узнаете? — Лицо привычно пошло красными пятнами гнева. — Я хочу поговорить с Валею.

— Нет ее здесь.

— То есть как это нет?

— А вот так! Уехала она. А куда не сказала.

Эрзол недоверчиво покачал головой.

— Хочешь, сам посмотри, — рассердилась старушка и распахнула перед ним дверь.

Нигде не было ни намек на присутствие Вали. Даже в шкафах, дверцы которых он открывал, не висело ни одного ее платья.

— И куда же она уехала?

— Не знаю.

Возвращаться домой не хотелось. Эрзол велел шоферу гнать обратно в Дом быта. Несмотря на поздний час, там еще кипела работа. Эрзол поднялся на второй этаж, зашел в отдел кадров, где работала Валина подруга.

— Ты не знаешь, что с Валею?

— Ой, — смутилась та. — А я думала, вы знаете. Она же уволилась.

— Как уволилась?

— Пришла тут на днях. Просила вас не беспокоить, сказала, что сама все объяснит, и уволилась.

Он хлопнул дверью, бросился в цех, стал расспрашивать Валентининых подруг. Подтвердили, что она собиралась увольняться. Вроде задумала переехать в другой город.

— Одна? — не веря своим ушам, спросил Эрзол.

— С Валерой.

— Каким Валерой?

Это было, как дурной сон. Эрзол расхохотался. Валера был их водителем, который учился в одной школе с его сыновьями. Эрзол приставил его к Вале, чтобы тот возил ее на работу и с работы. Какая другая закройщица могла таким похвастаться? У женщин Бабаева все по первому разряду, как у жен секретарей горкомов и обкомов партии. Как же можно было это все бросить?

Но правда выходила смешной до банальности.

Валя сбежала. Сбежала с их водителем, оставив его, Эрзола Бабаева. Отец ожидал чего угодно, только не того, что его могли бросить. Он жаждал реванша. Или просто не понимал, что страдал.

Стояла грустная осень, дни казались безнадежно серыми, улицы бесконечно пустынными, можно было пройти по главной, самой красивой улице Кисловодска и не встретить ни одного человека.

Город погружался в сонное оцепенение. Наступали дни, когда в воздухе ощущалась какая-то беспредельная тоска, подобная той, что таится в сердце брошенного мужчины, который, внезапно оставшись один, понимает, что его прежнее хорошее настроение и душевный покой на самом деле были любовью.

Только спустя год, когда мы уже заканчивали учебу в институте, я узнал, что Валя в Кисловодске. Вместе со своим мужем они целый год прятались в городе Шевченко на Украине. Когда Валины сбережения иссякли, они вернулись.

Была ли она счастлива в браке, Эрзол так и не узнал. Да его это и не интересовало. Фактом было то, что Валера стал ее официальным мужем.

Возвращение в Кисловодск имело определенные последствия и для Валентины.

За помощью она решила обратиться к старым друзьям. Вместе с ней и Эрзолом в Заочном институте советской торговли учился Николай, грузин с колоритной внешностью. К тому времени он стал заведомом общепита в горисполкоме. К нему-то Валя и решила обратиться.

Старые друзья встретились тепло.

— Сколько лет, сколько зим!

Николая как будто что-то смущало. Валя не придавала этому значения.

— Коля, мне работа нужна. Я слышала, в цирковом кафе директор нужен. Ты же знаешь, у меня опыт есть, я смогу.

Николай поморщился.

— Кто тебе сказал?

— Зина Малярова, помнишь ее? Она вместе с нами училась. Пошла на повышение, место освободилось.

— Ну да, освободилось. — Глаза Николая забежали. — Только... Ты меня извини, я не могу тебя принять на это место.

— Почему? Оно же свободно. Я что, не подхожу?

Валя была раздосадована. Она так надеялась на эту работу. Коля чего-то недоговаривал.

— Да нет, подходишь, подходишь... только вот... Ну ты понимаешь, ты так исчезла, а теперь вдруг появляешься... и просишь...

— Что?

Тут до Вали дошло.

— Это Эрзол запретил тебе, да? Он запретил брать меня на работу? Да?

Она замолчала, потрясенная масштабом влияния Эрзола.

Николай занервничал сильнее.

— В ваши дела я не лезу. Место есть. Дай мне подумать. Приходи через неделю, хорошо?

Валя всю неделю не находила себе места, нервничала. Наконец явилась к Николаю. Тот встретил ее радостно. На этот раз совершенно искренне.

— Дело твое улажено, — с ходу заявил он. — Не тушуйся.

Валя еле заметно улыбнулась. Эрзол все-таки сжалился. Что-то шевельнулось в ее душе и снова погасло. Было-го уже не вернуть.

Так она и начала новую жизнь, и снова благодаря Эрзолу Бабаеву.

Валя боялась встречи с ним, но это все-таки произошло, причем по инициативе самого Эрзола. Однажды он зашел в цирк. Понятно, что его интересовало не представление. Купив билет, он сразу поднялся в буфет. Все то время, пока на арене дрессированные хищники клацали зубами, он стоял у стойки и разговаривал с Валей.

Такое происходило не один и не два раза. Разговоры эти были большей частью ни о чем. Он словно пытался заново проложить дорожку к ее сердцу, надеясь восстановить утраченное. Возможно, тогда же он понял, что любит ее. Первый раз в жизни. И когда до него это дошло, он сделал все, что мог, чтобы ее вернуть. Но у него ничего не получилось.

Но как он пытался завоевать Валью! Каждый раз он брал с собой новую женщину, молодую или постарше. И каждый раз, подводя ее к Валентине, знакомил. Словно хотел сказать: «Смотри, я не один. Я могу без тебя прожить». Но чем больше он их приводил, тем очевидней становилось Вале, что тосковал он по ней.

Однажды она даже не выдержала, спросила:

— Ну что ты мне все своих девок показываешь, мне они к чему? Угомонись.

Отец усмехнулся. Видимо, понял, что сплеховал.

Но самое удивительное он совершил позже, когда Валя снова оказалась в положении, и это уже было всем заметно. Отец пришел к ней в буфет и прямо сказал:

— Вернись ко мне. Роди ребенка и возвращайся. Я его воспитаю.

Представляю, что значило для него такое решение.

Но Валя ему не поверила.

— Не могу, — сказала она. — Давай останемся просто друзьями. Ни к чему нам с тобой все это. У нас было хорошее. Запомним его, обиды множить не будем.

Эрзол с полминуты помолчал. Потом зло кивнул.

— Идет.

И больше он в цирк никогда не ходил.

Одна молоденькая девчонка, которую тоже звали Вале́й и которую он несколько раз приводил в цирк, стала женой Эрзола и подарила ему счастье: ребенка, девочку Катю.

Дружеские отношения между первой Валентиной, будем так ее называть, и нашим отцом сохранились. Спустя много лет она, будучи в столице проездом, даже останавливалась на квартире Эрзола в Москве, познакомилась с его женой, своей тезкой Вале́й, и их дочкой, подружилась с ними. Вот такой удивительной бывает жизнь.

LIV

Тем временем Слава окончил институт и попал по распределению на Краснодарский ликероводочный завод. Должность он получил ответственную: главного технолога. Конечно, не без помощи отца.

До определенной поры мы, его дети, даже не задумывались, что он управлял нашими судьбами, как ловкий жонглер — своими кеглями. Единственное, в какую сферу Эрзол не вмешивался и где до какого-то момента мы чувствовали себя свободными, была область чувств, сердечных переживаний.

На последних курсах института я частенько забегал к старшему брату на завод под видом реализатора. Получал пропуск, проходил, и Слава, заведя меня в кабинет, затаривал бутылками с ликерами, коньяками и прочим. И я на радость друзей-студентов тащил все это в общагу — отмечать бесконечные дни рождения и праздники.

Именно на ликероводочном заводе Слава и познакомил меня с одной девушкой. Студенческие времена давно прошли. Соседка Зоя, любимая дочь полковника, была к тому времени забыта. Сердце Славы тревожили иные девы.

Мы сидели в столовой и обсуждали последние новости. Вдруг Слава замер и показал рукой куда-то за мою спину.

— Стой! Медленно обернись и незаметно посмотри. Там у окна сидит девушка.

Я проделал все, о чем он меня просил, и не увидел никого, достойного нашего внимания.

— Да не туда! В другую сторону.

Мне не оставалось ничего другого, как осуществить тот же маневр уже в противоположном направлении. И я нашел взглядом ту, которая понравилась брату.

— Галя, — прошептал Слава. — Ничего, правда?

Удлиненный овал лица, черные как смоль волосы. Глаза у девушки были темные, нос — прямой, губы узкие, подбородок — острый. Главным ее достоинством была белоснежная кожа, такой цвет лица достигается веками жизни рода в кавказских туманах, которые умывают лица женщин поколение за поколением.

— Неплохая, правда? Действуй!

— Слава, ты ею сам лучше займись.

Мы заговорили на другие темы, а о девушке забыли. Прошел месяц, два, полгода.

Как-то во время очередной встречи Слава признался мне, что все-таки начал встречаться с Галей.

— А кто ее родители? — поинтересовался я.

— Мамаша — адыгейка, отец — русский.

— Значит, не еврейка?

— Нет, а что? У меня с ней все серьезно.

— Как с Зоей?

— Ты что, серьезнее. Слушай, Игорь, мне нужен твой совет.

Слава вдруг задумался. Я весь превратился в слух.

— А что если это моя судьба? Вдруг мне с ней надо... того, — он возвел глаза к потолку. — Я хочу на ней жениться.

— Зачем? Если она тебе нравится, гуляй и все.

— Нет, она не из таких. У нас все серьезно. Только отцу пока ничего не говори, но мне кажется, что... — Слава не договорил. У переносицы его собрались две складки, он о чем-то задумался.

— Ты понимаешь, что говоришь? Старик, ты влип, — пытался я его вразумить.

— Конечно, понимаю. Поэтому и спросил твоего совета. Кстати, ты не ответил, как она тебе?

— А что тут скажешь? Я тебя поздравил. Черт, я совсем опаздываю. Ты извини, мне надо бежать.

Я действительно куда-то торопился. Слава сунул мне в портфель традиционную бутылку, пошел провожать до двери и на выходе, хлопнув по плечу, еще раз спросил:

— Так она тебе точно понравилась?

— Я что, врать буду?

На том мы и расстались. Позднее я еще не раз видел Галю вместе со Славой. Тот настоял, чтобы мы познакомились поближе. Однажды даже прогулялись вдвоем по городу, зашли в кафе.

Во время прогулки Галя бросала на Славу мечтательные взгляды. И я тогда многое понял об их отношениях. Она смотрела на моего брата, как на книгу, которая была полна интересных историй. И тот отвечал ей тем же. Было видно, что молодым людям хорошо вместе.

Так они и продолжали встречаться. Прошел, может быть, год...

Однажды Слава спросил меня:

— Тебя не волнует, что Галя не еврейка?

— А при чем здесь это? — Я удивленно посмотрел на брата.

Слава многозначительно посмотрел на меня.

— Ты забыл, как в нашем доме к этому относятся.

— Где Валя, а где ты! Перестань. На дворе вторая половина двадцатого века. — Я искренне не понимал опасений Славы.

Тот пожал плечами.

— Мы скоро поедem в Кисловодск. — Слава сделал многозначительную паузу. — Кстати, я вот что... уж коли мы поедem домой... Ты не мог бы поговорить с отцом, — попросил он меня. — Я решился. Я хочу жениться на Гале.

— Да ты что?

— Надо получить его согласие. Ты же понимаешь. Наши традиции.

— Ну да!

Я был в то время легкомыслен и самоуверен. Известие о счастье брата меня окрылило. Что может быть важнее любви? Никаких других доводов я тогда в расчет не принимал. На этом разговор закончился.

Через неделю мы приехали домой в Кисловодск. Все время я чувствовал себя ответственным за счастье брата. Выбрав момент, поднялся к отцу в кабинет. Тот сидел за своим рабочим столом, что-то читал.

— Пап, мне надо с тобой поговорить.

— Да? — Эрзол удивленно посмотрел на меня. — О чем?

— Да так... ерунда в сущности. Хотя, если подумать, то очень важное дело.

— Не понимаю. Говори прямо.

Я вспомнил, как мы боялись в детстве лишний раз обратиться к отцу. Что говорить, воспитание мы получили суровое.

— Отец, это касается Славы.

Эрзол рассмеялся. Он хохотал с наслаждением, свойственным большинству властных людей, когда смех выдает не только их радость, но и глубокое одиночество. Когда отец закончил смеяться, я подумал, что все получится.

— Это касается Славиной судьбы.

— Послушай, не трать мое время на свои загадки. Говори прямо.

— Понимаешь, Слава любит одного человека. Может, не нужно так сильно придерживаться наших еврейских обычаев? Ну, того, что невеста — не еврейка. Она красивая, умная... Пара получится хорошая...

Отец внезапно оборвал меня на полуслове:

— погоди, ты о чем это сейчас? Ты, что ли, сам задумал на ней жениться?

— Кто? Я?! Нет. Это Слава!

— Так пусть сам Слава и говорит со мной об этом, — отец вдруг прервал разговор тоном, не допускающим иного мнения.

Я, перепрыгивая через две ступени, спустился к Славе, который ждал исхода разговора, словно приговора.

— Отец тебя зовет. Давай, удачи. Я дело начал, ты закончи.

Это было, как в детстве, когда мы шли к отцу показывать дневники с оценками. Я хлопнул брата по плечу, и тот, пытаясь сохранить спокойствие, пошел решать свою судьбу. Ему хотелось предстать перед отцом в самом спокойном расположении духа, но ставка была слишком высока, и в голову поневоле лезли мысли, что он что-то сделал неправильно. Самым неприятным было откуда-то взявшееся чувство вины.

Нельзя сказать, что отец и сын очень воодушевились, увидев друг друга. Эрзол отхлебывал чай из большой чашки. Слава молча сел в кресло.

— Плохо выглядишь, — не удержался от колкости Эрзол. Сам он выглядел не лучше.

— Работа, наверное, — Слава пожал плечами.

— Да, — усмехнулся отец. — Напряжение такое, что уснуть не можешь. — Он переключился на тему, которая волновала его сильнее всего. — Ты что-то хотел мне сказать?

Слава молчал.

— Значит, ты уже все сказал, что хотел? — отец ткнул указательным пальцем в Славу. Комната как будто уменьшилась в размерах. — Говори, раз пришел.

— Папа, речь о том, что я...

— Перестань, — оборвал отец. — Кто она?

— Галя. Мать — адыгейка.

— Отец, значит, еврей?

— Нет. Он русский.

— Русский. Понятно. Русский, — повторил отец. — Поэтому ты подослал брата?

Слава уже пожалел, что поднялся.

Эрзол Бабаев был порождением своего времени. Во всех начинаниях отца увлекала прежде всего великая идея спаянности евреев. В ней-то и было все дело. У евреев очень долго не было ни своего собственного государства, ни единого царя, ни даже единого уклада жизни. Но они были спаяны крепче, чем другие народы мира. Чем? Их объединял культ женщины — матери-еврейки. Именно поэтому в душе Эрзола жила нерушимая уверенность: его сыновья должны жениться только на еврейках. Чтобы их дети с младенчества могли впитать в себя негибаемую твердость и невероятную находчивость нашего народа. Еврейская жена поможет вынести жизненные тяготы. Трудности на то и трудности — приходят и уходят, а вот жена, мать — это навсегда.

— Выслушай меня внимательно, — начал отец. — Мы евреи. И у нас не принято, чтобы нашими женами становились русские.

— Она адыгейка.

— Не перебивай, — отец повысил голос. — Ты бы прежде подумал, что у тебя два брата! Ты для них пример. Что они подумают, если ты вдруг женишься на русской?! — Эрзол хрустнул пальцами так, что Слава вздрогнул. — Жизнь — сложная штука, и неизвестно еще, как может повернуться, но есть моменты, которые нельзя менять. У нас, у евреев, жена всегда должна быть той, кто показывает направление, куда надо идти. Ни у одной другой нации таких женщин нет. Ты сказал, как ее зовут? Галя? Ну хорошо, пусть будет Галя. Ты женишься на ней и приведешь к себе в дом, и она будет счастлива, что ты — главный инженер какого-то занюханного ликероводочного завода. И ей будет этого хватать, потому что она тебя любит. А ведь одного чувства мало. Надо уметь заставить своего мужа идти вперед, добиваться большего. Ни русские, ни украинки, никакие другие женщины этого не могут. Только еврейки. Вот тебе и сказ, зачем нужна еврейская жена. Ты меня понял?

Слава молчал.

Отец еще долго и обстоятельно говорил с ним. Достал бутылку коньяка, и они со Славиком ее выпили. Потом Хаво принесла им наверх яичницу, а они все разговаривали.

— Когда темнеет, мне кажется, что мы снова в Дагестане, в Махачкале. И это меня заставляет собраться, — сказал вдруг отец и улыбнулся. Слава посмотрел на отца. Тот вдруг открылся ему в новом свете. Он казался большим и надежным, как скала. — Я думаю, что мы-таки поняли друг друга? — закончил Эрзол. Слава кивнул. Он был рад. Он все понял. Он не мог спорить, не мог даже сформулировать, какой эффект вызвали в его душе слова отца.

Я в нетерпении поглядывал на часы, когда Слава появился на кухне.

— Ну? — подлетел я к старшему брату.

— Старик, все отлично!

Последовал мой радостный вопль.

— Он дал согласие?!

— Ни к чему мне эта Галя. Ошибся я в ней. Ошибся, — пробормотал Славик. — И так лучше.

Улыбка сползла с моего лица.

— Он прав, старик. Нельзя нам неевреек в жены брать. Голос крови, — невесело добавил Слава и хлопнул меня по плечу.

Кто-то говорит: если на роду написано, так и на китайской принцессе женишься. Неправда все это. Найти любовь мало — за нее надо бороться. К сожалению, Слава не смог. Но что меня поразило в том разговоре, так это то, каким образом отец переубедил Славу. Не криком, не угрозами, а рассуждениями... Разложил все по полочкам и заставил поверить, что дважды два — пять, и любовь не играет никакой роли.

Уже позже, анализируя тот случай, я думал, что всю жизнь проповедуя одно, сам отец почему-то поступал по другому, — и его второй брак на молоденькой русской Вале только доказал это.

Тем не менее разговор Славы с отцом имел свои последствия. Славе решили срочно найти еврейскую жену.

Друзья предлагали десятки вариантов. Отец сам ходил смотреть будущих невест. Возможно, хотел найти ту, которая ему понравилась бы.

Так поиск привел отца в семью Михайловых. У них было трое детей: старшая Лариса, средний Володя и младшая Лида, тогда еще совсем ребенок. Ларисе исполнился двадцать один год, но она все еще не была замужем. Девушка считалась засидевшейся в девках, и это могло обернуться трагедией, притом что она была краси-

вой и умной — училась в Ставропольском медицинском институте.

В один прекрасный день семейство Бабаевых было приглашено на свадьбу в семью Бакшиевых. Туда же позвали и Михайловых. У евреев так принято, чтобы будущие жених и невеста могли посмотреть друг на друга. Под словом «будущие» отец разумел Славу и Ларису.

Когда начались танцы, мы со Славой пошли в круг. На еврейской свадьбе положено обсыпать девушку деньгами. Кто больше даст, тот и мужик. Среди собравшихся я быстро разглядел Ларису — та выделялась среди других своей красотой, — и подтолкнул к девушке старшего брата.

— Давай иди, она одна.

— Ты можешь первый с ней потанцевать. Я посмотрю на нее со стороны, — зашептал Слава.

Мне набили карманы десятирублевыми купюрами, и я отправился плясать. Танцевать я умел, в институте ходил в кружок «Лезгинка». Да и Лариса была хороша. Со стороны мы смотрелись отлично.

Я специально затягивал танец, чтобы Слава мог лучше разглядеть девушку. Кружил ее, то подводил ближе, то уводил подальше. Слава слышал, как старшие шептались: «Хорошая жена из нее получится». Когда об этом говорили Славе, он краснел.

— Но я так мало ее знаю. А вдруг я ей не понравлюсь?

— Ты что?!

Тем тот вечер и закончился. Все разъехались по домам. Славе надо было определяться. Этого требовал обычай. Наконец он решился.

Они встретились с Ларисой в Ставрополе. Это была встреча двух совершенно чужих людей. Лариса первая решила подтолкнуть Славу к действию.

— Наверное, ты сюда приехал по каким-то делам?

Слава мягко улыбнулся и выпалил:

— Меня мама попросила заехать...

Глаза у Ларисы расширились. Она ожидала чего угодно, только не того, что потенциального мужа приехать заставили.

— Мама? Тогда скажи ей, чтобы она сама приезжала, если хочет меня в невестки.

На этом разговор закончился.

Спустя годы я понял, что на самом деле отец сотворил с сознанием Славы: тому стало все равно, какая у него будет жена: красавица или чудовище. Главное, чтобы еврейка. Думаю, отец просто убил в нем мужчину, который искал свое счастье.

Но семья поиски невесты продолжала.

Как-то раз мы с братом приехали в Дагестан на очередные смотрины. Пришли на чужую свадьбу. Я попытался выяснить, кого сватали за Славу. И мне указали на девушку, честно говоря, красотой не блиставшую.

— Все, сматываем удочки, — предупредил я. — Это не то.

Мы вернулись домой, и жизнь пошла своим чередом. Спустя несколько месяцев Слава позвонил мне:

— Игорь, я нашел невесту! Помнишь, мы с тобой ездили в Дагестан на смотрины? Вот та девушка Аня.

Сказать, что он чуть не убил брата этим известием, — ничего не сказать. Слава словно услышал мои мысли.

— Ты знаешь, я встретился с ней еще раз, и мне показалось, что она похорошела с тех пор.

Я был разочарован. Даже отец сказал старшему сыну:

— Давай найдем тебе другую. Зачем обязательно жениться на этой?

Но Слава уперся. Ах, эта не нравится? Но ведь главное, чтобы была еврейка!

В семье говорили, что решение Славы — это его протест против воли отца.

Но Хаво неожиданно заняла сторону Славы, и это решило дело.

— Пусть женятся! Что вы заладили — другую, другую! А если к этой сердце лежит? Она еврейка, а Бог смотрит на всех евреев! Говорить что-либо против кого-то из нас — все равно что оскорблять Создателя.

Полное безразличие брата к происходящему завершило обсуждения. Свадьба состоялась.

LV

К тому времени Слава уже учился в аспирантуре. Произошло это, как и почти все в его жизни, по воле отца. Как только Славу назначили главным инженером ликероводочного завода в Краснодаре, Эрзол понял, какие перспективы открывались перед старшим сыном. Он мог стать самым молодым директором края. Но чтобы добиться такого, следовало приложить немало усилий.

Отец стал наседать на Славу:

— Тебе надо обязательно стать кандидатом наук.

— Пап, я главный инженер завода, на кой черт мне кандидатская диссертация?

— Сын, ты не понимаешь! Со степенью ты вернешься в промышленность на другом уровне понимания. После аспирантуры для тебя будут открыты те двери, которые теперь закрыты.

Отец общался с министрами, членами ЦК и прекрасно знал всю кухню, связанную с назначениями на директор-

ские должности. Самый знаменитый НИИ по Славину профилю находился в Ялте, — это был Всесоюзный научно-исследовательский институт виноделия, так называемый МАГАРАЧ, который все, само собой, переименовывали в «Магарыч».

Попасть туда было невозможно. Даже лучшие друзья Эрзола из краевой администрации были бессильны что-либо сделать. Но у отца всегда имелись в запасе козыри.

Факультет виноделия Краснодарского политехнического, который окончил Слава, давно установил научные связи с «Магарычом». Поэтому обращение Якова Дмитриевича Рудакова в это НИИ многое определяло.

Для поступления в аспирантуру следовало сдать экзамены по философии, иностранному языку и специальности. Слава срочно вылетел в Ялту. Представил комиссии ряд научных публикаций по виноделию и сдал вступительные экзамены. Однако это было еще не все.

Яков Рудаков позвонил отцу.

— Эрзол, утверждение в аспирантуру в МАГАРАЧ проходит в Москве. Вот тебе телефон одного человека. Если найдешь, как к нему подъехать, он тебе поможет.

Неизвестно, что сказал Эрзол этому человеку в Москве, но только в результате Слава стал аспирантом. Так он и мотался — между Краснодаром, где они жили с женой Аней, и Ялтой. Его можно было бы считать баловнем фортуны. Но мало кто знал, что у Славы существовала и своя, потаенная жизнь.

Женитьба на нелюбимом человеке сделала свое дело. У него появилась одна любовница, потом вторая. Наверное, он хотел забыться, найти покой или обрести счастье. Возможно, движущей силой его поступков было желание иметь хоть что-то в жизни, сделанное по собственному выбору и собственной воле. Пусть это даже была измена.

Существует народная мудрость: если крадешь ты, кто-то обязательно украдет у тебя.

Вскоре Аня забеременела, но из-за инфекции их первенец родился мертвым. Была ли это расплата за вольности, которые Слава позволял себе на стороне? Кто знает.

Эрзол обрек старшего сына на мучения, запретив жениться на той, которую он действительно любил.

Но во всем остальном отец был доволен судьбами своих сыновей. Они двигались по той траектории, которую он сам избрал для них.

LVI

Я окончил Краснодарский политех, и отец позаботился, чтобы меня распределили на Экспериментальный консервный завод диетического питания в Ессентуках. Мне исполнился всего двадцать один год, и я начал свою карьеру с должности старшего мастера.

Директор завода провел меня в цех, где проводились эксперименты по консервированию, — попросту говоря, там мыли банки, а потом специальные машины брали их за горловины, набивали садово-ягодной начинкой и прикручивали к ним крышки. Длинный конвейер, по которому ползли «результаты экспериментов» со стороны выглядел даже эффектно. Везде чистота, все в фартуках... Выбивались из общей картины только тетки-фасовщицы, которые время от времени засовывали в банки пальцы, пробуя содержимое на вкус.

Консервный завод с низкими зарплатами страдал от нехватки людей. Мне пришлось освоить все профессии — подменять рабочих на линии, грузить ящики,

управлять электрокаром. Мужики меня уважали за то, что я не был маменькиным сынком и брался за любую работу.

«Проверкой на вшивость» обычно становился ягодный сезон — пора заготовки клубничного варенья. Проблема была в том, что в то лето вся клубника неожиданно исчезла. За несколько дней. Колхозники говорили, что сначала дожди ее побили, потом началась засуха. И завод остался без ягоды. Но разве Госплану было до этого дело? Одни люди решили — другие должны исполнять. И тут кто-то из начальства придумал: «А давайте приготовим не варенье, а джем. В плане не записано, какую продукцию надо поставить». В джем можно было добавлять любое фруктовое пюре. Сказано — сделано. В итоге вместо клубничного варенья сделали фруктовую-ягодную джем из смеси клубники и яблок. Этим самым джемом завалили и город, и страну, и перекрыли плановые показатели Госстата.

Через год меня назначили главным технологом всего предприятия. Это было круто, но отец настаивал на большем. Вскоре меня выбрали секретарем комсомольской организации.

Тогда же состоялся разговор с отцом.

— Слушай, сынок, ты еще производственником станешь, — говорил Эрзол, — но надо думать о подъеме. Тебе следует задуматься об аспирантуре. Но прежде надо вступить в партию. Там все просто. Сдашь кандидатский минимум, расскажешь, кто такой Цеденбал, — и все.

Для Эрзола партийность была лишь инструментом, позволявшим завоевать большее. Если угодно, одним из пунктов в технологии карьеры. А сам Эрзол был гениальным технологом в области продвижения по жизни. Он всегда находил лучший путь — не прямой, но обязательно ведущий к чему-то большему.

Именно тогда я и написал заявление о приеме в КПСС, и секретарь партийной организации завода вызвал меня

к себе. Встретил хмуро. Даже не поднял головы, рассматривая бумаги.

— Мы получили ваше заявление, товарищ Бабаев, — сурово начал он.

Из его тона можно было сделать только два вывода: либо дела у партии шли из рук вон плохо, либо они были плохи у Игоря Бабаева.

Секретарь оторвался от бумаг и посмотрел прямо мне в глаза. Точно так, как на плакате: «Будь бдителен, враг не дремлет».

— Игорь, вы хорошо работаете. Но вот по поводу вступления в партию — надо же и совесть иметь.

— Что такое? — не понял я.

— Вы хотите все сразу. У нас кандидатский стаж иногда до пяти лет, а вы на заводе без году неделя. И уже в партию... Может, притормозим? Не будем гнать? Нам тоже надо к вам присмотреться.

Я согласно покивал. Парторг тоже. На том мы мирно расстались.

Через пару дней я встретился с отцом дома. Став главным технологом, я не так часто теперь приезжал домой, жил в общежитии в Ессентуках.

— Как дела на заводе? Как коллектив? И что там с партией? — поинтересовался Эрзол.

— Насчет партии я не знаю.

— Это отчего же?! С партбилетом надо что-то решать. Ты меня слышишь? На производстве вступить в партию гораздо проще, чем в институте.

— Секретарь вчера сказал, что я слишком гоню и у меня еще есть время.

Брови отца поползли вверх.

— Что значит «гонишь»? Ты секретарь комсомольской организации. Проработал уже больше года. У тебя есть все основания подать заявление в партию.

— Они говорят, что еще ко мне не присмотрелись.

— Ты что, шпион, что ли, чтобы к тебе присматриваться? — отец ударил ладонью по столу. И больше к этой теме не возвращался.

На следующий день, как только я пришел на работу, в цех примчалась секретарша и сообщила, что меня просят «туда».

Я проследовал за ней. В приемной директора секретарша передала коротко:

— Первый секретарь Ессентукского горкома партии Михаил Андреевич Шульга назначил вам на завтра встречу. Понимаете?

И секретарша посмотрела на меня с испугом.

В назначенное время я явился в кабинет с большим портретом Ленина над столом. Михаил Андреевич пребывал в хорошем расположении духа. Не вставая, протянул мне руку.

— Ну, здравствуй-здравствуй. Давай присаживайся. Заматерел? Как дела? Как работа?

— Да работаем, план выполняем.

— Ты же собирался поступать в аспирантуру...

Я не помнил, чтобы кого-то посвящал в свои планы.

— Да, собирался. Вот надо подготовить необходимые публикации.

— Понятно, — секретарь горкома почесал за ухом. — А что с партией? Почему не подаешь заявление?

— Да я уже подавал. На заводе сказали, что мне и должности руководителя комсомольской организации хватит. Мол, не стоит торопиться.

— Ну что же, понять товарищей можно. Значит, на хорошем счету, раз из комсомола не отпускают. Ну, бывай. Привет отцу.

Я удивился этому разговору. Зачем тогда вызывали?

Вернулся на завод и уже через час забыл обо всем погруженный в заботы о неработающем транспорте.

Прервала мою работу опять секретарша директора.

— Игорь Алексеевич, вас срочно просят зайти к парторгу.

На этот раз секретарь расплылся в улыбке при моем появлении.

— Игорь, дорогой! Входи. Знаешь, мы еще раз посмотрели твое личное дело. В общем, посоветовавшись на парткоме, решили, что, наверное, ты прав, пора тебе вступать в КПСС.

Только в тот момент я осознал могущество моего отца, понял, почему за глаза его называли королем.

И я начал готовиться к поступлению в аспирантуру. Выбор был сделан в пользу Московского мясомолочного института. Обучение там было очным, но отец решил, что с должности главного технолога консервного завода вполне можно уйти, если впереди «светит» директорская позиция.

У него была простая цель — он хотел, чтобы я учился в аспирантуре московского института, а для этого надо было добиться выделения там целевого места.

Решение этой задачи зависело от одного человека — инструктора ЦК КПСС, которого друзья звали исключительно по отчеству: Кузьмичом.

Итак, все началось с того, что Яков Дмитриевич Рудаков познакомил Эрзола с ректором Московского мясомолочного института Николаем Петровичем Янушкиным.

В очередную командировку Рудакова в Москву он потащил с собой и Эрзола. Потащил — это, конечно, громко сказано. Все было сделано с расчетом. Эрзол ехал, потому что на кону стоял вопрос моего поступления в аспирантуру.

Что означало решать дела в то время? Разговаривать. Обедать. Отец заказал стол в ресторане гостиницы «Россия».

Николай Петрович Янушкин был фронтовиком. С ним Рудаков встретился, как с братом.

— Алексей, — представил Рудаков отца. — Это мой близкий человек. У него сын старший учится в МАГАРЫЧЕ по специальности «Виноделие». Я помог. Сейчас младший закончил учебу у меня. Очень хорошо схватывает знания, работает в Ессентуках, парень умный. Хочет продолжить обучение в аспирантуре. По твоему профилю.

— Давай я найду выход на Сильченко, — предложил Янушкин. — Тут без Сильченко не обойтись.

Так в круг общения моего отца вошел Михаил Кузьмич Сильченко. Он был то ли инструктором, то ли завсектором пищевой промышленности ЦК КПСС.

Именно от Кузьмича зависело выделение целевого места в аспирантуре. Сильченко пообещал решить эту проблему и слово свое сдержал.

Как их отблагодарить, отец уже знал. Потихоньку он начал выходить на номенклатуру высшего уровня.

Он вращался в мире людей при власти, среди которых был Анатолий Тарада — человек колоритный, входящий в руководящую элиту Краснодарского края.

Тарада занимал должность заведующего промышленным отделом Краснодарского крайкома партии. Говорил он мягко, уважительно и совсем не походил на привычный образ партработника. Он всегда был готов прийти на помощь, если человек в чем-то нуждался. Кому и за что — это другой вопрос, но начиналось всегда все в высшей степени приятно для того, кто сталкивался с Тарадой впервые.

Надо добавить, что Тарада по долгу службы тоже летал вместе с отцом на встречу с Сильченко. У них были свои отношения. Кузьмич утверждал Тараду в должности, как куратор со стороны ЦК. И можно сказать, Тарада

тоже косвенно был причастен к моему поступлению в аспирантуру.

Дальше все было делом техники. Я должен был сдать кандидатский минимум. Экзамены по философии и иностранному языку можно было сдать по месту жительства, то есть в родном крае, где отец всех знал. Он и этот процесс не стал пускать на самотек. Встретился с ректором пединститута и за считанные часы все решил.

LVII

Я мужал, я взрослел, и в семье стали поговаривать, что мне тоже пора жениться.

Что за этим стоит, я понял только тогда, когда отец сказал, что скоро мы отправимся выбирать невесту. До этого мы ездили лишь на смотрины отца в Дербент, и это было давно. Смотрины перед женитьбой Славы тоже никаких приятных воспоминаний у меня не оставили. И вот теперь я сам дорос до этой процедуры. Но деваться было некуда.

Проходили смотрины в Махачкале, сопровождала меня сестра отца Фира. Поезд прибывал в город в 7 часов утра. Прикинув, сколько нам предстояло ждать того момента, когда будет прилично явиться в чужой дом, я поделился своими сомнениями с Фирой. Та фыркнула.

— Ждать не будем, — прервала она меня.

— Они разве не спят? — спросил я.

— Это не важно. Мы — Бабаевы. Придем, когда нам нужно.

От этого пахло фанаберией, но Фира знала, о чем говорила.

— Ты плохо понимаешь специфику вопроса, — объяснила она мне. — Сам все увидишь. Идем!

Когда мы пришли в дом предполагаемой невесты, там уже находилось полно народа. Казалось, что было не раннее утро, а разгар рабочего дня. Все при полном параде, бегали, сутились, и было похоже, что они вообще не ложились. Бабаевых не просто ждали! Их мечтали заполнить в родственники.

— Во сколько же вы встали? — спросил я невзначай и, услышав ответ, возблагодарил Бога, что мы уехали из Дагестана с его обычаями...

Мы с Фирой вошли в комнату и сели. Через какое-то время к нам вошла девушка и притулилась в сторонке. Она смотрела в пол, и я испугался, что если она и дальше будет так сидеть, то вообще не увидит суженого. Словно услышав мои мысли, она подняла голову и стрельнула в мою сторону молниеносным горским взглядом.

К счастью, она оказалась симпатичной. Я заулыбался. На стол вынесли угощение. Начались приличествующие случаю разговоры. Когда тема погоды себя исчерпала, все встали из-за стола. На часах было только десять утра. Стало ясно, что нужно как-то убить целый день.

Я предложил «невесте» сходить на городской пляж, развеяться. Фира увязалась с нами и издалека присматривала за происходящим. Я вел себя раскованно, заигрывал с девушкой, которая уже не была такой стеснительной, как утром.

— Игорь, угомонись! — шипела Фира. — Игорь, води себя прилично. Это же Дагестан. Тут все всё видят.

Но мне было наплевать. Девушка, с которой меня пытались познакомить, была весела, симпатична и, может, даже умна, но душа моя к ней не лежала.

Через некоторое время уже в Москве Эрзол спросил меня, понравилась ли невеста.

— Она нам не подходит, — ответил я.

Отец никогда не настаивал на конкретной еврейке. Не одна, так другая. Поиски следовало продолжить. К делу подключилась жена Славы Аня. У нее в Азербайджане жила родственница, я поехал туда вместе со Славой.

Нас приняли в доме девушки, опять собралось много народу, и я долго не мог понять, кто из девушек предполагаемая невеста. Я рассматривал людей в комнате, потом шепнул брату.

— Слушай, а где невеста?

Слава прыснул.

— Шутишь, что ли? Да вон, напротив!

— Ты жесток! — прохрипел я, изо всех сил стараясь сдержать смех. — Давай отсюда линять!

И мы уехали.

Третью невесту искали с помощью друга Эрзола Миши Гилядова.

На этот раз поехали в Дербент.

Я чувствовал себя капризным принцем, придирой, каких свет не видывал, но ничего не мог поделать. Каждая новая девушка на выданье, которую мне показывали, казалась некрасивее предыдущей.

Так можно было разочароваться во всех женщинах.

Вернувшись, я сказал отцу:

— Пап, давай завязывать со смотринами, ни к чему хорошему они не приведут.

Так закончились попытки женить меня по обычаю предков.

LVIII

Пришла пора ехать в аспирантуру.
— Главная твоя задача, — наставлял меня отец, — наладить отношения с научным руководителем. Понял?

— Конечно, пап.

— И не гуляй там очень.

Как и обещал отец, меня принял ректор Московского мясомолочного института Николай Петрович Янушкин. Глядя на него, можно было не сомневаться, что у этого человека со связями в ЦК было все хорошо. Николай Петрович представил меня научному руководителю по фамилии Кахучишвили:

— Эрнест Петрович, это Игорь Бабаев. Тот самый перспективный молодой человек, о котором я вам говорил.

Профессор Кахучишвили оказался высоким худым мужчиной в очках, на вид ему было лет сорок пять. На поверку мужиком он оказался отличным, да и специалистом из первого десятка.

— Я уверен, вы, Игорь, читали труды Эрнеста Петровича, — обратился ко мне Янушкин. Тут он задумался, вспоминая, как назывался главный труд коллеги.

— Главного труда у меня еще нет, — скромно сказал Кахучишвили.

— Не прибедняйтесь, — со смехом ответил ректор, — самокритика — полезная вещь, но в меру. Между прочим, — он указал на меня, — этот молодой человек уже поработал главным технологом на заводе в Ессентуках. Руководил большим коллективом.

— Большим коллектив назвать нельзя... — в тон будущему научному руководителю ответил я.

Присутствующие дружно засмеялись, и церемония знакомства на этом закончилась.

— Вижу, вы поладите, — подвел итог Янушкин.

На этом аудиенция у ректора завершилась. Выйдя из его кабинета, мы с научным руководителем еще минут пятнадцать обсуждали наполеоновские планы и тепло простились. Покидая институтский корпус, я чувствовал себя самым счастливым человеком.

Дома меня закрутил круговорот повседневных дел: завод, машина, подготовка к аспирантуре... Как белка в колесе. Одно и то же день за днем.

И вот я опять в Москве, с толстым портфелем в руках, в котором лежало несколько статей по аппаратным процессам, материалы для сдачи кандидатского минимума, бритва и одеколон «Осень».

После успешной сдачи профильного экзамена меня поселили в аспирантском общежитии.

Янушкин поздравил с зачислением и чуть слышно спросил:

— Я полагаю, что все ваши проблемы теперь в прошлом?

— Спасибо вам большое, Николай Петрович, — также шепотом ответил я. — Вы правы, в прошлом.

LIX

Славу направили на работу на Тихорецкий винзавод. Этому назначению способствовал все тот же Тарада. Сначала Слава получил должность главного инженера, а через несколько месяцев его утвердили директором.

Можно только представить, что почувствовал наш отец, когда узнал об этом: его сыновья входили в руководящий состав промышленно-торгового комплекса края.

Слава с азартом принялся за работу. Под его руководством завод стал работать как часы. Он отремонтировал цеха, закупил и установил новое оборудование, наладил бесперебойную поставку сырья. Но в его деятельности имелась и другая сторона — та самая, которая, как я считаю, изменила его судьбу. Его профессия была связана со спиртом, что во все времена было сопряжено с определенным риском.

В отечественном виноделии считалось нормальным закреплять вина спиртом, чтобы как можно быстрее

получить конечный продукт. Иностранные производители считали это недопустимым, качественное вино должно созреть определенное время и только через несколько лет могло быть разлито по бутылкам.

У нас же на производителей давил план, подстегивал дефицит и мешала устаревшая технология. Решалось все за счет ускорения процесса созревания вина путем добавления спирта.

В Тихорецке, прославленном в строчке песни «На Тихорецкую состав отправится...», делали крепленые вина. Производили их из натурального сырья, которое покупали за наличные деньги. А там, где есть наличность, там всегда есть и «тень». Если завод перерабатывал 10 тонн ягод, то ничего не стоило написать, что переработал он все 20, а необходимое количество вина нагнать, добавив воду и спирт. Стоимость лишних десяти тонн сырья оседала в карманах руководителей вино-водочных заводов.

Так делались популярнейшие «народные» вина. Рецепт их был универсален: спирт, вода и краситель.

Заказы на вина спускались из Москвы и попадали в краевую администрацию. В Краснодаре решали, как распределить объемы между производствами. То есть Тарада мог загрузить завод так, чтобы он никогда не простаивал, а молотил на полную катушку. Это был своеобразный механизм шантажа. Чтобы руководитель мог выполнять план, ему нужно было поддерживать хорошие отношения с поставщиками сырья.

После реконструкции Тихорецкого винзавода мощности по выпуску вин увеличились, и предприятие нуждалось в постоянных заказах. А помощь в их получении оказывал Тарада. Таким образом, не без участия Эрзола Бабаева его сын Слава оказался втянут в сложные процессы винной индустрии.

LX

Три года учебы в очной аспирантуре в Москве стали для меня подарком судьбы. Само по себе общение с людьми науки многое дает. Это был один из лучших периодов жизни, одновременно беззаботный, веселый и наполненный конкретными целями.

Меня поселили в общежитии на Саратовской улице в Текстильщиках, на последнем, девятом этаже. Это был привилегированный этаж для аспирантов, ниже жили студенты. Обитатели общежития относились к нам уважительно, поскольку мы, аспиранты, были старше и уже преподавали. Частенько мы спускались со своих высот, чтобы погулять на праздниках вместе со студентами, и нас очень тепло принимали.

Я жил в одной комнате с арабом Ибрагимом. Это был очень набожный человек. Свинины боялся, как сатаны. Алкоголя не употреблял. Ел только овощи и регулярно

молился. В довершение ко всему он был женат и, естественно, не помышлял о том, чтобы ходить на сторону. У себя на родине он оставил супругу и трех дочерей, чьи фотографии украшали его половину комнаты.

На все соблазны, что я предлагал ему, как настоящий змей-искуситель, Ибрагим всегда отвечал решительным «нет».

— Ибрагим, как ты насчет того, чтобы погулять сегодня с девчонками?

— Нэт, Игорь! Спасибо! Это запрет.

— Ибрагим, давай сходим в ресторан, отметим сдачу экзаменов.

— Нэт, Игорь! Спасибо! Это плохо в глазах Аллаха.

— Ибрагим!

— Нэт, Игорь, нэт! Спасибо!

И так на все!

Предлагаешь ему выпить, он ссылается на запреты Корана. Протягиваешь ему пирожок, он кричит, что там свинина. А вот на то, что он араб, а я еврей, мы совсем не обращали внимания.

Единственным уязвимым местом в мировоззрении Ибрагима были деньги. Торговля Аллахом поощрялась.

Ибрагим так же, как и мы, нуждался в деньгах. А на аспирантскую стипендию особо не пошikuешь.

Однажды я заметил, что Ибрагим после каждой поездки домой являлся в общежитие, весь увешанный часами.

— Ибрагим, — спросил я как-то, — зачем тебе столько часов?

Ибрагим заговорщически улыбнулся, оглянулся, хоть в комнате больше никого не было, и, наклонившись к моему уху, спросил:

— Игорь, я могу тебе доверять?

Я кивнул.

— Мне вообще часы не надо, — зашептал Ибрагим. — Я никуда не тороплюсь. Но другие люди торопятся. Им эти часы и нужны. Я им их продаю.

Это была страшная тайна Ибрагима. Он был фарцовщиком.

Поняв, что я отнесся к его делу спокойно, Ибрагим возликовал.

— Хочешь со мной вступить в долю?

Я договорился с Ибрагимом, что тот отдаст мне часы по 150 рублей за штуку. А сам быстро нашел людей, которые были готовы покупать их за 250 рублей. Ибрагим привозил часы три-четыре раза в год. С одной перепродажи я выручал около тысячи рублей. Так мы и жили.

То, что деньги могут менять человека, я понял не сразу. Но как-то раз я пришел в нашу комнату и замер в изумлении. В руках Ибрагима была бутылка шампанского.

— Игорь, давай выпьем.

— Что ты делаешь? — удивился я. — Это же запрет.

— Э-э! Какой запрет. — Ибрагим всплеснул руками. — Кто умеет продавать, должен уметь и покупать.

Я стоял, не в силах поверить в произошедшую перемену.

— Ибрагим, это ты? — только и мог спросить я. — У тебя случилось несчастье? Что произошло? Скажи, может, я помогу?!

— Ничего не случилось! Просто я понял: в жизни надо все попробовать, если у тебя есть деньги.

Так началось «падение» Ибрагима. Хотя, будь на его месте буддист, он бы сказал, что на самом деле это было возвышением над страхами. Если раньше Ибрагим только смотрел на фотографию одной женщины, своей жены, то однажды я обнаружил его в компании сразу двух девушек-студенток. Они сидели по обе стороны от Ибрагима на узкой кровати и жадно внимали его рассказам о дальних странах.

Апофеозом перерождения стал день, когда я вернулся в общежитие раньше обычного и обнаружил, что дверь в комнату заперта.

— Эй, Ибрагим! — закричал я. — Что случилось?

Вдруг дверь приоткрылась, и оттуда показался араб со сверкающими глазами.

— Игорь, ты можешь немного погулять, да? Я не один...

Так деньги изменили Ибрагима. А может быть, и не только они. Воздух в России вообще особенный. Через год наши пути разошлись. Ибрагим неожиданно исчез. Как я слышал, он уехал на родину.

Так прошли мои первые два года в аспирантуре. Явпитывал советы своих товарищей, знакомился с друзьями отца, которые часто навещали в Москву. Одним из них был Михаил Анатольевич Цымбал — директор Новороссийской виноперевалочной базы. И знал он гораздо больше, чем рассказывал. Так получилось, что по роду своей деятельности он был плотно связан со Славой. Деловые и дружеские отношения переплетались, связывая людей крепче кровных уз.

Сын Цымбала Сергей незадолго до того вернулся из армии и горел желанием пристроиться на хорошее место. Вот тогда-то его отец и обратился к Эрзолу.

— Помоги Сергею. Он хочет учиться. У тебя повсюду связи. Зачем парню пропадать?

Эрзол, который к тому времени был уже в неплохих отношениях с ректором Янушкиным, помог Цымбалу с поступлением. Тогда же отец решил перевести с заочного отделения Краснодарского политехнического на очное отделение Московского мясомолочного института и своего младшего сына Гену. Под надзор брата, так сказать.

В итоге Цымбал-младший приехал вместе с Геной, и они стали жить у меня. Как у аспиранта у меня были хорошие жилищные условия. Ибрагим к тому времени уехал. Места хватало.

Гена любил выпить, а когда выпивал, мог запросто влипнуть в какую-нибудь историю. Мне частенько приходилось вытаскивать брата из затруднительных ситуаций. Только тогда я понял всю тяжесть бремени постоянной заботы, что нес наш отец. Иногда приходилось вскакивать посреди ночи по крику: «Твой брат попал в беду. Беги выручай». И я бежал. Вытаскивал из медвытрезвителя, из отделения милиции, из лап народной дружины или просто из ресторана, в котором молодой человек не мог расплатиться.

Но самая горячая пора для меня начиналась, когда и Гене, и Сергею Цымбалу нужно было сдавать сессию. В такие периоды, редко заглядывавшие в конспекты горе-студенты наседали на меня, требуя совета и помощи. На производстве подобное называется штурмовщиной. А в вузовском обиходе она узаконена, утверждена, возведена в ранг обычая.

LXI

Изредка нас навещал Слава. Мы с Геной с изумлением следили за изменениями, которые происходили с ним. По нашим скромным оценкам, Слава стал Крезом — он зарабатывал по 10-15 тысяч рублей в месяц.

Иногда Слава приглашал меня к себе погостить. У него была машина, которую брат мне одалживал. В придачу обычно вручалось тысячи две рублей — на мелкие расходы. Мы делились друг с другом заработанным просто потому, что были братьями, и потому, что за нами стоял Эрзол.

Однако на поверку выходило, что Слава — несчастный человек. И деньги ничего не могли изменить. Возвращаясь домой, он чувствовал себя одиноким.

В иных случаях попытка избавиться от одиночества приводит к неожиданным результатам. Однажды Слава снова встретил Зою — волоокую красавицу, которая пленила его на первом курсе института. Дочь офицера,

она понимала цену одиночества и знала, как можно избавить мужчину от этого чувства. У них вновь начался бурный роман.

Слава устроил Зою к себе на завод. Через некоторое время она забеременела. Об этом тут же стало известно Славиной жене Ане. И вот тут-то она проявила свой характер. Ни слова не говоря, она собрала все сберегательные книжки, золото, деньги — все, что было в доме, и уехала.

Финал той истории, можно сказать, был вполне счастливым. У Зои и Славы родилась девочка. С Аней, на которой его женил отец, Слава развелся и больше никогда с ней не встречался.

LXII

На одной из студенческих вечеринок я познакомился с девушкой Олей. И мы понравились друг другу. Знаете, бывают такие встречи, когда все понятно без слов. Несколько раз я приглашал ее в кафе, в кино или просто погулять по бульварам.

Однажды вечером я начал собираться на свидание.

— Ты куда? — спросил меня Сергей Цымбал.

— Да так... Пригласил девушку в ресторан...

— Возьми меня с собой!

И мы отправились на свидание вдвоем. Точнее на свидание шел я, а Сергей со мной за компанию.

Пришли в ресторан, сделали заказ. Официант принес шампанское. В какой-то момент прекрасная Оля отлучилась на минуту. Наверное, бывают такие моменты, когда страсть начинает повелевать нами. Как только девушка вышла, Сергей с горящими глазами схватил меня за рукав:

— Скажи, у вас все серьезно?

— Ты о чем? Мы еще даже толком не начали встречаться.

— Это судьба! Вот поверь мне! Так не бывает, я знаю! Но я чувствую — это судьба! Дай мне шанс!

— О чем ты толкуешь-то?

— Я об Оле! Ты же не хочешь на ней жениться?

— У меня женой может быть только еврейка!

— Оставь меня с ней, — стал настаивать Сергей. — Ты знаешь, я никогда тебя ни о чем не просил.

Я с изумлением смотрел на товарища.

— Ты похож на сумасшедшего.

— А я и есть сумасшедший. Я это чувствую. Дай я с ней поговорю.

— Ну, хорошо, хорошо. Я вам мешать не буду. Но учти, из ситуации ты будешь выпутываться сам.

И я, ни слова ни говоря, встал и ушел из ресторана. Настоящая завязка для мелодрамы.

LXIII

В одном общежитии со мной жил мой земляк и хороший товарищ Володя Михайлов. В том, что все в мире предопределено, я убедился благодаря ему. В свое время старшую дочь Михайловых Ларису безуспешно пытался сосватать мой старший брат Слава.

В ноябре 1975 года мы вместе с Володией прилетели в Кисловодск, а потом я пришел к Михайловым.

Их дом ничем не выделялся среди других, разве что жили в нем зажиточные люди. Это понимал каждый, кто переступал его порог. Имелись в этом доме и свои достопримечательности.

Первым делом Володя повел меня в гараж. Распахнув дверь, указал в полутьму:

— Смотри!

Я замер, пытаясь что-то разглядеть. Володя включил свет. Яркая вспышка полоснула по глазам.

...Это было идеальное техническое устройство на колесах. Как мне казалось, венец творений рук человеческих,

совершеннее которого не могло существовать на Земле. Сверкающий лаком автомобиль, который каждой деталью подчеркивал свое заграничное происхождение.

— Видишь? — воскликнул Володя, подходя к машине и поглаживая ее бока. — «Опель Капитан».

— Откуда он у тебя? — вырвалось у меня.

— Отец купил.

Илья Владимирович Михайлов был известным человеком в городе. По нынешним меркам, его правильнее было бы назвать бизнесменом. Отвечал он за заготовко-операцию. В условиях тотального дефицита он умудрялся делать деньги на своих заготовках. К тому моменту, когда у Ильи Владимировича подросли дети, у него скопилась некая сумма, и он был вправе считать себя состоятельным человеком. У него имелись свои увлечения, в число которых входила и тяга к дорогим вещам. Любовь к заграничным машинам тоже была из числа тайных страстей.

Володя открыл дверцу, приглашая меня заглянуть в салон. Из чрева автомобиля пахло кожей и кубинскими сигарами, которые в то время продавались в любом магазине нашей страны. Я с видом знатока стал осматривать внутренности авто. Для нас, привыкших к «Запорожцам» и «Жигулям», «Опель» был почти инопланетным аппаратом.

— «Опель Капитан», говоришь? — я провел рукой по обивке сиденья. Кожа была настоящая.

— Да, — гордо подтвердил Володя. — Если захочешь, могу прокатить.

— Сколько в ней лошадиных сил?

— Кажется, сотня или две, — пожал плечами мой товарищ. — Это специальная модель, сделанная в Германии. Отцу она обошлась... Фантастика, до чего дорого. — Ну правда же классная?! — снова не удержался от восторгов Володя. — Представь себя за рулем!

— Да ладно тебе, — усмехнулся я. — И покруче тачки видали.

Я рассматривал автомобиль и рассуждал про себя. Неужели Володя думал, что я появился в их доме только затем, чтобы посмотреть на дорогую машину? Он же понимал, что цель моего прихода была совсем иной. У Володи была младшая сестра. Девушка на выданье, про которую говорили, что она изумительная! Я хорошо помню, как просил его показать сестренку. На что Володя, притворно всплескивая руками, отвечал: «Да ты что, она еще молодая, ребенок совсем!»

И вот я находился в их доме и пока никого не увидел. Может, сказки все... И что такого могло быть удивительного в еврейской девочке?

Самое время напомнить, что все попытки моей семьи найти невесту, наткнулись на непреодолимое препятствие: все девушки, которых мне показывали, были непривлекательными, с моей точки зрения. И очередные смотрины, которые для меня устраивали родственники, становились еще одним подтверждением того, что нет ничего более постоянного, чем временные неудачи.

В то время я не задумывался о том, что требуется человеку для счастья. Казалось, у меня оно есть. Только вот в чем оно заключается? Я далек от категоричной формулировки, которой придерживалось большинство горских евреев, наивно полагающих, что счастье в богатстве. Для меня счастье — добиться своей цели, какой бы сложной она ни была. Добившись одной, надо наметить следующую цель, более сложную. И так на протяжении жизни...

А тогда, в тот сказочный день, мы разговорились с Володей о заграничном кино, о героинях — знойных красавицах. В фильмах героини проносились в роскошных машинах на бешеной скорости и жили в замках.

Именно тогда я услышал голос. И не обратил на него внимания. На секунду в гараже стало темно, чей-то силуэт возник в проеме двери.

Я поднял глаза и увидел девушку. Точнее девочку.

Прошли годы, но я помню каждую деталь нашей первой встречи. В память навсегда врезались и милые миндалевидные, с необычным разрезом глаза, в глубине которых, словно в пещере Аладдина, искрились сапфировые огоньки. У нее была чистая белая кожа, тонкие правильные черты лица, аккуратный носик, полноватые чувственные губы.

Я увидел, как девушка бросилась на шею брату.

— Володька! Приехал!

Мой друг обнял ее. Закружил.

— Лидуська! Наша принцесса и моя сестра по совместительству, — гордо представил друг. — Знакомьтесь.

Девушка засмеялась. Ах, что это был за смех! Казалось, что сотня колокольчиков пересыпала свою дивную мелодию.

— Игорь, — ответил я.

Она скользнула по мне безразличным взглядом. Подошла к машине.

— И сколько человек сюда может уместиться?

— Целый взвод, — хохотнул Володя.

Молва была права. Девушка отличалась от всех, кого я до сих пор встречал, необыкновенной грациозностью движений и красотой. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что за внешней бойкостью скрывалась застенчивость.

Чтобы произвести впечатление, я выбрался из машины, постучал пальцем по капоту и обернулся к Володе.

— Сколько скоростей у этой колымаги? — спросил я у товарища.

— Четыре, старик.

— С места рвет?

Володя хмыкнул, изображая из себя специалиста.

— Как зверь. Только от этого быстро снашивается карбюратор.

— А дорогу держит?

— При ста пятидесяти — как влитая!

Я болтал с Володей, интуитивно понимая, что девушка внимательно меня слушала.

— А у вас какая машина? — неожиданно спросила меня Лида.

— У меня нет машины, — ответил я.

Она звонко рассмеялась, будто удачной шутке, и обернулась к брату.

— Когда ты нас покатаешь?

— Как только освобожусь.

Лида лукаво посмотрела на меня. Где-то вдалеке, словно по мановению волшебной палочки, заиграла музыка. Володя начал тихо отбивать на капоте ее ритм. Повисла пауза. Никто не торопился ее нарушить. Вдруг Лида тряхнула волосами.

— Умей я водить машину, — сказала она, — не сидела бы на месте, а ездила куда-нибудь каждый вечер. Куда глаза глядят.

Она посмотрела на меня, словно спрашивая: «Понятно?», молча поцеловала брата и вышла.

И небеса не послали мне никакого знака, который дал бы понять, что вот моя судьба! Хоть бы сердце в тот миг екнуло!

Потом нас пригласили в дом. Анна Григорьевна накрывала на стол. Именно тогда я еще раз внимательно присмотрелся к Лиде. Она разговаривала в комнате с каким-то парнем.

Как бы невзначай я спросил Володю, кто это был.

— Лидин одноклассник, Миша, — ответил он, и мы опять заговорили о машинах.

В оставшиеся дни недели я несколько раз заходил к Володе и как бы невзначай сталкивался с Лидой. Здоровался. Мы обменивались ничего не значащими шутками, и этим наше общение ограничивалось.

Ее одноклассника Мишу я больше не видел, как будто его кто-то выгонял перед моим приходом. Было ли это случайностью, не знаю.

Постепенно я довольно много узнал о Лиде. Она оканчивала десятый класс. Будущее ее было определено. Родители прочили ей медицинскую карьеру, хотели, чтобы она поступила на фармацевтический факультет в Пятигорске. Тогда не принято было отпускать девочек далеко от дома, особенно если это касалось младших дочерей. А фармацевтический факультет казался очень подходящим. Во-первых, рядом. Во-вторых, престижно. Особенно для девушки. Работать в тишине аптеки, иметь дело с дефицитными лекарствами — о таком можно было только мечтать. Вообще в идеале каждый уважающий себя еврейский папаша мечтал, чтобы его сын или дочь стали дантистами, — профессия была весьма выгодная, но, насколько я помню, стоматологического факультета в Пятигорске не было.

Чтобы понять, что на Лиду надышаться не могли, достаточно было посмотреть на то, как относились к ней родители. Они в ней души не чаяли. Их старшие дети вылетели из гнезда, и вся родительская любовь сконцентрировалась на обожаемой младшей дочери. Купаясь в такой любви, она просто не могла не быть счастливой.

Во всем остальном ее жизнь ничем не отличалась от жизни обычной советской девочки. Как и полагалось, встречи с мальчиками были возможны только под присмотром родителей. В рестораны — ни шагу. Прогулки по городу — с подругой.

Та первая неделя знакомства пролетела мгновенно. Мне было пора возвращаться в Москву, чтобы продолжать грызть гранит науки в аспирантуре.

Я ехал в столицу, а мысли мои невольно возвращались к Лиде. Ничего романтического в моих размышлениях не было. Просто я впервые познакомился с красивой еврейской девушкой, и ее образ засел у меня в памяти. Просто картинка! И умница! Она могла ответить дерзостью на дерзость и при этом не выйти за рамки приличий. Это производило впечатление.

В Москве у меня была девушка Татьяна. Мы нравились друг другу, и расставаться с ней я не спешил. Темп московской жизни отличался от темпа размеренной жизни в Кисловодске. Я должен был успеть прослушать лекции, написать параграф в кандидатскую, подготовить статью в научный журнал, провести семинар для студентов, усвоить тонны нужной и ненужной информации — миллион вещей, которые полагалось знать аспиранту. И такой поток событий не оставлял времени ни на что другое.

Раз в месяц-другой я навещался домой, чтобы расслабиться и глотнуть хрустального воздуха родного города, насладиться покоем и тишиной, прелесть которых я по молодости не до конца осознавал. В отличие от прошлых приездов я зачастил в дом к Михайловым. Первое время на правах товарища Володи, без тайных намерений. Кажется, в третий свой приезд я пришел в гости именно к Лиде. Мы мило поболтали, и все. Мать Лиды Анна Григорьевна проводила меня долгим взглядом.

Я не упускал случая захватить для девушки коробку конфет или букет цветов. Дарил от души, чувствуя приятное покалывание в сердце, словно вместе с подарком я отдаю в ее нежные руки частицу своей души. Мне казалось, что Лида чувствует тепло, которое я в них вкладываю. Но принимала мои подношения с озорной улыбкой, которая ровным счетом ничего не обещала.

Окончательно убедившись, что Лида не интересуется моей персоной, меня охватил азарт. Черт побери, я был парень не промах, да и смелость города берет. Я успел поработать на руководящих должностях, готовился защищать кандидатскую, учился в самой Москве... Было чем восхищаться!

Иногда я заходил к Михайловым и приглашал Лиду погулять. Как я уже говорил, приличная девочка из хорошей семьи не могла выходить с мужчиной одна... На прогулках нас всегда сопровождала подруга Лизы Карина. Мы бродили по нашему знаменитому парку, и дорожки уводили нас все выше и выше в горы. И чем больше я смотрел на лицо этой девушки, тем больше мне хотелось завоевать ее благосклонность.

Я использовал любой повод удивить или порадовать ее. Однажды мы прогуливались вокруг известного в Кисловодске ресторана «Храм воздуха». Он стоял на самой вершине горы, и оттуда открывался изумительный вид на окрестности... Это архитектурное чудо было построено еще до революции. В советское время оно стало для отдыхающих обязательным местом посещения. Я предложил туда зайти, но Лида категорически отказалась. Комсомолка, десятиклассница с молодым мужчиной — упаси бог. Понимая, что мне ее не переубедить, я забежал в ресторан и тут же договорился с официантом, чтобы тот вынес нехитрую снедь прямо на лужайку перед рестораном. Он чуть ехидно улыбнулся в усы и стал готовить скатерть.

Спустя годы этот поступок обрел ореол романтизма и стал рассматриваться как проявление рыцарства, хотя тогда я об этом и не думал. Мне было приятно доставить радость моей даме, приятно видеть, как получает удовольствие та, которая мне нравится.

Лида в сопровождении Карины прохаживалась по еловой аллее. Время от времени она с интересом поглядывала на странные приготовления перед рестораном, в которых участвовал официант. В какой-то момент девушка раскинула руки, словно птица. Платье туго облепило ее тело, так что я мог увидеть ее восхитительные формы. Казалось, все вокруг смотрят на нее, на меня, и видят, как сильно она мне нравится и как она играет моими чувствами так мило, так по-детски.

Волосы у нее растрепались на ветру. Глаза вдруг стали очень светлыми: из карих — серыми или голубыми. Стоило ей взглянуть на меня, как лицо ее внезапно озарилось.

Может быть, именно тогда я первый раз и подумал, что Лида решит все мои проблемы. Правда, как она это могла сделать, я и сам толком не понимал. Но то, что против ее кандидатуры отец возражать не станет, я не сомневался. Думаю, и она, и я в тот момент ощущали себя шахматными фигурами в захватывающей партии, которую вело провидение.

...Лида подошла к импровизированному столу, словно по взмаху волшебной палочки, накрытому на поляне, отщипнула кусочек от булочки, рассмеялась и начала весело болтать с Кариной. Я сел рядом. Мы рассказывали друг другу смешные истории и хохотали без перерыва. Смысл слов даже не откладывался в памяти, но это было не важно. Мы чувствовали себя молодыми, задорными и очень счастливыми.

Мне хотелось как можно дольше задержать эти мгновения, но время было неумолимо. Вскоре Лида начала поглядывать на часы, они с Кариной поднялись, чтобы идти домой. Я послушно пошел их провожать, словно заканчивая некий важный ритуал.

Меня как магнитом тянуло к Михайловым. И я не видел причины бороться со своим нарождающимся чувством. Зачем? Каждый раз, когда удавалось вырваться из Москвы, я заходил к ним уже на правах друга младшей дочери и на-

слаждался ее обществом. Что мы делали? Да ничего особенного. Разговаривали. Анна Григорьевна как будто невзначай занималась чем-нибудь в соседней комнате.

Я терпеливо ждал от Лиды малейшего обнадеживающего знака, любого, пусть самого ничтожного поощрения. Но таких знаков не было.

Каждый раз, когда я возвращался от Лиды, я все рассказывал Хаво. То, что для меня было мелочью, для женского сердца Хаво означало гораздо больше.

Однажды, выслушав мои вздохи насчет прохладного отношения Лиды, Хаво серьезно посмотрела на меня и посадила напротив себя.

— Сынок, — начала она, — не беги впереди паровоза.

— Что такое? — не понял я.

— Ты знаешь наши традиции. Все делается не сразу. Заход солнца тоже начинается с рассвета. Чего ты хочешь? Что ты ждешь от Лиды?

— Ну, я не знаю... — растерялся я. Все было так очевидно. — Наверное, каких-то знаков симпатии, внимания... Я прихожу с подарками... Делаю все от чистого сердца.

— Ты забыл, — Хаво укоризненно на меня посмотрела. — Жизнь, сынок, началась не вчера. Вот ты говоришь: «моя Лида», «моя Лида»... А ты ничего не знаешь о Ягъяевых?

Ягъяевы были старыми друзьями Михайловых еще со времен жизни в Дагестане. Маёр Ягъяев дружил с Ильей Владимировичем. Рая, его жена, — с Анной Григорьевной. И то, что их сын Миша учился в одном классе с Лидой, было для них знаком свыше и поводом для дальнейших действий.

— Они обещаны друг другу, — пояснила мне Хаво со скрытым упреком в том, что я этого не знал.

— Но двадцатый век на дворе! Что значит обещаны?! Главное, любят они друг друга или нет. Все остальное — дурацкие традиции.

— Не дурацкие, а очень даже правильные, и не тебе рассуждать, что хорошо, что плохо, — одернула меня Хаво. — Будь добр, уважай их выбор. Если отец Лиды о чем-то договорился с Маёром, то тебе не стоит поперек решения становиться.

Я задумался о словах Хаво. Это был серьезный аргумент. Желание бороться с ветряными мельницами у меня пропало. Я молча пожал плечами.

Мне нужно было возвращаться в Москву. Собираясь, я думал, что, может быть, и в самом деле не стоило ломать копья. Я купил билеты и отправился к своим учебникам, статьям, лекциям и младшему брату Гене, который художественно заканчивал институт.

LXIV

В то время жизнь в Москве провинциалам казалась сказочной. И дело было не в доступности докторской колбасы или в возможности купить бананы. Московская жизнь была наполнена событиями и общением с интересными личностями. Тогда все горели идеями научно-технической революции, обсуждали полеты в космос, мечтали покорить новые миры. Все это настолько отличалось от того, с чем я сталкивался дома, что не могло не удивлять и не захватывать мое воображение.

Вообще мое аспирантское окружение коренным образом отличалось от кисловодского общества. Это был мир противоположностей, манивших своей новизной: либо ученые мужи, за работой забывающие о том, что надо вовремя поесть, либо очень хваткие карьеристы, мечтающие к сорока годам стать докторами наук, деканами или хотя бы завкафедрами, чтобы жить припеваючи.

Мы с моим младшим братом Геной восхищались лучшими представителями обеих категорий преподавателей и досадовали, что не знали их раньше. Может быть, благодаря нашему семейному интересу к разного рода технологиям Гена начал подтягиваться в учебе, схватывать суть явлений и вещей.

В итоге он окончил институт.

Это было достижением. Взятой высотой. Сбылась мечта отца — все его сыновья получили высшее образование. Для наших дедушек и бабушек это было невозможно. Для их внуков стало условием нормальной жизни. Дальше каждому из нас предстояло идти по жизни своим путем.

Гена возвращался в Кисловодск.

Мы тогда не очень задумывались, что это значило именно для Гены. Он снова попадал под опеку отца, и для обоих это было неприятно.

Отец устроил его работать на колбасный завод в Ессентуках. Потекли трудовые будни.

И вдруг все изменилось. Однажды Гена пришел домой и отдал Хаво первые заработанные им деньги. Только спустя время я понял, как много это значило для Хаво и отца. В одно мгновение из опекаемого и непослушного младшего сына, за которым нужен был постоянный присмотр, Гена превратился в добытчика. Мужчина, который начал приносить в дом деньги, автоматически становился хозяином, авторитетом.

LXV

У Эрзола легко получалось «пробивать» выделение необходимых фондов, материалов на строительство новых цехов, оборудования для заводов. Он мог получить необходимую резолюцию на документ... Начав с малого, он обладал достаточной властью в Кисловодске, чтобы совершать сделки на всех уровнях. И тут он понял, что вырос из рамок этого города. Наступила пора перемещаться на другой, более высокий уровень.

У него был старинный друг Зинюков, который занимал должность начальника Второго главка Росшвейпрома. Он-то и предложил отцу перейти к нему работать первым замом. Так наш отец оказался в Москве.

Иногда мне кажется, что отец с самого рождения принадлежал к сонму счастливицев. Потом я вспоминаю, как он вел себя в непростых ситуациях, как выстраивал свои дела, и понимаю: его успех был запрограммирован им самим и никем больше. Он полагался только на свой ум

и смекалку, шаг за шагом он вел себя к карьерным вершинам.

Памятен один эпизод, произошедший во время одного из наших совместных с отцом посещений Кисловодска.

Он попросил меня помочь в одном деле. В чем заключалась эта помощь, я сразу и не понял. Отец показал мне пять тяжелых литровых банок, в которых ровными слоями были уложены монеты, бриллианты, немного золота. Мне показалось, что банки светились изнутри. Деньги копились в доме Эрзола, как в иных домах копится пыль. И в конце концов он начал задумываться, что с ними делать. Отец не был падок на золото. Никто в нашей семье много ювелирных украшений никогда не носил. Но необходимость во что-то вкладывать деньги, чтобы они не обесценивались, заставляла отца скупать то, что всегда оставалось ценным.

Трагедия заключалась в том, что Эрзол ни на что не мог открыто потратить это богатство. Такая же проблема была и у небезызвестного подпольного миллионера Корейко, и у многих деловых людей советской эпохи.

Понимая, что хранить драгоценности в доме опасно, Эрзол стал прятать их, закатывая, как помидоры, в стеклянные банки.

Они хранились где-то на нашем участке. Где точно, не знал никто. Но потом и этой предосторожности отцу показалось мало. Следуя интуиции, в один из своих приездов домой Эрзол решил перепрятать свои сокровища от греха подальше.

Продумал он все до малейших деталей. Отец попросил меня помочь вырыть яму на склоне оврага, метрах в двухстах от дома. Пошли налегке, с одними лопатами. Над садовыми участками разносился голос Эдуарда Хиля, который в знойный летний полдень пел мечтательное:

«А мороз ледяной, дверь скрипучая...» В майках и трениках, как заядлые рыбаки, желавшие накопать червей для лова, мы спускались по тропке к бурлящей речке. Дорога была труднопроходимой. Каждую секунду мы боялись оступиться и покатиться вниз.

Хотя вокруг светило солнце и стояла прекрасная погода, меня отчего-то не покидало предчувствие опасности. Вокруг не было ни души, только цикады трещали на все лады, заглушая песню Хиля.

В определенном месте отец остановился и внимательно посмотрел по сторонам. Несколько раз притопнул зачем-то, взял в руки лопату и сказал:

— Копать будем здесь.

С этими словами он всадил штык в землю и выкинул первый ком земли. Я сразу вспомнил его уроки садоводства, как он нас маленьких выгонял в огород и учил копать. Те уроки не прошли даром. В его движениях сочеталась сила и целеустремленность. Отец поставил цель и шел к ней, невзирая на трудности.

Мысль о том, что мы копали яму для сокровищ, где, возможно, они навсегда обретут покой, развеселила меня. Неужели за нами никто не подсматривал? Высоко в небе проносились стрижи и ласточки. Над рекой разносилось: «Поле, русское поле...» Это Хиля сменила в радиопередаче Людмила Зыкина. Отец ничего такого не замечал. Только бросил на меня сердитый взгляд: мол, чего застыл? Я схватил свою лопату, и работа закипела с удвоенной силой.

Отец остановился только тогда, когда решил, что яма достаточно глубока, чтобы надежно сохранить его состояние.

Довольный работой, коротко сказал:

— Теперь пошли за банками. Здесь их точно не найдут.

Он словно предвидел будущее, о котором никто из нас не имел ни малейшего представления. Дома уже ждали

приготовленные Хаво корзинки с провизией. На дне плетенки были аккуратно уложены прикрытые картошкой и яйцами стеклянные банки с ценным содержимым.

Действовали мы по всем правилам конспирологии.

Ответственность за груз, который мы несли, вызвала такой выброс адреналина в кровь, что я не чувствовал под собой ног. Мне казалось, что я не шел, а летел над опасной для спуска тропинкой. Мои движения стали скоординированными, мышцы напряглись, все чувства обострились. Я ощущал в себе уверенность, что отобью любое нападение, случись такое, и во что бы то ни стало сохраню то, что нажил отец, то, что обеспечивало будущее нашей семьи.

Заметить нас можно было только с противоположной стороны реки, но там были густые заросли и редко кто появлялся.

Мы дошли до ямы, отец спустился туда и сказал обидным голосом:

— Ну давай.

Я осторожно передавал ему стеклянные банки. Отец принимал их в руки, как акушерка принимает новорожденных, и аккуратно укладывал в ряд. Потом он выбрался оттуда, и мы снова взялись за лопаты.

Усталость гнала лишние мысли. Мы методично махали лопатами, пока яма перестала быть таковой, утрамбовали землю и пошли обратно.

Дома умылись, переоделись. Отец позвал меня в свою комнату и прикрыл дверь. Строго посмотрел на меня, и мы поклялись забыть о существовании схрона. Эта клятва заставила острее почувствовать нашу родственную связь, которую уже ничем нельзя разорвать. Нас связывала тайна, и от ее сохранения зависело будущее всех.

Вскоре отец уехал обратно в Москву. Следом за ним собрался и я. Впереди нас ждали большие дела.

LXVI

Меня всегда удивляло, откуда в Москве, этом сухопутном городе, берутся морские птицы. С их горланного крика начинались учебные дни. Спешка, конспекты, лекции... В этой жизни был свой ритм и энергия, наполняющие ожиданием чего-то нового и неожиданного, что должно было привести меня к славным делам.

Кроме учебы случались и милые романтические приключения и веселые праздники. Люди вокруг встречались, влюблялись, расставались. Кто-то терял свою половину, кто-то находил. И тогда гремели свадьбы, порхали белые крылья невестинной фаты, напоминающие крылья тех самых морских чаек.

Я любил эти праздники — свадьбы своих друзей. Мне казалась, что с ними жизнь раскрашивалась новыми яркими красками. Свадьбы оповещали весь мир, что два сердца нашли друг друга, узнали, зачем живут, — обрели счастье.

А зачем жил я? Все было зыбко, неопределенно, но я не терял надежды.

Именно тогда произошло одно очень важное событие.

Отец снова ненадолго вернулся в Кисловодск. Только потом я узнал, что произошло. Началось все с того, что Хаво рассказала отцу историю моих неудачных попыток добиться расположения Лиды. Вероятно, впервые отец отнесся к моим сердечным делам с таким одобрением. Речь шла о чувствах к еврейской девочке. Все давно мечтали, чтобы я остепенился. Кандидатура невесты полностью устраивала моих родных. Всегда живущий дальними планами, отец уже видел перспективы такого союза — новую семью, много детей, означавших продолжение рода Бабаевых.

Все казалось очень простым. Надо было пойти к отцу Лиды и потолковать с ним по душам. Остальное — дело техники: разговор о помолвке, затем свадьба и подарки молодоженам.

Был уже вечер, когда Эрзол Бабаев постучался в дом к Илье Михайлову. Дверь открыла хозяйка. Секундное удивление промелькнуло на ее лице и затем погасло, сменившись вежливой улыбкой: «Милости просим».

Отца проводили в гостиную. Вскоре туда же вышел и хозяин дома — Илья Владимирович.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Женщины накрыли на стол. Полились тосты, которые сменились разговорами за жизнь.

В тот вечер отец, я полагаю, был в ударе. Он говорил о делах, о ценах на сырье, о завтрашнем дне и о том, как летит время, не успеешь оглянуться, и твои дети, которых ты все еще считаешь маленькими, вдруг уже выросли.

— А как Лида? — неожиданно спросил он.

— Заканчивает школу, — ответил Илья Владимирович.

— И что дальше?

— Да, уже и с институтом определилась.

— Это хорошо, когда родители знают, что надо детям. Хотя для девушки главное — это, конечно, не работа, а семья. — Отец хитро посмотрел на Илью Владимировича.

Полагаю, что тут отец и сказал, зачем пришел, и спросил, как Илья отнесется к тому, что сын Бабаева Игорь посватается к его дочери.

Молодые люди — горячие, пылкие, но если сердце говорит «да», почему бы не ответить согласием? Игорю нравится Лида, и это самое главное. Разве счастье молодых не предел мечтаний родителей?

Отец замолчал. Илья Владимирович, мягко улыбаясь, закурил, выдохнул кольцо дыма, потом внимательно посмотрел на отца и спокойно произнес:

— Извини, Эрзол, я очень уважаю чувства Игоря, он хороший парень. Чистый. Умный. Наслышан о его успехах в учебе. По всей видимости, ему светит большое будущее, и любая девушка была бы рада такому предложению, но для меня самое главное — это счастье моей дочери, причем ее собственное решение. Надо спросить у Лиды, хочет ли она замуж за Игоря.

Отец удивленно посмотрел на собеседника.

— Я дочери ломать жизнь не могу, — пояснил Илья Владимирович. — Пусть сама скажет: хочет ли замуж. Если согласится, ну что ж, на то ее воля, если нет — тогда другой разговор.

Мой отец к такому повороту дел готов не был. Как так? Девочка будет решать самостоятельно свою судьбу? Это противоречило традиции. Решать должен все отец!

Однако Илья Владимирович был непреклонен: решение примет Лида, и только она!

Утром отец осознал, что произошло. Ему просто грамотно отказали. Да еще как! Мягко, интеллигентно.

Отец вернулся в Москву, в нашу квартиру, в которой мы тогда жили, и в присущей ему манере рубанул с плеча:

— Все, хватит! Сколько можно унижаться? Забудь о Лиде! Ищи другую! — И отец со всей силы хлопнул ладонью по столу, так что бокалы в серванте протяжно зазвенели.

Он пояснил мне, в чем дело, и закрыл этот вопрос.

После его слов я словно впал в забытие. Сначала просто не знал, что делать, потом попытался изменить отношение к неожиданному поражению.

Я стал внушать себе, что с Лидой меня ничего не связывает. Я был молод. Кровь у меня была горячая, и в монастырь я не собирался. К тому же в Москве у меня была девушка Таня. Почему же я должен лишать себя счастья, если та, ради которой я готов был отправиться пешком на Луну, во мне не нуждалась?

Неожиданно трезво я взглянул на ситуацию. А почему бы не жениться на Тане? «Но ведь она русская», — шептал мне голос разума. «Ну и что?» — возражала моя обида. Раз отец решил заняться устройством моих сердечных дел, почему бы ему не пойти мне навстречу? Почему бы не намекнуть ему, что счастье его сына возможно не только с Лидой.

Это была очень простая арифметика, в которой не требовались хитрые уравнивания.

Но как открыться отцу? Как показать ему, чего я хочу, чтобы он на это откликнулся? Я не знал.

И тут его величество случай все решил. Мой друг Сережа Цымбал объявил, что нашел счастье в своей жизни: он женится на самой красивой девушке на земле — той самой Ольге, которую я некогда познакомил с ним.

Свадьбу играли в ресторане гостиницы «Россия», и туда были приглашены все друзья во главе с самим Эрзолом.

И тут у меня родилась мысль. А что если именно там я представлю отцу свою Татьяну? В самом деле, пусть он увидит эту русскую девушку, поймет, как она хороша, и, возможно, благословит наш союз.

Таню Бог красотой не обидел. Как только она появилась в ресторане, внимание друзей моего отца моментально переключилось на нее. Таня была польщена. Высокопоставленные товарищи наперебой приглашали ее на танец.

Татьяна, загадочно улыбаясь, кивала в знак согласия и выходила в круг, иногда кидая в мою сторону красноречивые взгляды. Довольно скоро все поняли, что Таня — моя девушка.

Расслабленные алкоголем, друзья толкали Эрзола в бок и начинали душевные разговоры.

— Алексей, ну как твои дети? Что Гена, что Слава?

— А какие планы у Игоря?

Отец отвечал и выглядел вполне довольным. Уже позже я узнал, что многие из его друзей, знавшие не очень удачную историю первого брака моего брата Славы, на свой лад пытались мне помочь. Разговоры у них были с подтекстом. Мол, ты уже сломал жизнь старшему сыну, не повторяй этой ошибки с Игорем. Вон какая у него девушка. Видел? А как смотрит на Игоря?! Чем не пара? Жени их!

Как мне потом рассказывали, отец отшучивался, отвечал: «Посмотрим, сейчас не время говорить...»

Чужое счастье всегда кажется соблазнительным. Слушая крики «горько» и глядя на счастливых молодоженов, я подумал, а вдруг и мне улыбнется фортуна, и я пополню армию счастливых людей на планете. Всего-то и надо сделать — получить согласие отца.

Я искоса посматривал на то, как он общается с друзьями, как веселится и произносит тосты. Казалось, даже здесь, на чужой свадьбе, главным был не жених, а он — Эрзол Бабаев.

Незаметно наступил вечер, потом ночь. Разгоряченные и уставшие, мы с отцом вернулись домой. Я заснул, думая о том, что как было бы здорово завтра все решить. Но на следующий день я так и не смог найти подходящего повода, чтобы завести разговор о Тане. Решать все вот так — с бухты-барахты — было с ним абсолютно невозможно. Требовался подходящий случай, и вскоре он представился.

Спустя месяц, собираясь утром на работу, отец невзначай сказал мне:

— Слушай, сегодня в Москву прилетает Тарада. Надо его встретить. Поехали со мной. Составишь мне компанию.

Я с радостью согласился. Дел у меня особых не было. Почему бы не уважить просьбу отца? В назначенный час к условленному месту подкатила «Чайка».

Я молча сел в салон, и машина тронулась с места. Отец развернул газету, громко хрустнув бумагой. Я сразу напрягся, словно прозвучал сигнал к действию:

— Пап, мне надо с тобой поговорить.

Все! Первый шаг был сделан. Мой тон не оставлял сомнений в серьезности темы. Только, казалось, отец ничего не расслышал.

— Папа! — повторил я. — Я хотел с тобой поговорить.

— Не сейчас, — буркнул отец, словно опускаая шлагбаум.

Я подумал, что ослышался, и продолжил:

— Мне надоели все эти бесконечные разговоры про мою женитьбу. Я уже достаточно взрослый, чтобы разобратся, кто мне подходит, а кто нет.

— Я же сказал: не сейчас, — чуть громче произнес отец, и в его голосе прозвучали металлические нотки.

Не понимая, что происходит, я опять проигнорировал его замечание.

— Я должен тебе сказать... Ты, наверное, ее тогда на свадьбе видел... Ну, я имею в виду ту девушку, с которой танцевали Леня Боднев, Гельман. Ее зовут Татьяна.

По лицу отца пробежала еле заметная тень гнева.

— Пап, ты меня не слышишь? Я хотел тебе сказать: я хочу на ней жениться.

В салоне повисла пауза. Наверное, именно такая страшная тишина возникает после щелчка взрывателя, когда несчастный пехотинец наступает на мину-ловушку...

Отец отбросил газету и повернулся ко мне всем корпусом.

— Ты все сказал? — почти не разжимая губ, спросил он. Я опешил.

— Нет. Мне казалось, она тебе понравилась.

— Ты все сказал? — повторил он громче.

— Послушай...

И тут отец хлопнул ладонью по кожаному сиденью. Звук получился громкий, словно выстрел. Я вздрогнул. В глазах Эрзола вспыхнули яростные искры.

— Николай! — заревел он, обращаясь к шоферу. Тот от неожиданности вздрогнул.

— Останови машину.

Шофер резко затормозил. Меня бросило вперед, так что я больно ткнулся подбородком в спинку переднего кресла.

Отец потянулся и сам распахнул дверь с моей стороны.

— Выходи! — приказал он.

Долю секунды я смотрел на него, не понимая, что случилось, а потом выскочил из машины как ошпаренный. «Чайка» уехала, а я, остолбеневший, остался стоять на дороге.

В тот самый момент, когда отец выгнал меня из машины, он словно вернул меня с небес на землю, напоминая, что сам я пока ничего не решаю в этой жизни, даже в вопросах собственного счастья.

Любовь? Не важно! Главное — это долг. И мой долг перед ним состоял в том, что я был обязан жениться на еврейке.

Так бесславно закончилась моя попытка обрести семейное счастье. Два ноль в пользу одиночества.

Тогда я стоял на улице, разглядывал проплывающие облака, сетовал на судьбу и даже задавался вопросом, чем же я так прогневал небеса. Как это ни странно, я благодарен отцу за тогдашний резкий ответ: ведь именно из-за его запрета не совершил страшной ошибки молодости, за которую корил бы себя всю жизнь. Конечно, попытка жениться на Татьяне была лишь лекарством от любви к Лиде, которая переполняла мое сердце.

LXVII

Путь к счастью с Лидой был заказан. Мягко говоря, положение тупиковое. Однако я постарался по-другому взглянуть на ситуацию.

Если мне суждено жениться на еврейке, то пусть ею станет любимая, а не та, кого навяжут. Только Лида, только она!

Обещана другому?! Наплевать! В конце концов, ее отец сам сказал: решает дочь. Вот и пусть решает.

Эта мысль придала сил. Я решил попробовать еще раз: поехать в Кисловодск и объяснить с той, которая занимала все мои мысли.

Сразу же по приезде в город я вновь написал Лиде записку: «Я томлюсь той жаркой мыслью, что ты думаешь обо мне».

На следующий день с пунктуальностью, достойной истинно влюбленного человека, я появился на пороге ставшего милым моему сердцу дома.

Лида увидела меня еще издали. Должно быть, мое появление даже рассмешило ее. И было отчего! Со стороны это выглядело так, будто к дому шел огромный букет цветов. До сих пор букеты были намного меньше.

Наверное, в душе девушки боролись два чувства. С одной стороны, что же подвигло к такому эффектному появлению? А с другой — в ее глазах явно читалось удовольствие. Ведь все это было ради нее одной, разве могло это не льстить?

Я вошел в комнату. Положил коробку с конфетами на стол в гостиной и перевел дух. Поднес Лиде букет. Девушка приняла его, не вставая, и смотрела при этом только на бумагу, в которую цветы были завернуты...

А потом сказала:

— Хорошо!

Меня словно током пронзило. Я почувствовал себя окрыленным. Кажется, Лида поняла, что я к ней испытываю. Это пьянило меня. Я продолжал действовать. Я еще не знал, к чему все это приведет, но ее улыбка прибавляла мне сил.

После того случая нас иногда оставляли в комнате одних. Тогда я сразу оживлялся, пытался выразить переполнявшие меня чувства. Однажды сказал ей, что у меня очень серьезные намерения. Лида звонко рассмеялась и ответила:

— Знаешь, я пока не собираюсь выходить замуж. Мне всего семнадцать лет. Впереди учеба.

В этот момент в комнату вошли Анна Григорьевна с Володей. На улице было душно, и Володя вытирал лицо платком. Мать Лиды опустила на пол тяжелую сумку с покупками.

— Хороша принцесса! — сказал Володя Лиде. — Ты чего так гостя принимаешь? Чай бы предложила.

— Поедем в Пятигорск? — воскликнула Лида, обращаясь к брату.

— Не могу, у меня дела, — отозвался тот.

Лидочка надула губки.

— Чем вы тут занимались? — спросила Анна Григорьевна у меня строго, словно застала за чем-то нехорошим.

— Анна Григорьевна, поверьте, я слишком уважаю вашу дочь... — пробормотал я, вставая.

— Мы ничего такого не делали, — сказала Лида и засмеялась.

В этом смехе была она вся. Гордая, озорная, шаловливая. Бесконечно притягательная.

Женщина неодобрительно покачала головой и принялась что-то искать в серванте. Мы с Лидой вышли на веранду. В небе, несмотря на солнце, слабо проступал бледно-молочный месяц.

— Как красиво! — воскликнула Лида, мечтательно разглядывая облака. Она уже забыла о Пятигорске. Просто ей всегда хотелось куда-нибудь поехать.

Мать тоже вышла на веранду и уселась в кресло, вытянув ноги.

Завязался разговор ни о чем. Я понял, что больше нас наедине не оставят, и вскоре ушел.

Я чувствовал, что Лида не отталкивает меня, не обрывает разговор, но в то же время держит на расстоянии. Приободренный, я решил действовать более настойчиво. Однако не тут-то было. Мимолетные знаки внимания постоянно сменялись холодным равнодушием. Мной играли, но тогда я еще об этом не догадывался.

Лидочке было приятно видеть мои страдания, мои ухаживания она воспринимала с восторгом, но не спешила сдаваться.

Весна заканчивалась, а вместе с ней и выпускные экзамены в школе. Началась горячая пора вступительных

испытаний в институт. Не знаю, скольких бессонных ночей стоили Лидочке ее штудии, но в итоге она поступила в фармацевтический вуз с первого раза.

Помню, как я приехал поздравлять ее сразу после зачисления. Она чему-то рассмеялась. И опять я чувствовал себя парящим над землей.

Один эпизод из истории наших взаимоотношений навсегда останется у меня в памяти, как победа на поле битвы.

Как-то мы прогуливались по нашему парку. Пели птицы. Цвели деревья. Буйство жизни разливалось вокруг нас, и на это, казалось, невозможно было не откликнуться.

— Я люблю тебя, Лида, — сказал я тихо, словно ощущая торжественность момента и боясь спугнуть его громкой речью.

Лида замерла.

— Любишь?

— Да.

— А почему ты шепчешь? Боишься, что кто-то услышит?

— Боюсь? Почему? Не боюсь, — сказал я удивленно.

Лида нахмурилась, как будто на язык ей попало что-то горькое.

— Так скажи об этом громко. Скажи так, чтобы все слышали. Скажешь?

Это был момент истины. Она мне не верила? Но почему? В голове моей мгновенно пронеслись сцены из виденных мной фильмов и прочитанных романов, в которых главный герой в самый мелодраматический момент падает перед своей любимой на колени.

Я посмотрел на бурую землю под моими ногами и с благодарностью во взгляде бухнулся перед Лидой на колени! Люди, которые шли позади нас, испуганно остановились, глядя на меня, как на сумасшедшего.

— Лида, я люблю тебя, — сказал я.

В этот момент где-то неподалеку с дерева упала шишка. Мир вокруг словно обратился в сплошной слух, стараясь не пропустить ничего из этого страстного объяснения. Мне показалось, что вдалеке кто-то засмеялся.

«Надо мной? — мелькнула мысль. — Ну и пусть. Пусть все смотрят!»

Таким свободным, трезвым и одновременно опьяненным я еще никогда себя не чувствовал.

— Громко! Скажи это громко, — с необъяснимым недоверием на лице потребовала Лида.

Ее лоб прорезала складка, в которой читалось все то же сомнение.

— Лида, я люблю тебя! — закричал я что есть силы.

Несколько прохожих, которые в этот момент проходили мимо, шарахнулись от нас, словно стая испуганных соек. Птицы замерли. В воздухе повисла удивительная тишина, которую не нарушало вообще ничего.

— Не верю, — произнесла Лида с мягкой улыбкой. — Я тебе не верю.

— Почему? — спросил я.

— Потому что ты женат. У тебя есть ребенок.

— Лидочка, что ты такое говоришь? Это чушь.

— Хватит оправдываться. Я знаю, что я говорю.

Я вскочил с колен.

— Лида — это совершенная ложь!

— А жена? Признайся! Ты уже был женат?

— Женат? На ком? — я вытянул вперед руки, на которых никогда не было обручальных колец. — Это вранье, — повторил я убежденно.

— Вранье?! — Лидочка испытующе посмотрела на меня. — Так тому и быть.

Она задумалась, рассматривая что-то у себя под ногами, будто там находился центр мироздания. Затем удовлет-

воренно кивнула, словно отвечая своим тайным мыслям и отломила ветку с деревца, что росло вдоль дороги, — такую же нежную и хрупкую, как она сама. И, развернувшись на каблуках, пошла вперед, помахивая веточкой.

— Лида, стой! — Я вскочил с колен и побежал за ней.

Девушка остановилась. Обернулась. В этот момент мне показалось, что меня ослепил яркий свет.

— Что?

— Ты мне веришь? — с мольбой произнес я. — Это все неправда.

— Верю-верю, — с мягкой улыбкой произнесла Лида. — Только скажи это тем людям, которые разносят про тебя сплетни.

Я не знал, что на это ответить. Мне и в голову тогда не могло прийти, что мать ее друга Миши может распространять обо мне какие-то слухи. Но на войне как на войне. Позже я узнал, что, согласно сплетням, я был наркоманом, алкоголиком и разведенным.

Для парня двадцати шести лет, которым я тогда был, это было теоретически возможно, будь на моем месте кто другой, ему и не удалось бы избавиться от оговора.

Я не собирался сдаваться из-за напраслины. Это была месть. Грубая попытка развести меня с Лидой, закончившаяся ничем благодаря нашей юности и чистоте, но тогда — тогда это больно ударило по моему самолюбию. Но что я мог поделать?

Меня переполняла обида. Хотя теперь понимаю, что Мишиной мамой тоже двигало в сущности простое чувство: желание, чтобы ее ребенок был счастлив. И в борьбе за это счастье она была готова пойти на что угодно. И тем не менее она проиграла.

Больше к обсуждению грязных слухов мы с Лидой не возвращались.

Ее взаимоотношения с Мишей закончились внезапно. Я мог бы об этом даже не узнать. Лида сама поставила все точки над «і». Произошло это так.

Однажды я пришел в дом к Михайловым. В зале сидела Лида и ее «суженый» — Миша, который так же, как и я, не терял возможности поухаживать за ней. Пока я разговаривал с отцом Лиды, она подошла к своему однокласснику.

— Ты чего такой хмурый?

Молодой человек на самом деле выглядел обиженным и удрученным.

— Что он здесь делает? — сердито выпалил он, кивая в мою сторону.

— То же, что и ты. Просит моей руки, — со смехом ответила Лида.

Миша вспыхнул. Щеки его стали ярко-пунцовыми. Он часто-часто заморгал, как будто в глаз ему попала соринка. Потом замер. Так и сидел минут пять, ничего не говоря, словно тень. Затем встал, подошел к Анне Григорьевне, что-то ей сказал, кивнул Илье Владимировичу и, чему-то улыбаясь, вышел из дома.

Как мне потом рассказывала сама Лида, Миша попрощался с Анной Григорьевной, и больше его в доме Михайловых не видели. Еще позже я узнал, что вскоре он женился на другой, но брак, к сожалению, вышел не слишком удачным.

LXVIII

Незаметно пролетел август. Наступил сентябрь 1976 года. Я приехал из Москвы домой. Но и друзья, и родные — все потеряло привлекательность, отступило на второй план. Мысли мои были заняты одним: я хотел увидеть Лиду. И на следующий день после приезда отправился к ней домой. Была суббота. Уверенный, что Лида дома, я нетерпеливо постучал в дверь, представляя, что ей скажу, и слегка оторопел — против обыкновения на пороге стоял ее отец.

— А, Игорь, здравствуй!

Я немного стушевался. Лидин отец смотрел на меня с усмешкой, будто что-то знал.

— Здравствуйте, Илья Владимирович. Лида дома? — спросил я и отчего-то покраснел.

— Нет.

Лицо мое вытянулось.

— А когда будет?

— Думаю, не очень скоро, — пробурчал мужчина.

Я стоял, не зная, что делать. В словах Ильи Владимировича чувствовался подвох. Да, кстати, что делать с букетом? Вручать его отцу любимой девушки было глупо. Я переминался с ноги на ногу.

— Знаешь, Игорь, мне потолковать с тобой надо, — вдруг произнес Илья Владимирович. — Пойдем в сад.

Я недоуменно на него посмотрел. Что еще за сюрприз?

— Да, пожалуйста, — ответил я.

Как был, с букетом в руке, я пошел за хозяином дома. Мы остановились в тени раскидистой яблони. Илья Владимирович секунду помолчал, потом, глядя куда-то в сторону, произнес:

— Знаешь, Игорь, Лида замуж выходить пока не собирается. Ей учиться надо.

Меня словно оглушили. Может, мне послышалось? Как будто это сказал какой-то другой человек, не знакомый ни со мной, ни с Лидочкой.

— Не понял, — вырвалось у меня.

— Прошу тебя, Игорь, не обижайся. Дело ваше молодое. И у тебя, и тем более у Лиды. Ты еще себе обязательно кого-нибудь найдешь. А к нам, я тебя прошу, больше не приходи.

Он замолчал, словно сбросил с плеч тяжелую ношу, и посмотрел мне прямо в глаза, его смущение прошло. Это заявление прозвучало как гром среди ясного неба. Я не знал, что на такое ответить, как поступить. Как робот, почти механическим голосом произнес:

— Я вас понял, Илья Владимирович.

Затем потоптался недолго на месте, развернулся и пошел к калитке. Я не мог поверить, что покидаю этот дом навсегда, не мог поверить в то, что услышал от отца Лиды.

«Это какая-то ошибка! Ты должен поговорить с ней, — твердил мой внутренний голос. — Слышишь, это ошибка. Немедленно вернись и поговори с ней».

Но тогда я не стал этого делать. Зато на следующее утро отправился в деканат института искать Лиду.

Через Володю узнал, что ее вместе с остальными первокурсниками отправили на картошку, и Илья Владимирович мне не соврал, сказав, что теперь я увижу Лиду не скоро.

В то время «картофельная барщина» длилась около месяца. Первокурсников вывозили в совхозные поля, и там они месили российские чернозем и нечерноземье, обильно поливая землю потом.

Володя рассказал мне, в какой колхоз увезли Лиду, и объяснил, как туда добраться. Следующим утром я взял машину и помчался за город. Хорошо я поступал или плохо, меня не волновало. Я должен был ее увидеть.

Мне было мало слов Ильи Владимировича. Важно было услышать все от самой Лиды.

Часа два я кружил по непролазной грязи среди полей, прежде чем, наконец, увидел фигурки, которые, словно муравьи, копошились посреди поля.

Остановившись неподалеку, я выскочил из машины, и только тут сообразил, что шел на свидание, — начищенные туфли, брюки, костюм, а тут — непролазная грязь, и девушки, и парни в сапогах, свитерах... Но какое это имело значение?

Наплевав, что будет с моей обувью, я прямо по грязи направился к Лиде. Она не почувствовала моего приближения. Я остановился у нее за спиной, словно невидимка, и засмотрелся, как она ловко орудовала лопатой.

— Здравствуй, Лидочка! — громко поздоровался я.

Девушка вздрогнула и оглянулась. Похоже, мое появление произвело на нее впечатление. Она выпрямилась.

Я стоял в двух шагах от нее. Ни тени недовольства не отразилась на ее лице. Может быть, не все так плохо?

Я понял, что не хочу говорить ни о чем серьезном. Словно почувствовав мой настрой, она вдруг рассмеялась. Потом и я не выдержал, и скоро мы заливались смехом от души, сами не зная над чем. Наверное, просто нам было хорошо вместе, словно мы расстались пять минут назад, и все недопонимание и напряжение как рукой сняло.

Я ждал, когда смогу сказать самое главное. Чувствовал себя, словно гонщик во время решающего заезда на звание чемпиона мира. Один неверный поворот руля, и мою машину вынесло бы за пределы трассы, а там — взрыв и клубы дыма.

Но Лидочка как будто не замечала моего смятения. На ее лице не отражалось ничего, что могло бы стать сигналом: «твои шансы равны нулю». Она мило болтала. Потом ополоснула руки в стоявшем неподалеку ведре и подошла ко мне. В лицо ей ударил свежий ветер, растрепал волосы.

— Слушай, здесь что-то прохладно, — решил sluкавить я и для правдоподобия поежился, — давай в машину сядем?

— Давай! — весело согласилась Лида, не ожидая подвоха.

Я распахнул перед ней дверцу. Она забралась на заднее сиденье. Туда же следом уселся и я.

Вероятно, в жизни каждого мужчины бывают такие моменты, которые он будет помнить всегда. Я почувствовал тепло, что поднималось из глубины моей души, и крепко обнял Лиду. Она замерла, словно птичка, попавшая в клетку, и я почувствовал, что меня не отталкивают. Ее душа раскрывается навстречу моей. Я поцеловал ее сначала осторожно и нежно, а потом все с большей страстью.

Не помню, сколько это продолжалось, но вдруг Лида отстранилась.

— Остановимся, нас могут увидеть, — произнесла она.

Я замотал головой.

— Здесь не увидят.

— Увидят! — твердо сказала Лида и решительно отстранила меня.

Я понял, что на большее в тот день был не вправе рассчитывать.

Зато ничто не препятствовало разговору, и я говорил, открывая перед моей любимой сердце и душу.

— Лида, пойми! У меня очень серьезные намерения. Я тебя люблю и хочу, чтобы ты... стала... — я говорил медленно, словно слова вдруг превратились в камни, — моей женой. Вчера твой папа сказал, чтобы я больше не ходил к вам в дом. Я уважаю его мнение, но считаю, что у тебя тоже есть свое мнение, и главное, — я улыбнулся, — сердце. Послушай себя. Я тебя не тороплю. Давай встретимся через месяц, и ты скажешь, что решила. — Я на секунду замер: не слишком ли рисковал? — Никаких условий я не ставлю. Просто скажешь «да» или «нет», — настойчиво повторил я. — Я приму любой ответ.

Лида стала очень серьезной.

— Хорошо, я скажу. Через месяц. Но не раньше, — и она посмотрела на меня своим бархатным взглядом так, что мне стоило невероятных усилий удержать себя и не броситься ее целовать.

— Я буду ждать, — ответил я еле слышно.

Все решится через месяц. Моя жизнь или... Я взял ее ладонь в свою.

— Только оттого, что я просто держу тебя за руку, — пробормотал я дрогнувшим голосом, — со мной происходит что-то невероятное.

Она не отняла руку. Словно что-то невидимое связало нас обоих. Я смотрел на нее, вдыхал аромат ее волос и молчал.

— Ну ладно, мне пора к нашим, — сказала она, отнимая ладонь.

Лида выбралась из машины и пошла к полю, не оглядываясь, а я остался сидеть один. Неужели все это происходило со мной?

Дорогу домой я помню смутно.

«Что она решит?.. А вдруг мать или отец начнут ее отговаривать?..»

Сотни вопросов, один другого страшнее, толкались в моей бедной голове, оставаясь без ответа.

Потянулись томительные дни ожидания.

LXIX

Явернулся в Москву. И каждый день боролся с искушением отбить телеграмму-молнию: «ДА ИЛИ НЕТ ВПР СКАЖИ СЕЙЧАС ВСКЛ».

Но на почту я не бежал, к телефону не подходил, понимая, что мои лучшие друзья — время и молчание.

И вот прошел месяц. Я приехал к Лиде для решающего объяснения. Мы встретились, и я предложил отправиться на прогулку в парк. Она согласилась. Я пытался понять по ее лицу ответ, но оно было непроницаемым.

Довольно долго мы шли молча, изредка бросая ничего не значащие фразы, смотрели на небо, словно любясь закатом, хотя, конечно, обоим было явно не до того.

Лида осторожно посматривала на меня. В ее взгляде сквозило удивление, словно она увидела меня впервые. В полумраке ее лицо казалось бледным.

— Что ты решила, Лида?! — не выдержав, спросил я, и голос мой предательски дрогнул.

— Ничего, — ответила она и еле заметно улыбнулась.

Брови мои удивленно полезли вверх. Земля закачалась под ногами.

— В каком смысле?

— Ничего другого с той самой поры, как мы в последний раз виделись, — ответила она.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, — прошептала Лида, и лицо ее стало серьезным. — Я все сказала тебе, когда позволила поцеловать.

— Что, повтори? — в свою очередь, прошептал я, не смея поверить своему счастью.

— Я согласна, — еле слышным шепотом ответила Лида.

— Еще раз, громче, — попросил я.

— Я согласна, — не меняя тона, ответила Лида.

— Еще раз! — закричал я и бросился к ней. Подхватил, начал кружить. — Говори, говори, говори! — кричал я снова и снова.

— Отпусти меня, уронишь!

Я чувствовал себя хмельным, хотя не выпил ни грамма... Казалось, что с неба на нас щедро струился особый свет, невидимый больше никому. Чего можно было еще желать?

Какое это счастье, счастье быть любимым человеком, которого впереди ждала целая огромная жизнь. Я почувствовал, что задыхаюсь.

Кто повелевал происходившим? Кто сделал бесконечным этот миг, который вознес меня на самую вершину восторга? Только тот, Всемогущий и Всеведущий, кто точно знал, что Игорь Бабаев объединил свою судьбу с Лидой Михайловой!

На второй день после Лидиногo согласия мой отец и Хаво пришли в дом к ее родителям. Того требовал ритуал, выработанный поколениями горских евреев.

Мы с Лидой не расставались, говорили о том, что нас ждет, строили планы. Я вдруг узнал и многое из того, что, казалось бы, не должен был знать.

Лида поделилась, как она провела тот месяц, который стал для меня самой долгой пыткой на свете. Недели через две или три после нашей разлуки она завела с родителями разговор о замужестве и сообщила, что ее избранником буду я. Отца с матерью будто обухом ударили. Они кинулись наперебой ее отговаривать. Прошло много лет, и я с высоты своего опыта могу их понять. Они так мечтали, чтобы у младшей все сложилось с личной жизнью. Мужем их младшей дочери стал бы Миша — парень, которого они хорошо знали, который вырос на их глазах и не мог преподнести никаких сюрпризов. Чистый мальчик, чистая девочка. Что еще требовалось?

Но Лида настаивала на своем. И меня ее упорство восхищает до сих пор. Она проявила такое желание добиваться своего счастья, которого трудно ожидать, глядя на этого послушного нежного ребенка, какой она остается до сих пор.

LXX

Нас ждал счастливый исход истории взаимной любви — церемония обручения. Искусственное синее небо в виде тонкого полотна, натянутого на четырех шестах, должно было символизировать небеса, которые благословляли наш брак.

На Лиде было невероятно изысканное платье, привезенное из-за границы. С уложенными волосами, на высоких каблуках, она походила на французскую актрису.

Увидев меня, попыталась что-то сказать, улыбка озарила ее лицо, она потянулась ко мне, но Анна Григорьевна успела ухватить ее за локоть. Это было не по правилам. Невеста пока принадлежала своим родителям.

Все происходило так, как полагалось испокон веков у всех евреев. Один из знакомых Ильи Владимировича достал бутылку особого вина, потом принесли бутылку ритуальной водки на серебряном подносе и корзиночку с печеньем — символы сладкой и беспечной жизни новобрачных. Верткий раввин с седой острой бородкой ласково

на нас посмотрел, словно говоря: «Вы не волнуйтесь, это все понарошку, главное будет в ЗАГСе».

Илья Владимирович, в черном костюме, накрахмаленной сорочке и импортном галстуке, нервно ходил по комнате. Костюм сидел на нем как влитой. Туфли сверкали. Он курил то ли «Данхилл», то ли «Мальборо». Завидев меня, принялся вспоминать те времена, когда я первый раз пришел в их дом на правах друга Володи. Потом мой будущий тесть озорно посмотрел на раввина и сказал:

— Вот Игорь — молодец! Если бы не его настойчивость...

— При чем здесь настойчивость? — перебил его раввин. — Просто молодой человек знает, к чему стремится и за что действительно стоит побороться.

— Чтобы это знать, необходимо верить, — согласился Илья Владимирович и пытливо посмотрел на меня, словно пытаюсь на глаз определить, есть у меня вера или нет.

— Иногда вера приходит позже, — ответил я тихо.

Раввин кивнул, соглашаясь, и дал знак начинать.

Тут же появился Володя, ведя за собой пятерых мужчин. Это были главные участники ритуала. Они встали вокруг нас с Лидой, словно то самое воинство, которое должно было уберечь Адама и Еву от грехопадения, и высоко подняли над нашими головами хупу. Мы замерли, счастливые и смущенные.

Изредка гости бросали косые взгляды то на меня, то на Лиду, всем своим видом показывая, что знают, что нас ждало в ближайшем будущем. Женщины шептали, благословляя, а их мужья хитро со мной перемигивались, словно намекая: «Подожди-ка, пройдет пара годков, и ты узнаешь то же, что и мы».

Раввин медленно начал читать кетубу — брачный контракт. Иногда его голос казался доносящимся откуда-то с потолка, словно читал не он, а бесплотный дух...

Когда он закончил, его помощник подал мне знак, и я надел на палец Лиды серебряное кольцо. Все дружно зааплодировали и стали к нам подходить, поздравляя и целуя в обе щеки.

Так Лида официально стала моей невестой.

LXXI

Отдельный эпизод моих воспоминаний — это визит Лиды и ее матери в Москву ко мне на предзащиту. Специально для них я снял номер в гостинице «Россия». За день до события Лидочка репетировала со мной мое выступление. Встав перед ней, словно перед ученым советом, я с жаром рассказывал о теме моей диссертации. И был на удивление красноречив. Мной двигала страсть.

Глядя в глаза Лиды, я читал в них восхитительное: «Умница, умница!»

Положительные эмоции будили мысль, одобрение любимой заводило сильнее горячительных напитков. Мы отрепетировали все так, что, казалось, не осталось ни одного темного пятна в предмете, ни одного каверзного вопроса, на который я не смог бы ответить. Оставалось только повторить эту волшебную речь на следующий день перед ученым советом — и дело в шляпе.

И вот настал день предзащиты.

Зал был полон. На скамейках, расположенных амфитеатром, сидели те, у кого я все это время учился, кого слушал, кем восторгался: доктора наук, кандидаты, старшие научные сотрудники.

Я вышел к трибуне, откашлялся и начал речь. Я говорил долго. Иногда теряя мысль, сбиваясь... Все-таки выступать перед аудиторией, к тому же заведомо глубже тебя разбирающейся в предмете, оказалось невероятно тяжело.

По окончании моего доклада раздались аплодисменты. Тогда в диссертационный совет нашего института входила вся научная элита пищевой промышленности, но для меня в тот день главным экспертом был только один человек — моя будущая жена Лида.

Когда все закончилось, я подошел к ней и с нетерпением спросил:

— Ну как?

Она скептически покачала головой.

— Ты должен был выступить гораздо лучше, — ответила она без обиняков. — Запинался, не был уверен в себе. А вчера так все блестяще проговаривал...

Она поцеловала меня.

Да, от зажима так и не смог избавиться. Но разве это так уж важно? Переживем. Долго горевать по этому поводу я не собирался. Впереди было столько всего нового, интересного. Все, что мог, я сделал.

Зато банкет после предзащиты удался на славу. Приглашенных было не больше 25 человек. Аспиранты, друзья, научный руководитель...

Я улыбался и говорил какие-то глупости. Сюрприз преподнесла и Анна Григорьевна, мама Лиды, — впервые я увидел ее, что называется, при полном параде. Она предстала такой эффектной дамой, что я ее не узнал. С модной прической, в невероятных украшениях, словно

из заграничных фильмов, она танцевала, приковывая к себе внимание солидных докторов наук и совсем молодых аспирантов... Вершиной признания были слова всех моих друзей, впервые ее увидевших: «Ну и теща у тебя! В нее влюбиться можно!»

В общем, это был счастливый вечер.

Но мне предстояли и серьезные испытания. Уже тогда передо мной встала дилемма, какую карьеру продолжать: научную или производственную.

Как новоиспеченный кандидат наук я мог остаться в институте на кафедре, и в этом были свои немалые плюсы. Во-первых, жизнь в Москве, столичная тусовка, карьера ученого... Во вторых, что было весьма немаловажным, в научном мире зарплата тогда была выше, чем на производстве. Все бредили физиками-лириками, а я выбрал не самое модное тогда производство. И, как оказалось, не прогадал.

LXXII

Вскоре моему отцу позвонил Анатолий Тарада и сказал, что в Анапе появилось вакантное место. И добавил:

— Долго тянуть нельзя.

Естественно, отец ответил за меня согласием. Шестеренки механизма принятия решения начали проворачиваться. В Анапе в ходе рабочего заседания горкома партии, когда встал вопрос о местном мясокомбинате, Тарада задумчиво пожевал губу и со знанием дела произнес:

— Есть у меня на примете один толковый кандидат, правда, молодой.

— Кто такой? — оживился первый секретарь.

Тарада взял паузу, как мхатовский артист, а затем на выдохе произнес:

— Игорь Бабаев.

— Это какой Бабаев? — спросил кто-то из присутствующих.

— Из Кисловодска? — уточнил второй.

— Нет. Тот его отец, — мягко ответил Тарада. — Речь о его сыне. Очень толковый парень.

И он начал рассказывать о моем комсомольском и партийном стаже, энергичности, целеустремленности. Это был ритуал, которого придерживались на всех уровнях власти. Когда Тарада закончил, ответом стала тишина, означавшая молчаливое одобрение начальства и безграничную поддержку партии.

Через месяц мне официально предложили возглавить мясоперерабатывающий комбинат. Так в двадцать семь лет я стал директором предприятия. И где? В городе на берегу Черного моря.

Прилетев в Краснодар, я сразу направился в краевое управление мясной промышленности. Возглавлял его партийный работник, умный человек Алексей Петрович Гречаный. Состоялся формальный разговор, и Гречаный повез меня на своей машине в Анапу.

Наверное, только когда мы приехали в город и начали колесить в поисках моего будущего места работы, я осознал фразу, которую уже слышал: «Большой дыры ты едва ли сыщешь».

Мой гид искал подведомственное ему учреждение довольно долго. Я сразу понял, что Гречаный ни разу здесь не бывал, и несколько приуныл. А погода за окном стояла райская, словно говоря мне: «Не тушуйся, старик. Все обрывается».

Возможно, мы несколько раз проезжали мимо нужного места, не догадываясь, что непрезентабельный захудалый дворик и есть тот самый мясокомбинат. Территория его была разбита на части: завод по убою скота, который находился на берегу моря, и перерабатывающие цеха с администрацией — они разместились почти в центре города.

Когда я вошел на территорию, ахнул: даже по сравнению с консервным заводом в Ессентуках это предприятие было ничтожно мало. В памяти всплыли фразы о печально знаменитом учреждении с красноречивым названием «Рога и копыта».

Пока я бродил по крошечным цехам, выискивая людей, к нам прибежал испуганный заместитель директора, который начал объяснять, что на производстве работают около 250 человек. Ни одного я найти не мог. Куда же они все подевались?

То, что я увидел, поражало своей дикостью. Но отступить было поздно. Теперь, по прошествии лет, можно с уверенностью говорить, что в пищевой промышленности и в аграрном секторе СССР настоящей науки никогда и не было. Она финансировалась, институты работали, но все это была фикция. Мы руководствовались в своей работе надуманными нормативами, которые составляли люди, никогда на производстве не бывавшие. Поэтому и ожидать какого бы то ни было заметного экономического роста не приходилось. Взяться ему было неоткуда. Но при этом создавалась видимость процветания науки. Парадокс, что тут скажешь!

В наши дни, когда мы столкнулись с тем, что советские животноводческие комплексы оказались нежизнеспособными в рыночных условиях, я думаю о том, что все это берет начало в той неправильной научной базе, которой я пытался верно служить и которая обеспечивала существование подобных хозяйств.

В общем, увидев на мясокомбинате разруху и запустение, я не сказал Гречаному ничего определенного и улетел к отцу.

— Ну что у тебя? — спросил тот в присущей ему небрежной манере.

— Это бардак, а не комбинат, — выпалил я с ходу и стал рассказывать о своих впечатлениях.

Отец усмехнулся, потом пылливо посмотрел на меня.

— А Тарада считает, что все не так страшно. Начинать лучше именно с этого места. Чем меньше комбинат, тем меньше претензий.

Я пристально посмотрел на отца. Он взял в руки карандаш и стал раскладывать все по полочкам. Это была очень полезная лекция. Отец объяснил, что меня ожидало, какие люди станут ко мне обращаться, какие трудности с сырьем могут возникнуть и как я должен со всем этим справляться.

Честно говоря, его понимание ситуации меня поразило. Получив такую поддержку, я перестал сомневаться в своем решении.

Ровно через две недели я приехал работать в Анапу. Уже без Гречаного.

С коллективом меня познакомил его заместитель. Всех собрали в небольшом актовом зале, я поднялся на сцену и, смущаясь, поздоровался со своими подчиненными.

Все дружно поаплодировали.

Итак, я дневал и ночевал на мясокомбинате, отдаваясь работе со всей страстью и энтузиазмом молодости. Пытался что-то наладить, переделать. Мысли мои занимали только убой скота, поставки, качество производимой продукции. Честно говоря, я даже немного подзабыл о своей кандидатской. И тут мне неожиданно напомнили о ней.

Как я уже говорил, окончательно диссертация еще не была утверждена. Я прошел только предварительную защиту, а основная намечалась уже после моего назначения директором мясокомбината. Зная об этом, мой научный руководитель Эрнест Иванович Кахучишвили, профессор, доктор наук, мудрый человек, прошедший через многое, дал хороший совет:

— Подожди, Игорек! Повремени с должностью! — сказал он. — Я понимаю, это приятно: двадцать семь лет, и сразу директор. Но подумай, может быть, есть смысл подождать.

— А что такое? — удивился я.

— Ты знаешь, научный мир довольно специфический. Если пойти на защиту в статусе директора, кое-кто может этого не понять.

— Что же здесь плохого? По-моему, наоборот здорово. Производственник, который дружит с наукой, — это же идеал. Вы сами нас этому учили.

— Учил, конечно, учил, — рассмеялся Эрнест Иванович. — Но ты знаешь, теория от практики порядком отличается... Понимаешь, мы, ученые, заведомо уверены в своей проницательности. С чего бы это директору производства еще и кандидатом наук быть? Не карьерист ли перед ученым советом будет стоять? Вот как могут подумать.

Он пытливо посмотрел на меня.

— Пусть думают что хотят! — выпалил я.

— Да это оно бы и так! Пусть думают, конечно, но могут появиться завистники. Тут ох какие мастера ставить подножки есть.

Я махнул рукой:

— Справимся.

Что я мог возразить? Что тянуть дальше нельзя? Эрнест Иванович меня бы не понял.

Промедли я с назначением на должность, и на мое место могли найтись другие кандидаты. И прощай, карьера.

Но и Эрнест Иванович знал, о чем говорил.

Да, я защитился, предзащита прошла на ура. Дело оставалось за малым — за утверждением, и тут-то моя кандидатская застопорилась. Намертво. Но я еще об этом не догадывался.

Именно в этот момент я разрывался между работой и важнейшим делом: подготовкой к свадьбе.

LXXIII

Говорят, если хочешь быть довольным, устрой праздник не для других, а для себя. Еврейские свадьбы играют не для жениха и невесты, а для их родителей. В этом я убедился на собственном опыте.

На свадьбу собралось около пятисот гостей. Среди них было много чиновников, знакомых отца, его друзей, орды родственников со стороны жениха и невесты. Конечно, особым гостем был Анатолий Тарада.

Я ехал на торжество прямо с завода. Компанию мне составил Володя, брат Лиды, который к тому времени уже работал у меня начальником холодильного цеха. Представьте степень моей увлеченности: даже столь важное событие, как свадьба, я делил со своей работой.

Машина летела вперед. Я был переполнен предчувствием счастья. Володя развлекал меня какими-то анекдотами, но я слушал вполуха. Глядя на мелькавший за окном пейзаж, я чувствовал, как мои мышцы наполнялись силой, а легкие

вместе с воздухом вбирали в себя радость. Меня переполняла невесть откуда взявшаяся уверенность, что с этого момента жизнь кардинальным образом изменится.

Свадьбу играли в лучшем ресторане Кисловодска... Спустя много лет, когда я вновь оказался там, он показался мне маленьким, убогим и захолустным. Но тогда, в середине семидесятых, мы считали его идеальным местом для проведения торжеств.

Часть свадебного зала отвели под эстраду. С обеих сторон к ней примыкали столы, образуя магическую букву «п». Столы, как принято на еврейских свадьбах, буквально ломились от яств. Это для нас расстарался Жора Тумясян, тот самый мальчик, которого Исай Адамов спас от тюрьмы. Жора был шеф-поваром этого ресторана и подарил нам настоящее кулинарное чудо.

Гремел оркестр. Все веселились. До сих пор, попадая в тот зал, я чувствую, как в душе поднимается волна радостных воспоминаний. В тот памятный вечер весь мир заполнял безбрежный океан счастья. О том, что у этого счастья есть обратная сторона, я тогда даже не подозревал. Только спустя годы я узнал о происшествии, которое в тот день от меня скрыли.

Праздничный корабль невероятной свадьбы на всех парусах летел к своему апогею. Гости плясали, били посуду, кричали «Шолом!» и «Мазлтов!».

И вдруг в какой-то момент я увидел, точнее, почувствовал, некое замешательство среди гостей. Это произошло в той части стола, где сидел мой отец. К нему кто-то подбежал, зашептал на ухо. Отец нахмурился. Тут же он и несколько его ближайших друзей бросились к лестнице, ведущей на первый этаж. Я с удивлением проводил их взглядом, но не придал особого значения. Что плохого могло произойти в самый счастливый день моей жизни? Рядом со мной сидела Лида, прекраснейшая девушка на свете.

Может, кто-то привез живого бегемота и его сейчас пытались сюда втащить? Может, кто-то достал Луну с неба и не знал, что с ней делать? Я посмеялся над своими нелепыми версиями и остался на своем месте.

Прошли годы, но я не знаю, как я отреагировал бы, если бы узнал настоящую причину переполоха. Оказывается, о моей свадьбе узнала наша бедная мать. Неизвестно, кто ей сообщил (может быть, брат Захар?). Но она приехала из Махачкалы, разыскала роскошный ресторан, где мы гуляли, и пришла туда в своем стареньком платье, чтобы поздравить своего сына. Она хотела всего лишь благословить меня, порадоваться моему счастью, которое, как она мечтала, обязано сопутствовать мне всю жизнь.

Она подошла к ресторану, и там ее узнал кто-то из наших родственников. Словно наяву, я представляю, как она радостно оглядывается, стараясь понять, в нужном ли месте оказалась. Ее заношенное синее платье так сильно отличается от роскошных нарядов остальных гостей... О ней докладывают моему отцу, и тот распоряжается не пускать в зал мать своих детей.

Это оказалось так просто: вывести бедную женщину из душевного равновесия. Как только мать стали хватать за руки и тянуть из зала, она начала кричать. Только гремющий оркестр заглушал ее крики и шум возни, устроенной на лестнице.

Я, счастливый, продолжал веселиться и не мог видеть, как мою мать выгоняли с моей свадьбы. Но даже если бы я это узнал... Быть может, настоящее мужество заключается в том, чтобы иметь силы признаться, что был не прав.

Так вот, знай я тогда, что на пороге ресторана стоит наша мама, я не уверен, что мог бы посадить ее за стол на почетное место.

Это выглядело бы предательством по отношению к нашему отцу, который вывел меня в люди. В моем понимании

именно он был главным человеком в моей жизни. И именно ему я был всем обязан. А к маме я тогда не испытывал никаких чувств, хотя бы отдаленно напоминавших сыновнюю любовь. Я ее совсем не знал. В моих глазах она была посторонней женщиной с надломленной психикой, которая по какой-то причине предъявляла на нас права.

Мог ли я понять ту трагедию, которую она переживала вновь и вновь, когда наталкивалась на наше равнодушие?

Только спустя десятилетия я смог осознать весь драматизм произошедшего на нашей свадьбе. Никакие молитвы не в состоянии были уничтожить безразличие и забвение, окружившее Турунж при жизни. Бедное сердце моей мамы, любившей нас больше самой себя, разрывалось на части. Она посвятила нам всю жизнь. И только спустя много лет я понял: именно ей мы были всем обязаны. Каждой минутой нашей беззаботной жизни, которую она согревала и оберегала своей простой безыскусной материнской молитвой.

Жаль, что понимать такие простые истины начинаешь только после того, как судьба проведет через множество потерь.

